

**РОССИЯ, СИБИРЬ
И ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ И КУЛЬТУР**

материалы VI международной научно-практической конференции
г. Барнаул, 27–28 апреля 2016 года

Об издании

Основной титульный экран

Дополнительный титульный экран неперидического издания – 1

Дополнительный титульный экран неперидического издания – 2

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»

**РОССИЯ, СИБИРЬ И ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ И КУЛЬТУР**

МАТЕРИАЛЫ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

г. Барнаул, 27–28 апреля 2016 года

Барнаул
ФГБОУ ВО "АлтГПУ"
2016

Об издании - 1, 2, 3.

ISBN 978-5-88210-844-0

УДК 94(470)+94(51)
ББК 63.3(2)+63.3(54)
Р768

Россия, Сибирь и государства Центральной Азии: взаимодействие народов и культур [Электронный ресурс] : материалы VI международной научно-практической конференции, г. Барнаул, 27–28 апреля 2016 года / под ред. В.А. Бармина. – Барнаул: АлтГПУ, 2016. – Систем. требования: PC не ниже класса Intel Celeron 2 ГГц ; 512 Mb RAM ; Windows XP/Vista/7/8/10 ; Adobe Acrobat Reader ; SVGA монитор с разрешением 1024x768 ; мышь.

ISBN 978-5-88210-844-0

Редакционная коллегия:

Бармин В.А., доктор исторических наук, профессор (АлтГПУ);

Бойко В.С., доктор исторических наук, профессор (АлтГПУ);

Першина Д.М., ведущий специалист по учебно-методической работе УНИЛ «Россия и Восток» (АлтГПУ)

Предлагаемый сборник содержит тексты докладов и выступлений, прочитанных участниками VI международной научно-практической конференции «Россия, Сибирь и государства Центральной Азии: взаимодействие народов и культур». В ходе работы конференции, которая была организована учебно-исследовательской лабораторией «Россия и Восток» АлтГПУ, участники конференции представили новейшие результаты исследований по историческим и современным проблемам взаимоотношений России (СССР) с государствами и народами Большой Центральной Азии. Значительная часть этих материалов построена на вновь выявленных архивных источниках и результатах этнографических экспедиций.

Материалы сборника предназначены для преподавателей и студентов исторических факультетов, а также всех, кто интересуется историей.

Текстовое (символьное) электронное издание.

Системные требования:

PC не ниже класса Intel Celeron 2 ГГц ; 512 Mb RAM ; Windows XP/Vista/7/8/10 ; Adobe Acrobat Reader ; SVGA монитор с разрешением 1024x768 ; мышь.

Об издании - 1, 2, 3.

Электронное издание создано при использовании программного обеспечения Sunrav BookOffice.

Объем издания - 6 130 КБ.

Дата подписания к использованию: 21.02.2017

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Материалы публикуются в авторской редакции.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет» (ФГБОУ ВО «АлтГПУ»)

ул. Молодежная, 55, г. Барнаул, 656031

Тел. (385-2) 36-82-71, факс (385-2) 24-18-72

e-mail: rector@altspu.ru, <http://www.altspu.ru>

Об издании - 1, 2, 3.

Содержание

История, современные проблемы и международные отношения государств/территорий Центральной Азии

Анисимова И.В. Реформы традиционной судебной-правовой системы казахского общества в первые годы советской власти

Бармин В.А. О поисках форм и методов борьбы с басмачеством большевистских властей Туркестана в 1919-1921 гг.

Биточкина Е.А. К вопросу о причинах формирования санитарно-эпидемиологического контроля Российской империи в Степном крае на рубеже XVIII – XIX вв.

Бойко В. С. Внутренние и внешние факторы формирования предпринимательского класса Афганистана в XX в.: феномен А.М. Забули

Бочкарева И.Б. Проект создания Тюркской советской республики Т. Рыскулова

Дацышен В.Г. Алтай и Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г.

Дурново И.В. Автографы Михаилу Ивановичу Чистякову

Еремин И.А. Экономика Акмолинской и Семипалатинской областей в начале XX века

Климачков В. М., Москвитин Ю.Н. К вопросу об организации деятельности полиции городов Томской губернии во второй половине XIX в. – начале XX в.

Коновалов А.П., Мизимбаев Т. Массовые жертвы террора противодействующих сторон в годы Гражданской войны на территории Семипалатинской области Казахстана (1918-1920 гг.)

Лыдин Н.Н. Создание и боевое применение колониальных войск Французской республики в начале XX века

Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. Мусульманские народы Центральной Азии в «петиционной кампании» периода Первой русской революции

Мирошников С.Н. Евразийский экономический союз: история и перспективы

Мухамеджанова Р.Ч. Немеркнущие страницы истории Рудного Алтая

Сюе-Скурихина Н.В. Административно-территориальное устройство Омской епархии

Шеметова Т.А. К вопросу о финансовой политике Советской России в китайской провинции Синьцзян в 1918-1922 гг.

Этнография и общественное сознание народов азиатской России и зарубежной Азии

Алексеев А.Н. Воспроизводство казахского населения в конце XIX - начале XX вв.

Бемм М.А. Плетение из ивового прута как одно из направлений народного прикладного творчества Восточного Казахстана

Жумагулов Б.С. Формирование этнической структуры населения Казахстана: исторический анализ

Керейбаева А.С. Общественная деятельность предпринимателей Степного края второй половины XIX- начала XX века в контексте российской государственной политики: историографический

аспект

Кладова В.Р. Особенности социально-профессиональной структуры еврейской общины Алтая в первой половине XX века

Крейдун Ю.А. Иконы Афонского письма в истории Православия на Алтае

Мамаева Г.Е. История депортации чеченцев и ингушей в Южно –Казахстанскую область на материалах региональных архивов

Молдагазинова Ж.М. Восточно-Казахстанская область как экспериментальная площадка трехязычия: перспективы новой языковой политики

Останакулов И. Особенности развития культуры толерантности в современном Узбекистане

Садиков М. Воздействия клановой системы на социально-исторические трансформации центральноазиатских обществ

Сушко П.Н. Русские иконы с восточными мотивами в собрании музея-заповедника

Хасанов Р.И. Межрелигиозная толерантность: опыт Узбекистана

Цыряпкина Ю.Н. Особенности демографических процессов в среде русскоязычного населения в постсоветском Узбекистане

Юферова Н.С. Проблема землеустройства казахского населения на территории Иртышского десятиверстного пространства в начале XX в.

Наши авторы

История, современные проблемы и международные отношения государств/территорий Центральной Азии

Анисимова И.В. Реформы традиционной судебной-правовой системы казахского общества в первые годы советской власти

Бармин В.А. О поисках форм и методов борьбы с басмачеством большевистских властей Туркестана в 1919-1921 гг.

Биточкина Е.А. К вопросу о причинах формирования санитарно-эпидемиологического контроля Российской империи в Степном крае на рубеже XVIII – XIX вв.

Бойко В. С. Внутренние и внешние факторы формирования предпринимательского класса Афганистана в XX в.: феномен А.М. Забули

Бочкарева И.Б. Проект создания Тюркской советской республики Т. Рыскулова

Дацышен В.Г. Алтай и Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г.

Дурново И.В. Автографы Михаилу Ивановичу Чистякову

Еремин И.А. Экономика Акмолинской и Семипалатинской областей в начале XX века

Климачков В. М., Москвитин Ю.Н. К вопросу об организации деятельности полиции городов Томской губернии во второй половине XIX в. – начале XX в.

Коновалов А.П., Мизимбаев Т. Массовые жертвы террора противодействующих сторон в годы Гражданской войны на территории Семипалатинской области Казахстана (1918-1920 гг.)

Лыдин Н.Н. Создание и боевое применение колониальных войск Французской республики в начале XX века

Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. Мусульманские народы Центральной Азии в «петиционной кампании» периода Первой русской революции

Мирошников С.Н. Евразийский экономический союз: история и перспективы

Мухамеджанова Р.Ч. Немеркнущие страницы истории Рудного Алтая

Сюе-Скурихина Н.В. Административно-территориальное устройство Омской епархии

Шеметова Т.А. К вопросу о финансовой политике Советской России в китайской провинции Синьцзян в 1918-1922 гг.

И.В. Анисимова

Реформы традиционной судебной-правовой системы казахского общества в первые годы советской власти¹

В статье рассматривается реформа судебной-правовой системы казахского общества в первые годы советской власти. Судебная система дореволюционного Казахстана была представлена главенством норм обычного права и повсеместной деятельностью народного суда, наряду с имперскими судебными инстанциями. Революции 1917 г., установление советской власти и начало культурного строительства в Казахстане, сделали необходимым модернизировать традиционную судебную систему казахского общества на принципах советской юстиции.

Ключевые слова: советская власть, судебная система, суд биев, Казахстан, обычное право.

I.V. Anisimova

Reforms of traditional judicial and legal system of the Kazakh society in the first years of the Soviet power

In article reform of judicial and legal system of the Kazakh society in the first years of the Soviet power is considered. The judicial system of pre-revolutionary Kazakhstan has been presented by domination of norms of a common law and universal activity of national court, along with imperial judicial instances. Revolutions of 1917, establishment of the Soviet power and the beginning of cultural construction in Kazakhstan, have made necessary to modernize traditional judicial system of the Kazakh society on the principles of the Soviet justice.

Keywords: Soviet power, judicial system, Bai' court, Kazakhstan, common law.

На протяжении XIX – начала XX вв. Российская империя планомерно проводила политику интеграции национальных окраин в общеимперское пространство, которая была неразрывно связана с трансформацией социально-правовых основ традиционного общества [6, с. 154]. Наиболее сложно происходили изменения в традиционной судебной системе казахского общества, уникальность которой заключалась в том, что наряду с формированием общеимперского правового поля, российские власти стремились сохранить и максимально интегрировать в него подвергшиеся модернизации традиционные судебные институты. При этом, народный суд казахского кочевого общества был основан на нормах обычного права и сохранял значительное количество архаичных пережитков. Не были реализованы в полной мере и судебные уставы 1864 г., которые были введены в Степном крае лишь в конце XIX в. Такое положение в судебной системе сохранялось вплоть до 1917 г.

Постепенное внедрение государственной нормативно-правовой основы судебной системы в Казахстане получило свое развитие лишь после Февральской революции 1917 г. Приход к власти Временного правительства знаменовал собой новый этап в политической истории России и предполагал изменение характера национальной и правовой политики государства. В марте 1917 г. при Временном правительстве был создан специальный орган - Юридическое совещание, на которое возлагалась выработка проектов наиболее важных законодательных актов.

В апреле и августе 1917 г. на совещаниях губернских комиссаров, которые проходили в Петрограде,

1

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

обсуждались вопросы о местном суде. В его обсуждении принимал участие министр юстиции. В ходе развернувшейся дискуссии выступил В.С. Елпатьевский, представитель Туркестанского края, который защищал принцип независимости суда. Как следует из протокола заседания, Елпатьевский не отрицал «дефектов суда», считая, что они связаны с «переживаемым моментом и являются временными». Елпатьевский подчеркивал, что на окраинах государства реализация идеи выборности судей неосуществима, поскольку «ощущается недостаток технических сил, а для занятия высших должностей, где особенно необходимы технические знания судебной практики, этот недостаток будет непреодолимым» [5, с. 24]. Подобные сомнения звучали и в выступлениях других участников. Данный вопрос вызвал оживленные споры не нескольким причинам, главной из которых было то, что после февральской революции были приняты меры по реорганизации судебной системы Казахстана, однако в регионе продолжала сохраняться ранее существовавшая система местных судов: судебные палаты, окружные суды, мировые судьи и их съезды.

В мае 1917 г. Временным правительством было принято «Положение о судах по административным делам», которое провозглашало административное правосудие интегральной частью общей судебной системы России [8]. Согласно «Положению», органы административной юстиции должны были быть связаны с системой общих судов страны, и привязаны к административно-территориальным единицам: государству, губерниям и уездам. Однако нововведения шли с трудом и вызывали много вопросов, и в конечном итоге, «Положение» так и не было реализовано.

Семиреченский областной съезд, состоявшийся в Верном 12–23 апреля 1917 г. представил свое видение структуры власти, в том числе судебной, в Казахстане. В волостях предполагалось учредить особый народный суд биев по одному от каждого аула. Из этого состава, чередуясь периодически, пять биев должны были составить постоянный волостной суд биев. Вышестоящими инстанциями должны были быть уездные съезды биев, которые избирались по одному от каждой волости. Предполагалось разработать особый кодекс на основе шариата, обычаев и основных законов. Хотя, в целом, решения, принятые на Семиреченском областном киргизском съезде, по мнению его организаторов, «могли быть осуществлены в рамках программ Временного правительства и вполне совмещались с государственными интересами России» [5, с. 35].

Таким образом, проекты реформы суда, разрабатываемые на местах, сохраняли институт суда биев в системе юстиции казахского общества, а в основе гражданского права сохранялись нормы шариата и обычного права. Конечно, такое видение судебной системы не отвечало требованиям социалистического общества и требовало кардинальных реформ.

Октябрьская революция и установление советской власти обозначили новый виток в модернизации судебно-правовой системы края. В первые годы становления советской власти отношение к обычному праву было выражением проводимой большевиками национальной политики, одним из главных критериев которой провозглашалось признание традиций и обычаев коренного населения национальных окраин и их постепенная замена прогрессивными институтами. В одном из первых документов Советской власти, «Декрете о суде», принятого 22 ноября 1917 г. подчеркивалось, что «местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [2, с. 124–126].

Применительно к условиям Казахстана данный принцип был реализован в Декрете СНК РСФСР «О революционном комитете по управлению Киргизским краем», принятого 10 июля 1919 г., в котором подчеркивалось, что «Революционный комитет имеет целью <...> проведение в жизнь всех

постановлений центральной Советской власти в соответствии быту, обычаю и условиям местного населения» [3]. Принятый декрет в ст. 14–16 сохранял институт народных судов и обычное право в крае как нормативно-правовую основу судебной системы: «Дела между киргизами разрешаются народным судом, по существу дела по обычному праву» [3].

Гражданская война и интервенция отложили на второй план вопросы социально-правовой модернизации и культурного строительства в Казахстане. Однако уже в 1919 г. на областных и районных съездах и собраниях трудящихся Казахстана с большой остротой ставятся вопросы о борьбе с «вредными пережитками старого общества» и высказываются требования отмены наиболее реакционных форм адата и шариата. Завершение Гражданской войны ознаменовало собой начало нового этапа в истории Казахстана. 26 августа 1920 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров в развитие декрета Совнаркома от 10 июля 1919 г. приняли постановление «Об образовании автономной Киргизской Социалистической Советской республики» [1, с. 33–35]. Власть в КирССР передавалась в руки местных Советов депутатов, Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Киргизской Советской Социалистической Республики. Для внутреннего управления республикой учреждалось 12 народных комиссариатов, в том числе и юстиции. С этого времени реформа судебной системы казахского общества началась в полном масштабе.

На основе декрета об образовании КАССР 4–12 октября 1920 г. состоялся Первый Всекиргизский Учредительный съезд Советов, который принял 6 октября 1920 г. «Декларацию прав трудящихся КАССР» и торжественно провозгласил, что КАССР входит как автономный член в свободную федерацию Советских республик, объединяемых в РСФСР. На съезде особый интерес вызывало обсуждение вопроса об организации советской юстиции и реформе суда. При решении данного вопроса съезд исходил из положения, принятой на съезде Декларации: «Народную юстицию построить в точном соответствии с опытом народного революционного суда Советской России, считаясь с бытовыми особенностями киргизского народа там, где они не противоречат основным положениям прав трудящихся, устанавливаемых настоящей Декларацией» [7, с. 269–272].

На съезде отмечалось, что наряду с советскими законами в республике существуют нормы обычного права. В отдельных случаях они успешно и бесконфликтно взаимодействуют, в других случаях их реальное существование приводит к противоречию друг другу. По окончании работы съезда было принято решение о разработке законоположений, отменяющих отдельные институты адата, а именно: куна; семейно-брачных институтов обычного права, таких как калым, многоженство, аменгерства; процессуальных учреждений адата – барымты, суда биев.

Юридической основой дальнейшей реформы судебной системы казахского общества стали Декреты РСФСР и КАССР. В первую очередь изменения коснулись регламентации семейно-брачных отношений. В 1920 г. был издан Декрет ЦИК и СНК КАССР «Об отмене калыма», уплата и принятие которого становилось уголовным преступлением. В январе 1921 г. СНК КАССР утвердил Декрет «О брачном праве киргиз», в основу которого были положены первые декреты и Кодекс законов о браке, семье и РСФСР. Документ законодательно закрепил равноправие супругов в семейно-брачных отношениях, отменил нормы обычного права, допускавшие похищение девушек для последующего вступления с ними в брак, и традицию аменгерства. Согласно декрету воспрещалось и многоженство, «как обычай, глубоко унижительный для нравственного достоинства киргизской женщины и создающий порабощение и эксплуатацию личности». Позднее, 9 ноября 1921 г. издается Декрет Совнаркома КАССР «О наказуемости многоженства», где наряду с отменой этого обычая определяются и меры наказания уголовно-правового характера за его совершение.

Не менее важное значение придавалось вопросам, связанным с существованием в казахском обществе таких традиций как кун и барымта. 9 декабря 1920 г. Совнарком Казахстана издал декрет «Об отмене куна» [7, с. 309–310]. Для пресечения барымты ЦИК Казахстана 10 ноября 1921 г. принял постановление о борьбе со скотокрадством. С 1 января 1923 г. на территории Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики начал действовать первый Гражданский кодекс РСФСР.

Таким образом, в результате принятия и введения в силу прогрессивных декретов Советской власти были ликвидированы существенные пережитки традиционной судебно-правовой системы. Народный суд терял свой авторитет и значение, а сфера применения норм обычного права существенно сократилась. Уже в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. нормы обычного права, архаические по своей сути, и традиционные судебные институты будут полностью исключены из судебной практики КазССР.

Библиографический список

1. В братском единстве народов СССР. Государственное строительство Советского Казахстана : документы и материалы 1920–1937 гг. : сборник / Институт истории партии при ЦК Компартии Казахстана [и др.] ; сост.: Х. Г. Айдарова [и др.]. – Алма-Ата, 1972. – 685 с.
2. Декрет о суде 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти : сборник : в 2 т. – Москва, 1957. – Т. 1. – 626 с.
3. Декрет Совета Народных Комиссаров. О Революционном Комитете по управлению Киргизским краем № 354 [Электронный ресурс] // Исторические материалы : [сайт]. – Электрон. дан. – URL: <http://istmat.info/node/38280>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 11.04.2016).
4. Кенжалиев, З. Ж. Казахское обычное право в условиях советской власти (1917–1937 гг.) / З. Ж. Кенжалиев, С. О. Даулетова. – Алматы, 1993. – 143 с.
5. Койгелдиев, М. К. Казахстан в российских революциях 1917 года / М. К. Койгелдиев, Б. О. Жангутин, Б. А. Есеркемисова. – Алматы, 2011. – 382 с.
6. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.) : монография / А. Ю. Лысенко [и др.]. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 272 с.
7. Образование Казахской АССР : сборник документов и материалов. – Алма-Ата, 1957. – 366 с.
8. Рустамова, С. М. Институт административной юстиции в законодательстве Временного правительства [Электронный ресурс] / С. М. Рустамова // Rusnauka.com : [сайт]. – URL: http://www.rusnauka.com/30_NNM_2010/Pravo/71720.doc.htm, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.04.2016).

В.А. Бармин

О поисках форм и методов борьбы с басмачеством большевистских властей Туркестана в 1919-1921 гг¹.

Статья посвящена актуальному и слабо изученному вопросу поисков большевистскими властями Туркестана форм и методов борьбы с басмаческим движением в Туркестане. В 1919-1921 гг. в Туркестане оформилось и набрало силу басмаческое движение, которое явилось формой открытого силового протеста местного населения на действия новых советских властей, приступивших к грубой ломке обычаев, культурных и национальных устоев, а также конфессиональных обрядов коренных народов Туркестана. Острое неприятие порождали также такие меры «военного коммунизма», как продразвёрстка, запрет базаров и свободной хлебной торговли. Попытки советского руководства Туркестана сломить это движение с помощью военной силы и репрессий закончились провалом. Это обстоятельство вынудило большевиков обратиться к поискам более гибких и действенных форм работы и с басмачами, и с широкими массами населения Туркестана.

Ключевые слова: Туркестан, басмачи, мусульмане, Красная Армия, борьба, советская власть.

V. A. Barmin

The Turkestan Bolshevik government in search of forms and methods of struggle against Basmatches in 1919-1921

The article deals with the topical and poorly studied subject: Bolshevik's searches of forms and methods to fight with Basmach (здесь и далее не уверен, есть ли у термина устоявшийся перевод в англ. языке, мультитран выдал такой вариант) organizations in Turkestan. In 1919-1921 Turkestan became the place where Basmach movement appeared and grew strong, it was the form of forceful protest of the local population to the actions of new Soviet authorities when they initiated a rough break of traditions, culture, national principles and religious rituals of indigenous community of Turkestan. Strong hostility was also generated by such measures as "War Communism", surplus appropriation system (аналогично не уверен на 100% возможно так и будет prodrazverstky или в этом духе), prohibition of bazaars and free grain trade. Attempts of the Soviet leaders to break resistance in Turkestan using military force and repressions ended in failure. This circumstance forced Bolsheviks to search more flexible and effective forms of contacts with Basmachs and masses of Turkestan.

Keywords: Turkestan, Basmachi, Muslims, Red Army, fight, the Soviet regime.

Несмотря на то, что советская власть в Ташкенте была установлена всего через несколько дней после победы большевиков в Петрограде (октябрь 1917 г.), дальнейший процесс становления и укрепления этой власти проходил в весьма сложных условиях и был, в определенной мере, завершен только к середине 20-х гг. 30 апреля 1918 года на 5-м краевом съезде Советов была провозглашена Туркестанская советская республика (ТССР). В постановлении Съезда заявлялось: территория Туркестанского края объявляется Туркестанской Советской Республикой Российской Советской Федерации; в состав Туркестанской Республики входит вся страна Туркестан в географических границах, исключая Хивы и Бухары.

Туркестанская Советская Федеративная республика, управляясь автономно, признает и координирует свои действия с центральным правительством Российской Советской Федерации» [1, л. 16].

Таким образом, в состав ТССР вошла территория бывшего Туркестанского генерал-губернаторства (после Февральской революции — Туркестанский край), который включал Закаспийскую,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 15-31-12023 «Революция 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин).

Самаркандскую, Семиреченскую, Ферганскую и Сырдарьинскую области. Однако уже летом 1918 года ТССР оказалась отрезанной от РСФСР фронтами Гражданской войны. В ходе Асхабадского мятежа 1918 образовалось контрреволюционное Закаспийское временное правительство, опиравшееся на английскую интервенцию в Средней Азии, возник Закаспийский фронт. Осложнились отношения с соседними Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Лишь 22 января 1919 года, когда войска Восточного фронта заняли Оренбург, блокада Туркестанской Советской Республики была прорвана. Вместе с тем, внутривластная и социально-экономическая ситуация в ТССР оставалась крайне сложной. В связи с этим в феврале 1919 руководством Советской России была образована Особая временная комиссия СНК РСФСР и ЦК РКП(б) по делам Туркестана. В состав комиссии вошли Ш.З.Элиава (председатель), М.В. Фрунзе, В.В. Куйбышев, Ф.И. Голощекин, Г.И. Бокий и Я.Э. Рудзутак. Комиссия уполномочивалась «...представлять ВЦИК и Совет Народных Комиссаров и действовать от их имени в пределах Туркестана и сопредельных с ним государств...» [2, с. 96-97].

Сложнейшей, наряду с другими, проблемой для партийного и советского руководства республики в этот период стала борьба с басмачеством. Отряды басмачей (басмач - от тюркского нападать, совершать налет) начали формироваться и возникать, как форма открытого силового протеста местного населения на действия новых властей, приступивших к грубой ломке обычаев, культурных и национальных устоев коренных народов Туркестана, а также конфессиональных обрядов и традиций мусульман. Острое неприятие порождали также такие меры «военного коммунизма», как продразвёрстка, запрет базаров и свободной хлебной торговли. Возглавлялись отряды басмачей местными племенными и родовыми вождями (курбаши).

Первые значительные очаги этого движения возникли после разгрома Советами Кокандской автономии существовавшей с 27 ноября 1917 года по 18 февраля 1918 на территории советского Туркестана. А после проведения национального размежевания, басмаческое движение охватило территории Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркмении и Казахстана. Основной и главной целью этого движения являлась борьба с советской властью. Уже к концу 1918 г. в Ферганской долине против большевиков действовало около 40 повстанческих отрядов, в которых сражалось более 7 тыс. бойцов.

Басмаческие отряды, опиравшиеся на поддержку местного населения, хорошо знавшие местность применяли партизанскую тактику борьбы и были трудноуловимы для подразделений Красной Армии. Избегая боевых столкновений с крупными частями Красной Армии, басмачи совершали налеты на кишлаки, небольшие городки, убивали представителей советской власти, уничтожали небольшие войсковые гарнизоны и скрывались в труднодоступных районах, часто расположенных в горной местности или в песках.

В этих условиях советские власти попытались решить проблему, используя традиционные способы борьбы с партизанским движением: брали заложников, уничтожали целые селения. В 1922 году председатель Совнаркома Туркестана К. Атабаев, анализируя ход борьбы с басмачеством заявлял следующее: «Мы думали одно время ликвидировать басмачество огнём и мечом. В этих целях более или менее крупные кишлаки, «поражённые басмачеством», уничтожались беспощадно, вследствие чего население уходило от Советской власти всё дальше и дальше. Не помогла нам и общая оккупация всей Ферганы. В одно время в Фергану было переброшено до 30 тысяч войск, и все крупные кишлаки были заняты гарнизоны из красноармейцев. Население оставалось враждебным к нам, басмачи легко справлялись с нашими гарнизоны, и мы, наконец, вынуждены были убрать войска из кишлаков» [3, с. 83-84]. Таким образом, усиление репрессий только ожесточало население и увеличивало количество отрядов, бойцы которых с оружием в руках включались в борьбу с большевиками. В ряде случаев басмачам удалось одержать ряд крупных побед над частями Красной Армии.

Переход Советской власти к нэпу несколько смягчил недовольство дехкан. Ещё больше ослабили басмаческое движение определённые уступки некоторым религиозным традициям мусульман. Тем не менее, в 1921 - начале 1922 гг. в рядах басмачей ещё насчитывалось в общей сложности до 50 тыс. вооружённых всадников.

Пытаясь обобщить опыт борьбы с басмачеством, штаб туркестанского фронта подготовил и распространил в июне 1922 г. среди командиров и политработников частей Красной Армии «Указания по организации борьбы с басмачеством». В преамбуле этих указаний констатировалось, что «Все продолжающаяся борьба с басмачеством до сих пор не дала каких либо ощутительных результатов» [4, л. 14].

Далее заявлялось, что «...сложность обстановки и новых методов борьбы заставили Революционный Военный Совет Туркестанского фронта издать это краткое руководство. Оно предназначено исключительно для командного состава и политработника. Командный состав найдет в нем указания, какую военную тактику применять в разной обстановке в борьбе с басмачеством, найдет также все те же основы новых методов борьбы, предначертанных нашими руководящими органами, исходя из общегосударственных политических и экономических соображений. Новые методы ни в какой мере не являются ослаблением борьбы против басмачества, они только позволяют нам использовать все имеющиеся возможности и способы борьбы и придают максимальную гибкость нашим мероприятиям. С другой стороны, новые методы требуют от всех советских и парторганизаций величайшего напряжения и уменья реально искоренять те основы, на которых зиждилось басмачество; требуют реальных экономических и политических мероприятий, как по отношению к бедствующему мирному населению, так и по отношению к сдавшимся, но не устроенным басмачам. Всякая несправедливость, головоутипство любого военного, советского органа или работника несет за собой недовольство среди населения, побуждает его снова уйти к басмачам.

Поэтому нужно быть везде чрезвычайно осторожным, нужно учесть не только военную обстановку, но и настроения и нужды населения и работать так, чтобы само население стало активным помощником в борьбе с басмачеством» [4, л. 14].

Далее авторы руководства заявляли, что части Красной армии должны пользоваться среди населения и авторитетом, и любовью. Чтобы этого достичь, надо зорко следить за деятельностью частей и даже отдельных бойцов. На каждом шагу разъяснять, указывать и учить, как воевать и как обращаться с населением. «Не нужно, - указывалось в документе забывать, - что местное население с недоверием относится к европейцам, смотрит на них, как на колонизаторов. Этот взгляд надо рассеять, ибо мы никаких колонизаторских целей не преследуем» [4, л. 14].

Еще одним направлением в работе по борьбе с басмачеством стало привлечение в ряды Красной Армии мусульман. В январе 1921 г. член Туркомиссии В.В. Куйбышева на 3-й Конференции Компартии Туркестана выступил с отдельным докладом «О привлечении мусульман к защите социалистического Отечества». В нем он, в частности, отметил: «Я хочу сказать несколько слов по вопросу, который еще не разрешен, но который настоятельно требует своего разрешения, это о привлечении мусульман к защите Социалистического Отечества» [1, Ф. 79. Оп. 34. Д. 152. Л. 15].

Далее Куйбышев подчеркнул: Да, - вооруженный мусульманин, с оружием в руках страшен, когда он пойдет против социалистической революции, но не нужно забывать, что он пойдет против нее только тогда, когда условия и, в частности, неправильная тактика наших работников, будут толкать его на этот путь, когда у нас дело будет поставлено так, что народы Востока будут заинтересованы в том, чтобы восторжествовала реакция, когда они будут мечтать о приходе старого мира в виде беков, ханов и проч., которые приведут с собой в качества орудия порабощения, английский империализм. Но

повторяю, все это может быть только тогда, когда деятельность советской власти будет толкать их к этому» [1, Ф. 79. Оп. 34. Д. 152. Л. 15].

Сочетание военных и политических усилий начали давать результаты. Если в мае 1922 г. басмачей, по официальным советским оценкам, было свыше 26 тыс., то уже в октябре — лишь около 7 тыс. человек.

По этому поводу в Статье «Басмачество изживается» и в печатном органе ЦККПТ и ЦИК Советов Туркестанской Республики и газете «Известия №206 от 15 сентября 1921г. заявлялось: «бандитизм, порожденный басмачеством в Ферганской области в конце концов измучил не только мирное население, лишая его мирного производительного труда, но и самих курбашей и джигитов, все более и более убеждающейся в бессмысленной борьбе с Советской властью. В результате все чаще и чаще попытки с их стороны войти в соглашения с властью. В этом отношении особенно любопытны переговоры, которые ведутся сейчас с вождями басмачества в Маргеланском уезде. Переговоры начались 2 сентября в кишлаке Шаир-Тапе в 8 верстах от Горчаково. с нашей стороны присутствовали ответственный секретарь ЦК КПП член Турцика Тюракулов председатель Турцика Рахимбаев и председатель местного населения. Со стороны басмачей главный вождь их Курширман, Алляр и представитель редакционной буржуазии и духовенства.

Условия примирения и соглашения, изложены главным образом представителями буржуазии и духовенства сводилось в общем к следующему: культурно-национальная автономия под чем поднимались неприкосновенность темноты, религия, отмена всеобщего обязательного обучения... В ответ на указанные требования тов. Тюракулов разъяснил, что принцип культурно-национального самоопределения составляет основу всей советской политики, что, согласно этому принципу советская власть никогда не прибегнет к насильственной ломке старых форм жизни, не изжитых населением. В частности в области религии советская власть объявляет полную свободу религиозного верования...» [1, Д. 1530. Л. 1-2].

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 71. – Оп. 34. – Д. 1503.
2. Советское содружество народов (объединительное движение и образование СССР) : сборник документов 1917–1922. – Москва, 1972. – 336 с.
3. Михайлов, В. Ф. Хроника великого джута / В. Ф. Михайлов // Юность. – 1990. – № 1. – С. 83–84.
4. Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 671. – Оп. 1. – Д. 2.

Е.А. Биточкина

К вопросу о причинах формирования санитарно-эпидемиологического контроля Российской империи в Степном крае на рубеже XVIII – XIX вв.

Статья посвящена вопросам политического и экономического влияния Российской империи на систему управления степного Казахстана. Выявлены факторы формирования санитарно-эпидемиологического контроля и наблюдения за данной территорией на рубеже XVIII–XIX вв.

Описано медицинское положение и результаты попытки интеграции приграничных казахских степей.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, санитарная обстановка Казахстана, ветеринария, эпидемия.

Е.А. Bitochkina

On the issue about the reasons for the formation of the sanitary and epidemiological control of the Russian Empire in the Steppe region at the turn of XVIII - XIX centuries.

The article is devoted to the issues of political and economic influence of the Russian Empire on the management system of steppe Kazakhstan. Forming factors of sanitary and epidemiological control and monitoring of this area at the turn of XVIII-XIX centuries are revealed. Medical condition and the results of integration attempts of the border Kazakh steppes are described.

Keywords: Russian empire, steppe area, sanitary situation in Kazakhstan, veterinary science, epidemic.

Продвижение границ Российской империи в южно-сибирском направлении в течение XVIII в. привело к началу юридического вхождения казахов Младшего и Среднего жузов в общеимперское пространство. В цивилизационном смысле традиционное казахское общество основывалось на кочевом скотоводстве. Однако в отличие от предыдущего периода наблюдался поступательный процесс оседания казахов, что выразилось в массовом строительстве зимних стационарных жилищ и хозяйственных сооружений, развитии различных форм землепользования, распространении сенокосения, привязанности в рыночным центрам.

Основными внешними параметрами экономического развития казахов на рубеже XVIII-XIX вв. стало постепенное нарастание объемов внешней торговли, как правило, меновой. Решение стратегических задач, обусловленных ускорением присоединения казахских земель к России, постепенное вовлечение Младшего и Среднего жузов к системе экономического развития Российской империи, поиск дешевых, удобных близких рынков сбыта продукции российского мануфактурного производства, создавали благоприятные условия для развития внутренней и внешней торговли.

Созданные как военно-опорные пункты Орск, Оренбург, Петропавловск, Усть-Каменогорск, Семипалатинск, по мере усиления экономических связей между казахским населением и жителями казачьих поселений Сибирского, Оренбургского и Уральского казачьих войск стали играть более важную роль в расширении торговых связей России со Степным краем.

В 1777 г. был обнародован новый тариф для Оренбургской, Троицкой и Семипалатинской таможен, в котором были снижены пошлины на товары для азиатских купцов. В дополнение к нему был разрешен беспошлинный ввоз хлопчатобумажных изделий, шелка и крупного рогатого скота, что было выгодно

как казахским скотовладельцам, так и среднеазиатскому и российскому купечеству, по доступной цене скупавшему большими партиями скот. Так, казахи Среднего жуза через Ямышевскую крепость и близкорасположенные к ней форпосты и редуты перегнали лошадей: в 1780 г. – 44000, в 1781 г. – 50900, в 1872 г. – 82100, в 1784 г. – 87500; через Железинскую крепость: в 1770 г. – 300, в 1778 г. – 5400, в 1780 г. – 15000, в 1784 г. – 28000.

Столь стремительное развитие меновой торговли в приграничной с казахскими кочевьями зоне укрепленных линий, породило для региональных органов власти массу проблем, одной из которых стала необходимость развития ветеринарной службы. В этот период Степной край являлся местом постоянных очагов чумы, холеры, натуральной оспы, брюшного тифа, дифтерии, скарлатины и сибирской язвы. Причиной этого были недостаточность обеспечения медикаментами, средствами борьбы с эпидемией, фактически полное отсутствие медицинских учреждений и профессионально подготовленных кадров, низкий уровень образования коренного населения. От падежа скота страдали не только население, в частности, но и экономика государства в целом [1].

На товары и продукцию кочевого хозяйства в крепостях Иртышской линии сложились цены гораздо ниже, чем у российских купцов, поэтому и казахи и русские предприниматели получали большую выгоду от торговли именно на приграничных территориях. Этот факт спровоцировал степных кочевников пригонять на продажу в Усть-Каменогорскую, Петропавловскую и Семипалатинскую крепости не только здоровый, но и больной скот, торговать шкурами, снятыми с зараженных животных, о чем свидетельствуют многочисленные отчеты комендантов крепостей западно-сибирским генерал-губернаторам.

Так, например, в отчете Сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю Семипалатинского коменданта подполковника Г. Кемпена в 1786 году: «Купцы Семипалатинские, купившие скот в Киргизской степи от разных семиреченских киргизов, и весной осуществившие перегон скота на свои пастбища, обнаружили эпидемическую болезнь, от которой много скота пало. Несмотря на уверения ветеринарного врача о предотвращении распространения болезни, сообщая Вам Ваше Высокопревосходительство, что есть высокая вероятность проникновения заразы на нашу территорию из Киргизской степи, ввозимой оттуда внутрь границ и распространения ее по Томской губернии с пагубными последствиями своими не только для скота, но и высокой вероятности для людей. В связи с чем, прошу дать распоряжение на таможни и заставы для выдачи специального пропуска, чтобы соблюсти необходимые осторожности для таких случаев. А так же для ввозимой кожи, которую с палого скота снимают и стараются ввозить за границу для распродажи» [2, с. 13-17].

Причиной массового падежа скота могло быть жаркое лето, засуха, степные пожары, перепады температуры в зимний период: от лютого мороза до оттепели с дождями, которая в свою очередь приводила к образованию ледяного наста на пастбищах и затрудняло добычу корма для животных. Одной из самых распространенных болезней животных того времени была сибирская язва. Вспышки сибирской язвы были многократными даже в течение короткого промежутка времени, о чем так же свидетельствуют доклады лекарей и ветеринарных врачей Западно-Сибирского генерал-губернаторства и Томской губернии.

Решением правительства в вопросе безопасности русского населения от проникновения эпидемиологических заболеваний внутрь территорий был принят ряд оградительных мер. К защитным мероприятиям относилось создание пограничных застав вдоль Иртышской укрепленной линии с отстойниками для скота и выдачей специальных пропусков для пересечения границы. Для реализации данной меры привлекались казаки Сибирского казачьего войска. Действенным способом эпидемиологического контроля населения внутренних округов Западной Сибири должно было стать

по мнению властей, распространение информации среди живущие непосредственно вблизи границы о соблюдении необходимых мер безопасности [2, с. 30-33].

Анализ архивных документов позволяет утверждать, что низкий уровень медицинской подготовки ветеринарных врачей и их недостаточное количество в крепостях Иртышской укрепленной линии порождали проблему не высоком уровня медицинского обслуживания животноводства. Непрекращающиеся эпизоды различных заболеваний крупного и мелкого рогатого скота по всей территории Степного края и приграничных с ним районов Российской империи способствовали назреванию проблемы острой нехватки профессиональных кадров.

Принимаемые меры для ликвидации эпидемий в Степном крае заключались в отделении зараженного скота от здорового и создании своего рода скотомогильников. При этом власти стремились следовать определенным правилам: создавать скотомогильники в территориальной отдаленности от жилых аулов в степи и крестьянских поселений на Иртышской линии, а также при соблюдении требования удаленности от водоемов. Действенной считалась мера по очищению и окуриванию конюшен посредством кислот и серы, а так же мытье поверхностей щелоком.

В целом, предписания лекарей того времени заключались порой в странных методах лечения и рекомендациях с точки зрения современного уровня медицинских знаний. Например, люди не должны были употреблять мясную, особенно испортившуюся гнилую рыбу. Крестьянам рекомендовалось чаще употреблять «кислые ботвинья и щи», а так же ягоды и овощи; иногда употреблять свежие мясные похлебки, яйца, молоко и особенно простоквашу; пить очищенную воду с уксусом, хороший квас или пиво, забродившее на хрене или горчице; носить одежду, прикрывающую голову, руки, шею и по необходимости лицо; обязательно носить обувь и перчатки.

Скот предписывалось кормить мягкой травой или не гнилым сеном, смачивая корм соленым квасом или водой, а так же лошадям чаще давать мучное поило с солью. Для предохранения скота на открытом воздухе рекомендовалось намазывать мало покрытые волосом части тела дегтем и повторять это неоднократно, а так же иногда мыть скот березовым отваром, настоянным на березовых листьях три раза в день, что помогало по мнению ветеринаров избежать укусов заразных насекомых. Вблизи селений и городов необходимыми мерами предписывалось жечь так называемые «курева», состоящие из кислот, сырых деревьев, старой одежды, навоза и прочих веществ, испускающих сильный и едкий дым для отпугивания заразных насекомых [2, с. 44-47].

Многие заключения и способы лечения были установлены из наблюдений местного населения и уездных лекарей за течением заболевания. Только со временем жители Степного края пришли к выводу о заразности самого животного и стали закапывать пораженные туши, понимая, что распространение наступает от павшего скота и имеет смертельную опасность, как для других животных, так и для людей.

В заключении можно сказать о том, что меры Российской империи в стремлении интегрировать приграничные территорий казахской степи в общеимперское пространство предполагали в том числе и создание действенной системы контроля, профилактики и ликвидации эпидемиологических заболеваний. Эти процессы потребовали пересмотра организационно-правовых основ управления Степными областями, а так же введения новых мер для улучшения санитарно-эпидемиологического состояния степных территорий [3, с. 131].

Поэтому в первой половине XIX в. в процессе администрирования краем актуальным стал вопрос об обучении местного населения навыкам медицинского обслуживания и получению профессиональных лекарственных знаний. Впоследствии будут предприняты попытки решения этого вопроса способом привлечения коренных жителей для обучения оспопрививанию. Управление Западно-Сибирского

генерал-губернаторства. Таким образом, планировало не только решить кадровый вопрос, но и увеличить степень доверия со стороны кочевого казахского населения.

Библиографический список

1. Аполлова, Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана в XVIII – начале XIX вв. / Н. Г. Аполлова. – Москва : Изд-во АН СССР, 1960. – 456 с.
2. Государственный архив Омской области (ГАОО). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 33.
3. Лысенко, Ю. А. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.) : монография / А. Ю. Лысенко [и др.]. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 272 с.

В.С. Бойко

Формирование предпринимательского класса Афганистана в 1920-е – 1940-е гг. и феномен А.М. Забули*

В данной статье рассматриваются особенности формирования в Афганистане предпринимательских слоев в 1920-е — 1940-е гг. то есть в период реформаторского эксперимента Аманулла-хана и сменивших его в результате гражданской войны умеренно-либеральных сил в лице Надир-хана и его клана. Особое внимание уделяется А.М. Забули, выросшему до крупного бизнесмена и политика общенационального масштаба.

Ключевые слова: предпринимательство, ширкеты, олигархия, клан, А.М. Забули.

V.S. Boyko

Formation of entrepreneurial class in Afghanistan in 1920s-40s and A.M. Zabuli's case

This paper is considering the formation of entrepreneurial class in Afghanistan in 1920s-40s, that is during reformist experiment of Amanullah-khan and his modest-liberal successors - Nadir-khan and his clan. Special attention is paid to A.M. Zabuli, promoted to powerful businessman and nation-scale politician.

Keywords: entrepreneurship, shirkets, oligarchy, clan, A.M. Zabuli.

Маргинальное положение Афганистана в международных отношениях на перекрестке Центральной и Южной Азии, упадок и даже полукриминальный характер его экономики, зависимость политической системы и в целом общественно-государственной жизни от внешних сил на протяжении последних примерно 4-х десятилетий фактически вытолкнули эту страну из исследовательского «поля», оставив ей лишь место в политологических мониторингах и прогнозах, редко сбывающихся в силу их алармизма и проблемно-тематической неопределенности. В данном же сообщении ставится задача рассмотреть явления реальной социально-экономической жизни Афганистана первой половины XX в., свидетельствующие о нормативном ходе его развития в контексте общих закономерностей и особенностей эволюции стран Востока на этапе позднего колониализма и критического ослабления колониальной системы. Формирование предпринимательского класса в его социально-экономическом, корпоративном и персональном измерении - важная понятийная формула и исследовательский фокус проекта о проблемах и противоречиях модернизации Афганистана на различных этапах его современной истории.

Экономическое положение Афганистана в период между двумя мировыми войнами определялось целым рядом факторов. Примерно треть жителей страны, в основном те, кто населял юго-восток, вели кочевой и полукочевой образ жизни. Основой экономики страны было сельское хозяйство, ведущими отраслями которого оставались скотоводство и земледелие. Обрабатываемые земли в Афганистане составляли лишь 2 % от общей площади земельных угодий, при этом под поливом находилось 400 тыс. га. Ирригации уделялось очень мало внимания, хотя именно ирригационные проекты (постройка плотины в Газни для орошения 80 тыс. джерибов земли), а также развитие хлопководства на севере и юге страны могли быть занесены в безусловный актив властей в 1920-е гг. .

* Исследование проведено при поддержке РГНФ (проект 15-01-00440 «Афганистан в 1910-е – 2010-е гг.: проблемы и противоречия постколониальной модернизации в контексте взаимодействия внутренних и внешних факторов»).

Государству принадлежало 5 % обрабатываемой земли, помещикам – 60%, а крестьянам – около 35%. Многие крестьяне, оказавшись не в состоянии выплатить налоги в новой, денежной форме, были вынуждены продать их и превратиться в арендаторов. Социально-имущественную дифференциацию углубляло налоговое бремя, население несло трудовую, дорожную и другие повинности, а также содержало духовенство, лишившееся дополнительных доходов из-за перехода в казну части вакуфных земель. В стесненном положении оказались афганские кочевники: они платили налог на скот, к которому добавилась подушная подать в размере пяти рупий.

Появление элементов новой инфраструктуры, в частности, автомобильных дорог и автомобильного сообщения, подрывало традиционную экономику кочевников (обслуживание вьючных караванов и др.). Конкуренцию местным кочевникам-торговцам составили предприимчивые перевозчики из Северо-Западной пограничной провинции Британской Индии, использовавшие в своем бизнесе автомобили [1, Р. 23].

Медленное и противоречивое изменение основ хозяйственно-экономической жизни вызвало подвижки и в социальной структуре афганского общества. Наметилась тенденция к количественному росту и повышению роли торговой буржуазии. Правительство поощряло прежде всего крупную торговлю, за 1927-1928 гг. только 27 купцов внесли в казну государства пошлин на сумму 3,5 млн. рупий. Новой формой торгово-предпринимательской инициативы стало создание объединений – акционерных обществ (ширкетов) по ведению совместного бизнеса – только в столице насчитывалось 7 таких объединений с общим капиталом в 3 млн. рупий [2, Секретариат Карахана, оп. 12, кор. 71, папка 75, л. 38].

В середине 1920-х гг. на севере Афганистана зародились основы товарного хлопководства: торговец-пуштун Абдул Азиз приобрел в Кундузе землю и учредил одну из первых компаний предпринимательского типа – “Спинзар” (“Белое золото”). Абдул Азиз и его компаньоны учитывали также возможности экспорта афганского хлопка в СССР, соответствующая отрасль которого пребывала в кризисном состоянии из-за политической нестабильности в приграничных областях – основных центрах хлопкопроизводства.

Эмир (позднее - король) Аманулла-хан и его окружение энергично пытались посредством реформ превратить Афганистан в современное государство, но это им мало удавалось. Серьезной ошибкой афганских реформаторов было отсутствие плана преобразований, базирующегося на объективных потребностях страны и конкретного исторического момента. Крупным просчетом стало направление и без того ограниченных средств на престижные, но неактуальные проекты: строительство дворцов, даже целого города Дар уль-Аман, нерентабельных экономических проектов вроде цементного завода и спичечной фабрики.

Не способствовало экономическому росту Афганистана и то, что в стране к концу 1920-х гг. не было ни одного банка либо иного финансово-кредитного учреждения. Весь валютный рынок находился в руках инациональных, по преимуществу англо-индийских дельцов (обычно – сикхов) и не мог служить серьезным подспорьем для реформ.

Гражданская война конца 1920-х — начала 1930-х гг. и нарушение традиционных экономических связей существенно изменили профиль и внешнеторговую ориентацию нарождающегося предпринимательского класса. Так, большая и наиболее влиятельная часть гератского купечества выехала в начале афганской смуты в СССР, другие перебрались в Мешхед (Иран). Закрытие кандагарского и дальнейших торговых маршрутов в Индию создало дефицит товаров в Герате, чем не преминули воспользоваться советские торговые организации: впервые на гератском рынке появились различные виды второстепенного экспорта (кондитерские, табачные изделия и др.), а советская

мануфактура “почти совершенно вытеснила соответствующего ассортимента мануфактуру индийского рынка” [2, Референтура по Афганистану, оп. 12, пор. 17, папка 153, л. 19].

С первыми признаками стабилизации ситуации в Герате стали возникать торговые объединения купцов (товарищества на вере), позднее названные ширкетами. Ведущую роль в процессе концентрации купеческого капитала и самоорганизации торговой буржуазии в этом регионе сыграла группа Хакимова, более известного в Афганистане под именем Абдул Маджида Забули, в 1920-е гг. ставшего одним из пионеров советско-афганских торговых связей. Она установила монопольные цены на шерсть, кожсырье и ввозимые импортные товары, добилась административных запретов на приграничную торговлю и т.д. Но укрепление экономических позиций СССР в Гератской области, произошедшее в период гражданской войны в Афганистане, не стало устойчивой тенденцией. Уже в 1930 г. гератские власти ввели целый ряд запретительных мер, призванных ограничить деятельность советских торговых организаций. В результате произошло значительное сокращение товарооборота Герата с северными партнерами, а цены на советские товары возросли на 50-100 %, что, соответственно, создало условия для завоза англо-индийских товаров. Были даже указания уничтожать базы и фабрики советской торговой сети [3, ф. 62, оп. 2, д. 2548, л. 3]. Противовесом экономической экспансии с севера должно было также стать строительство автомобильной дороги от Герата до персидской границы, тем более что в местных торгово-предпринимательских кругах (в частности, в фирме “Ислах”, принадлежащей все той же группе Хакимова) было влиятельное проперсидское лобби – купцы из Мешхеда. Вся эта сложная игра на грани экономики и политики активно поощрялась англичанами.

В середине 1930-х гг. заметно активизировали свою афганскую политику и другие европейские и азиатские державы. Лидировали на этом направлении Германия и Япония, причем германскую сторону привлекал северо-восток (Кунар, Нуристан, Бадахшан – фактически закрытые для иностранцев зоны). Именно в Германии для проведения денежной реформы 1935 г. был размещен заказ афганского правительства на печатание бумажных денег, причем этот шаг властей был неодобрительно встречен афганским купечеством [2, ф. Референтура по Афганистану, оп. 17, папка 177, пор. 29, л. 89]. Выразителями курса на расширение политико-экономических связей с Германией, в том числе ценой дистанцирования от Англии, были так называемые «молодые» политики - группа в составе принца Наима, уже упоминаемого Абдул Маджида Забули и др., пользовавшаяся поддержкой короля.

Поддержка национального торгового капитала была нацелена прежде всего на «выдавливание» индийских купцов, которые не только контролировали товарные потоки из Британской Индии, но и замыкали на себя большую часть финансовых операций, а также выполняли на внешних рынках роль посредников. Все шире практиковались такие формы хозяйствования, как кредитование новых производств из-за границы (Германии, Великобритании), изыскание и разработка полезных ископаемых (силами смешанной афгано-немецкой компании) и т.д.

Своеобразным и существенным явлением экономической, а подспудно и политической жизни Афганистана в предвоенный и военный период стала деятельность крупнейшего предпринимателя и финансиста А.М. Забули. Будучи президентом Национального банка и одновременно министром национальной экономики, он фактически контролировал положение дел в этой сфере – через торговую палату определял структуру и масштабы импорта и экспорта, налогов, влиял на арбитражные споры и пр. Забули выстроил целую систему связей и каналов управления своим многопрофильным бизнесом, - он опирался на группу преданных ему земляков из Герата, а также некоторых профессионалов маргинального происхождения (например, индусов). Но главным ресурсом его поддержки выступал королевский клан (премьер-министр Хашим-хан, принцы Дауд и Наим), все члены которого, за исключением военного министра Шах Махмуда, были акционерами Национального банка. Такое

прикрытие позволяло ему справляться с недоброжелателями, среди которых оказался министр внутренних дел, он же куратор Северной провинции М. Гуль-хан. И все же характерной чертой Забули был оппортунизм: «Он настолько умен, что будет дружить с любой политической партией в Афганистане, преподнося себя не как политика, а как беспристрастного капиталиста. ... Я не удивился бы, узнав, что Абдул Маджид верный слуга Амануллы или любого другого потенциального правителя. ... Он хочет держать все пути открытыми – дружить и с англичанами, и с немцами, а если возможно, то и с нынешними правителями Афганистана и даже их противниками» - так в 1942 г. определял политический облик Забули-Хакимова британский разведывательный источник в Пешаваре [4, IOR/R/12/160 Secret note on Abdul Majid and the economic activities of the Afghan bank. - P. 7].

Предприимчивость первого афганского олигарха позволила ему решить ряд крупных коммерческих задач – потеснить в торговле инациональные элементы, и прежде всего пешаварских индийцев, бухарских и иранских евреев – именно они контролировали такие важные статьи, как скупка и экспорт каракуля, производимого преимущественно в туркменских областях афганского севера. Теперь скупку этого ценного товара монополизировал все тот же Афганнацбанк, и таким образом А.М. Забули и его партнерам удавалось получать 150% прибыль. Грабительская практика группы Забули, соединенная с ее финансовой мощью (обеспечивавшие выход на мировой рынок филиалы банка в Лондоне, Нью-Йорке, Цюрихе и др.) вызывала недовольство и конкурентов, и продавцов сырья, буквально загнанных в угол – туркменам, в большинстве своем беженцам из советской Средней Азии, пришлось даже пожалеть о покинутой родине [4, IOR/R/12/160 Secret note on Abdul Majid and the economic activities of the Afghan bank. - P. 9]. Примерно так обстояло дело и с узбеками, занятыми в хлопководстве – все это создавало социальное напряжение, имеющее к тому же этническую окраску.

Краткий экскурс в социально-экономическую историю Афганистана 1920-х -1940-х гг. показывает, что несмотря на серьезные проблемы в различных областях общественно-государственной жизни, эта страна, ведомая сначала радикальными реформаторами авторитарного толка (Аманулла-хан и его сторонники), а затем сменившими их в результате гражданской войны и внешнего вмешательства либерально-консервативными прагматиками (Надир-шах и его клан), медленно двигалась по дороге прогресса. Эта тенденция выразилась в формировании новых общественно-профессиональных групп, в том числе предпринимателей. Если судить по наиболее известным историям успеха (А.М. Забули и др.), то их алгоритм выражался в превращении наиболее активных афганских купцов в предпринимателей широкого (аграрно-промышленного, экспортного, финансового и др.) профиля, их тяготении к политике и другим сферам активности. В концентрированном виде такой тип эволюции воплотился в феномене афганской олигархии, соединившей в своих руках нити управления страной, ее экономикой политикой и даже культурой. Для вызревания такого уникального и штучного типа понадобился целый век — именно столько прожил А.М. Забули — человек, наладивший свой бизнес на родине, потом в СССР и крупнейших европейских столицах, проведший большую часть военного времени в Берлине, вернувшийся в Афганистан в качестве главного государственного финансиста и покровителя новых либерально-демократических сил, а закончивший свой путь на исходе XX в. в цитадели мирового капитализма — США. Разумеется, это формула его личной судьбы, а не судьбы его многострадальной страны, но она свидетельствует о возможностях и пределах человека традиционного Востока, вознесшегося на вершину успеха и не упавшего с нее.

Библиографический список

1. Khan, A. The lost ring of the chain : memoirs / Abad Khan ; translated in English by Dr Sher Zaman Taizi. – Pabbi, 1998.

2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
4. Архив Министерства по делам Индии Британской библиотеки (India Office Records).

И.Б. Бочкарева

Проект создания Тюркской советской республики Т. Рыскулова*

Национальная политика РКП(б) на этапе становления советской власти представляла сложное сочетание прогрессивных идейно-политических установок со стремлением большевиков сохранить по максимуму целостность бывшей Российской империи. Декларирование РКП(б) права наций на самоопределение и создание автономных республик в составе РСФСР диктовалось тактикой привлечения трудящихся масс коренного населения окраин на сторону советской власти и раскола «надклассового альянса» [1, с. 15], который по мнению В. Ленина способна сформировать идеология национализма. В то же время принципы национальной политики большевиков вызвали серию предложений со стороны партийных работников ряда тюркоязычных, мусульманских регионов РСФСР, предложивших свой вариант решения национального вопроса путем сочетания установок национализма в форме пантюркизма и социализма. Статья посвящена анализу проекта Турара Рыскулова, председателя Мусбюро Коммунистической партии Туркестана, предложившего реорганизовать республиканские и партийные органы на тюркской национальной основе. Реакцией на предложения Рыскулова стал поворот руководства РКП(б) к этно-территориальным критериям национального строительства в Центральной Азии, позволившим впоследствии создать более дробные относительно проекта Тюркской республики и подконтрольные центру советские республики.

Ключевые слова: Турар Рыскулов, национальный вопрос, «Тюркская советская республика», партийное строительство, Турккомиссия.

I. B. Bochkareva

T. Ryskulov project of creation of a Turkic Soviet Republic

The national policy of the RCP(b) at the stage of formation of Soviet power was a complex combination of progressive ideological principles with the desire of the Bolsheviks to preserve the maximum integrity of the former Russian Empire. Declaring the right of nation to self-determination and the creation of the Autonomous Republics in SFSR was caused by the strategies of attraction of the borderlands' native working class to the side of Soviet government and by the break of "interclass alliance" formed by nationalism. At the same time the principles of national policy of the Bolsheviks caused a series of proposals from the party workers of several Turkic-speaking, Muslim regions of the RSFSR, who proposed variant of solving the national question through a combination of attitudes of nationalism in the form of pan-Turkism and socialism. The article is devoted to the analysis of the project Turar Ryskulov, Chairman of the Muslim Bureau Chairman of the Turkestan Communist party, who proposed to reorganize Republican and party organs in Turkish national basis. Reaction to the Ryskulov's proposals was the turn of the leadership of the RCP(b) to the ethno-territorial criteria of nation-building in Central Asia, which allowed them to create more fragmented Soviet Republics regarding the draft of the Turkic republic under the control of the center.

Keywords: Turar Ryskulov, national question, Turkic Soviet Republic, party building, the Turkestan Commission.

Установление советской власти и провозглашение в апреле 1918 г. Туркестанской АССР в границах бывшего Туркестанского генерал-губернаторства вместе с тем, принципиально не изменило колониального, дискриминационного характера межнациональных отношений. Руководящие позиции в Коммунистической партии Туркестана (далее КПТ), органах власти в центре и на местах заняли представители пролетариата, но из числа русскоязычного меньшинства населения региона. Аграрный вопрос, впервые решенный большевиками наиболее демократично и в интересах крестьян, сохранял свою остроту в ряде районов Туркеспублики, так как не решал проблему доступа местного кочевого населения к земле и воде. Показательно, что структура руководящих органов КПТ к 1919 г. была организована на национальной основе и включала Крайком РКП(б), Крайком иностранных коммунистов и Краевое бюро мусульманских партийных организаций (Мусбюро), которые слабо взаимодействовали друг с другом. Системной работы по привлечению местного мусульманского

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центрально-азиатских национальных окраин).

населения в партию не велось. Позиция руководителей республиканских органов во многом отвечала резолюции, принятой на первом съезде Советов Туркестанского края в ноябре 1917 г., в которой отмечалось, что «включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, как в виду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций» [2, с. 10]. Закономерно, что местное население, включая потенциальную классовую базу КПТ – беднейшие слои, с недоверием относилось к советской власти. Чтобы выправить ситуацию в национальных окраинах на VIII съезде РКП(б) в 1919 г. в программу партии был включен пункт о борьбе с проявлениями «великодержавного национализма» в отношении «угнетенных наций» дабы заслужить их доверие к советской власти [3].

С мая 1919 г. по февраль 1920 г. прошли три краевые конференции мусульманских организаций КПТ, резолюции которых фиксировали недовольстве коммунистов-мусульман политикой руководящих органов партии и республики в отношении местного населения, которая оценивалась как колониальная. Так, председатель Мусбюро Т. Рыскулов в докладе на II краевой конференции мусульманских коммунистических организаций подчеркнул, что «не смотря на наши требования и полученные из Центра распоряжения – здесь в Туркестане ведется политика, не отвечающая его интересам. Нам говорят, что среди нас нет активных работников, которые сумели бы провести в жизнь указания Центра, что если власть вручат нам, то это приведет к усилению белых и падению Советской власти: «подготовитесь, тогда получите власть», утешают нас. Мы с этим не согласны» [4, с. 57]. Апеллируя к решениям VIII съезда РКП(б), Т. Рыскулов выступил с предложением объединить все коммунистические организации в Туркестане в единую партию под общим руководством ЦК РКП(б); закрепить за ней название Коммунистической партии тюркских народов Туркестана; начинать комплектовать части Красной армии из числа коренного населения [4, л. 116]. В национально-государственном вопросе он выступил с идеей создания Тюркской советской республики. Путем преобразования партии и в перспективе республиканских органов на национальной основе Рыскулов считал возможным устранить колониаторские пережитки в управлении краем, преодолеть ущемление политических прав коренного населения. Не менее важной причиной, по его мнению, являлось то, что Туркестан мог и должен был стать авангардом продвижения мировой революции на Восток. Переименование партии и республики в «Тюркскую» имело бы важный демонстрационный эффект, свидетельствовало бы, что местное население освободилось от колониальной зависимости, и повысило бы привлекательность большевизма в глазах народов Востока.

Показательно, что члены Турккомиссии В.В. Куйбышев и Ш. Элиава, присутствовавшие на V конференции КПТ (18 января 1920 г.) и III краевой конференции мусульманских организаций поддержали предложения Рыскулова, не увидев в них противоречия установкам РКП(б) на максимальное привлечение в ряды партии трудящихся масс коренного населения. В итоге конференции утвердили программу Рыскулова, а он сам после роспуска Мусбюро возглавил единый Крайком КПТ и ТуркЦИК.

Использование Рыскуловым тюркской идентичности как критерия преобразований в партии и системе управления республики свидетельствовало, что этническая идентичность, положенная впоследствии большевиками в основу национально-территориального размежевания в Центральной Азии не являлась на тот период доминирующей в сознании населения региона и его политической элиты [5, с. 179; 6, с. 138]. Вариацией национализма, получившей наибольшее распространение среди

Комиссия по делам Туркестана была создана постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1919 г. с целью усиления контроля Центра за ситуацией в регионе и проведения мероприятий по укреплению советской власти

образованной, политически активной части коренного населения региона, был тюркизм в форме пантюркизма. Именно тюркская общность рассматривалась местной интеллигенцией накануне революций 1917 г. как основа национальной консолидации и политического самоопределения региона в формате «Большого Туркестана». Возможно в духе советской риторики в интерпретации Рыскулова проект «Тюркской советской республики» приобрел интернациональный характер, так как в ее границах должны были объединиться трудящиеся тюркских народностей: татар, киргизов, узбеков и других. Таким образом, границы республики могли быть шире уже провозглашенной ТуркАССР.

Однако доминирование «тюркского», национального принципа преобразования партии и республики над классовым вызвало возражения остальных членов Турккомиссии, в первую очередь М.В. Фрунзе. Близость предложений Рыскулова идеям пантюркизма при слабости позиций советской власти, объективной узости ее классовой базы среди коренного населения и размахе басмаческого движения была воспринята Фрунзе как угроза интересам Советской России в регионе. В результате Турккомиссия признала решения конференций недействительными, и взяла курс на создание единой партии путем объединения трех партийных центров в единый ЦК КПТ.

Пытаясь отстоять свое видение организации власти в ТуркАССР, Рыскулов решил напрямую обратиться в Политбюро ЦК РКП(б). В мае 1920 г. члены Турккомиссии Ш. Элиаве и Я. Рудзутак были вызваны в Москву для обсуждения ситуации в Туркестане. В этой связи ТуркЦИК принял решение направить в Москву, так называемую, Туркделегацию в составе Т. Рыскулова, Н. Ходжаева, Грух-Иванова.

25 мая 1920 г. члены Туркделегации встретились с В.И. Лениным. Учитывая негативную реакцию Турккомиссии, проект Туркделегации уже не включал предложения о переименовании партии и республики на основе тюркской идентичности, но она оставалась как принцип преобразований. Так, Рыскулов критиковал русскоязычных работников за то, что они пытаются создать искусственное впечатление о «существующем антагонизме между узбеками, киргизами и туркменами, расчленив их друг от друга» [7, л. 4]. Общий знаменатель предложений Рыскулова – обеспечить реальную автономию государственным органам ТуркАССР в лице Туркцика и Турксовнаркома и доступ к руководящим должностям представителям национального «мусульманского» большинства населения. В этой связи, программа Туркделегации включала предложения о ликвидации Турккомиссии как ненужной «надстройки» и комплектовании частей Красной армии в Туркестане только из коренного населения. Требования делегации направить в Туркестан сформированные из татар и башкир части Красной армии, а так же мусульманских военных и политических работников [7, л. 8], свидетельствовали о стремлении Рыскулова организовать власть в республике на национальной основе.

Перспектива политического самоопределения Туркестана на основе тюркской идентичности, в сочетании с передачей местным властям контроля над армией, что всегда входило в полномочия Москвы, не встретили понимания со стороны В. Ленина. Следует отметить, что в это же время со схожими идеями о создании тюркской республики выступили лидеры татарского и башкирского отделений РКП(б) М. Султан-галиев и А. Валидов [8].

Вместе с тем, доводы Туркделегации о сохраняющейся дискриминации в отношении коренного населения Туркестана линий раз утвердили руководство партии в представлении о необходимости расширять социальную базу партии, преодолеть недоверие к советской власти. «Ликвидация отношений, создавшихся между пришлым европейским населением и коренными народами в результате десяти с лишком летней империалистической политики Российского самодержавия» выдвигалась в качестве приоритетной цели в положении «О задачах РКП(б) в Туркестане»,

утвержденном 29 июня на заседании Политбюро ЦК РКП(б) [9, с. 433]. В целях ликвидации указанных противоречий предлагалось осуществить передел земли и вернуть часть киргизскому населению, а так же «откомандировать в распоряжение ЦК всех туркестанских коммунистов, зараженных колонизаторством и великорусским национализмом» [9, с. 433].

В решении других составляющих национального вопроса в Туркестанской республике большевистское руководство осталось на прежних позициях. За партией сохранялось прежнее название «Туркестанская коммунистическая партия», продлялись полномочия Турккомиссии как представительства ВЦИК, решающего вопросы управления, закрепленные за федеральной властью: внешние сношения, внешняя торговля, военное дело [9, с. 434]. На основании задач партии, определенных в Положении, в ТуркАССР усилилась борьба с проявлениями колонизаторства со стороны русских коммунистов, с другой стороны курс группы Рыскулова и подобные идеи в других отделениях РКП(б) были оценены как уклон в сторону местного национализма. Борьба с подобными уклонами в партии получила статус официальной установки на X съезде РКП(б) в 1921 г.

Проект республиканских и партийных реформ Т. Рыскулова представлял, по сути, синтез идей социализма и пантюркизма, и обосновывал преимущественно национальный, а не классовый принцип комплектования властных органов в Туркестанской республике. В результате реакцией на предложения Рыскулова стал поворот руководства РКП(б) к этно-территориальным критериям национального строительства в Центральной Азии, позволившим впоследствии создать более мелкие относительно проекта Тюркской республики и подконтрольные центру советские республики. Советской России предпочтительнее было направить процесс национальной консолидации не по пути политического оформления тюркской нации, а в направлении этнокультурного самоопределения.

Библиографический список

1. Мартин, Т. Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923–1939 гг. / Т. Мартин. – Москва, 2011. – 663 с.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 71. – Оп. 34. – Д. 1632.
3. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) : принята 8 съездом партии 18–23 марта 1919 г. [Электронный ресурс] // Агитцентр : [сайт]. – Электрон. дан. – URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/duverge.htm>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 22.02.2016).
4. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1318. – Оп. 1. – Д. 441.
5. Абашин, С. Национализмы в Средней Азии / С. Абашин. – Санкт-Петербург, 2007. – 312 с.
6. Вишневский, А. Средняя Азия: незавершенная модернизация / А. Вишневский // Вестник Евразии. – 1996. – № 2. – С. 131–153.
7. РГАСПИ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 14099.
8. Арапов, А. Крах проекта Тюркской советской республики 1919–1920 гг. [Электронный ресурс] // ЦентрАзия : [сайт]. – Электрон. дан. – URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1336816380.Pfuk/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 22.02.2016).
9. Ленин, В. И. Замечания на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. – Изд. 5-е. – Москва, 1981. – Т. 41. – С. 433–437.

В.Г. Дацышен

Алтай и Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г.

Статья посвящена актуальной и малоизученной проблеме реакции населения Алтайского края и Сибири на события, связанные с Советско-китайским конфликтом на КВЖД в 1929 ГОДУ. Автор на основе вновь выявленных архивных источников, материалов печати, показывает, что большая часть сибиряков восприняла события на КВЖД с возмущением и рассматривала действия китайского руководства, как агрессию против советского государства.

Ключевые слова: Советский союз, Китай, конфликт, газета, трудящиеся, Маньчжурия, Китайско-Восточная железная дорога.

V.G. Datsyshen

Altai and the Sino-Soviet conflict on the CER 1929

The article is devoted to topical and raises the problem of the reaction of the population of the Altai Territory and Siberia to the events associated with the Sino-Soviet conflict on the CER in 1929. Author, based on newly discovered archival sources, print materials, shows that much of the perceived events Siberians on the CER with indignation, and considered the actions of the Chinese leadership as aggression against the Soviet state.

Keywords: the Soviet Union, China, the conflict, the newspaper, the workers, Manchuria, Chinese Eastern Railway.

В истории Алтайского края особое место занимают события 1929 г. Эпоха «Великого перелома» отразила обострение социально-экономических и политических противоречий внутри российского общества. Кроме того, впервые после окончания гражданской войны сибиряки вновь пошли на войну. В 1929 г. советское руководство смогло провести «маленькую победоносную войну» против своего восточного соседа – Китайской Республики.

К концу 1920-х гг. советско-китайские отношения обострились по разным направлениям и позициям. Например, произошли вооруженные столкновения на границе с Синьцзяном. Однако в центре двухсторонних отношений оказались противоречия вокруг совместного управления Китайской Восточной Железной Дорогой (КВЖД). Стремления китайских властей и бизнеса в Северо-Восточном Китае избавиться от советского контроля и влияния поддержало только что победившее в борьбе за власть Гоминдановское правительство в Нанкине. Борьбу за ликвидацию «иностранных концессий» гоминдановцы хотели начать с советско-китайского совместного предприятия, так как у них имелся к тому повод. Китайская сторона считала, что Москва использует свои позиции в Маньчжурии в интересах Коммунистического интернационала, целью которого является захват власти коммунистами во всем мире.

После серии дипломатических конфликтов, китайские власти, начиная с 10 июля, установили свой контроль над КВЖД и начали репрессии против советских граждан в Маньчжурии. Советское руководство приняло решение отстаивать свои позиции на КВЖД. Для этого был взят курс на демонстрацию силы с целью давления на китайские власти. В Оперативной сводке РККА №1 от 13 июля 1929 говорилось: «Сосредоточение войск в районе Даурия началось 13 VII 29 1 час 0 мин, окончить предполагается 16 VII 29» [1. Ф. 33987. Оп. За. Д. 308. Л. 50]. Нотой от 17 июля 1929 г. Советское правительство объявило о разрыве дипломатических отношений с Китаем. В Политдонесении 19-го стрелкового корпуса за 2 августа 1929 г. говорилось: «29 июля части 1 и 2 дивизии провели на границе большие тактические занятия. С целью демонстрации наших сил» [1. Ф. 39472. Оп. 1. Д. 14. Л. 5].

Советское правительство нуждалось в поддержке населения, во многом недовольного внутренней политикой в стране. 20 июля 1929 г. всем Окружкам ВКП(б) по Сибирскому краю была направлена циркулярная телеграмма следующего содержания: «Наглый тон китайской ноты и выступление Чанкайши вызывает необходимость усилить в печати и массовой работе компанию протеста и демонстрацию боевой готовности трудящихся...» [4. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 836. Л. 31]. Однако партийные органы на местах отреагировали политическую ситуацию еще раньше, не дожидаясь напоминаний сверху. В газете «Советская Сибирь» уже 17 июля были помещены следующие сообщения: «Бийск, 16. (Наш корр.) Весть о налете китайских бандитов на Китайско-Восточную железную дорогу стала известна в городе 14 июля. «Звезда Алтая» выпустила экстренный выпуск... Вчера, после занятий, во всех предприятиях и учреждениях состоялись летучие митинги с докладами о налете...»; «Барнаул, 16. (Наш корр.). Рабочие Алтметаллзавода единодушно одобрили ноту правительства... Рабочим Китая, отказавшимся охранять арестованных советских граждан и не желающим войны с СССР, рабочие металлзавода посылают братский привет» [10. 17 июля]. В газете Сибирского краевого комитета ВКП(б) за 20 июля была помещена фотография «Металлисты Бийска с лозунгом: Отшибем руки китайским разбойникам, на 10-ти тысячной демонстрации протеста против налета на КВЖД» [10. 20 июля].

В конце августа 1929 г. по окружным центрам Южной Сибири вновь прошла волна митингов по поводу конфликта с Китаем. Центральная газета Сибири сообщала: «Бийск, 26... В субботу, 24 августа, на предприятиях и учреждениях состоялись летучие митинги по поводу последних событий на КВЖД. Весь коллектив махорочной фабрики подал заявление о зачислении в число добровольцев особой Дальне-Восточной армии. Не отстали и текстильщики, дав 67 добровольцев... В воскресенье с утра тысячи трудящихся вышли на демонстрацию... Высшего напряжения достиг митинг, когда было сообщено, что в знак солидарности с трудящимися города сrostкинские коммунары и бедняцко-средняцкие массы выслали на демонстрацию красный обоз в три тысячи пудов первого обмолота пшеницы... Резолюция, вынесенная на митинге, говорит о присоединении бийских трудящихся к требованиям белорусских рабочих – отдать приказ Дальне-Восточной армии разгромить китайских и белогвардейских налетчиков»; Сов Сиб [10. 28 августа]. В последующие дни газеты продолжали сообщать об антикитайских митингах и настроениях в Сибири – «Славгород, 3... Во всех селах и деревнях Славгородского округа проходят сельские сходы и митинги протеста. Крестьяне требуют от советского правительства решительных мер противодействия китайской провокации»; 4 сентября «Славгород, 5. (Наш корр.). Общегородское комсомольское собрание объявило городскую организацию мобилизованной в Особую Дальне-Восточную армию. Создан батальон «Имени МЮДа» [10. 7 сентября].

Иногда политико-пропагандистские акции на Алтае принимали «экзотические» формы. Газета Сибирского военного округа сообщала: «В Бийске состоялась двухтысячная демонстрация детского протеста против зверств китайской военщины над детьми пролетариата КВЖД. Демонстрация прошла под лозунгом: «Каждый пионер и школьник вносит пятак на постройку самолета «Комсомол Сибири в ответ Чанкайши»» [8. 14 сентября].

Конфликт на КВЖД привел к активизации как патриотическо-мобилизационных, так и протестных настроений в обществе. «Однодневная газета Барнаульского Окружкома ВКП(б)...» отмечала: «В августе месяце, в ответ на наглый захватнический выпад китайских генералов, рабочие мастерских организовали на своем предприятии боевой рабочий батальон, в котором объединено 700 рабочих. Рабочий батальон проходит теоретическую и практическую военную подготовку и по первому зову советского правительства готов выступить с оружием в руках на защиту границ республики» [9. 5 декабря]. Пострадавшие от коллективизации крестьяне надеялись на поражение советской власти в

конфликте с Китаем. Многие сибиряки считали несправедливой советскую политику в отношении Китая. Летом-осенью 1929 г. в Сибири и на Дальнем Востоке впервые были проведены «плановые» аресты китайских мигрантов. В документах отмечается: «По полученным в Консульстве Китайской Республики в г. Чите сведениям, 7 сентября 1929 г. 12 китайских подданных, проживавших в Барнауле, были арестованы в связи с конфликтом на Китайской Восточной железной дороге агентами ОГПУ, осуждены к лишению свободы на три года по обвинению в 58\6 и 59\12 ст.ст. уголовного кодекса РСФСР и отправлены на кирпичный завод Сибирского Управления Лагерей Особого Назначения ОГПУ гор. Кузнецка Сибирского Края» [2. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 100. Л. 78]. Были и другие аресты китайцев это время на Алтае, например фотографов из Рубцовска и Тальменки Чжан-Шу-Шин и Чжан-Ян.

Алтайский регион находился в составе Сибирского края, не граничившего с Северо-Восточным Китаем. Однако будучи наиболее густонаселенной территорией в Сибирском военном округе, Алтай сыграл важную роль в событиях конфликта на КВЖД. Население Бийского, Барнаульского, Рубцовского, Славгородского и некоторых других соседних округов Сибирского края, Ойротской автономной области составляли основу воинских частей, решавших военные задачи на границах с Китаем в 1929 г. Расквартированные в Сибири воинские части были направлены в зону конфликта. В 1927 г. во многом повторилась история мобилизационных мероприятий для военного давления на Китай, проводившаяся в 1900 г. [6]. В Читу была переброшена и 21-я Пермская стрелковая дивизия. Один из полков этой дивизии, 63-й Шуйский, летом 1929 г. был переведен из Барнаула на станцию Карымскую в Забайкалье.

В 1929 г. население Алтая сохраняло тесные связи с находящимися в зоне конфликта сибирскими воинскими частями. В конце августа газеты сообщали: «Барнаул, 26... Рабочие главных мастерских решили послать делегацию от рабочих города Барнаула в дальневосточную армию... – Отчисляем на эскадрилью «Разрыв» и на подарки пограничным частям однодневный заработок... Организуем при главных мастерских рабоче-осоавиахимовский батальон... Рабочие пимокатного завода в количестве 500 человек постановили: - На случай военных действий мы вступаем добровольцами в полк имени М. В. Фрунзе...» [10. 28 августа]. В начале сентября в читинские лагеря приехала сибирская рабочая делегация — представители Барнаула, Новосибирска, Томска. Делегация привезла бойцам подарки рабочих, познакомилась с учебой и жизнью красноармейцев. 28 сентября с границы была отправлена в Сибирский край делегация Пермской стрелковой дивизии в составе 24 человек.

Главная сибирская газета сообщала: «Барнаул, 19. В железнодорожных мастерских состоялся многолюдный митинг, на котором была оглашена только что полученная телеграмма командующего Особой Дальне-Восточной армией. – «Реввоенсовет и бойцы особой Дальне-Восточной армии, - говорится в телеграмме, - шлют пламенный привет рабочим Барнаульского узла и выражают благодарность за ваш ценнейший в данной обстановке подарок...»... тут же на митинге решено послать в части Дальне-Восточной армии вагон-клуб и 20 железных печек» [10. 21 сентября].

Советское руководство использовало конфликт с Китаем для проведения акций по сбору денег с населения на военные нужды. В газетной заметке «Молодежь Ойротии дает свой вклад на оборону» говорилось: «В конце августа в городе Улала состоялась 1-я аймачная конференция беспартийной молодежи и допризывников... единогласно было принято предложение и проведена подписка на самолет «Комсомолец Сибири», подписка дала 14 рублей 50 копеек...» [8. 25 сентября]. Газета Сибирского военного округа сообщала, что «в с. Тогуле Бийского округа состоялась районная конференция партизан... Все участники конференции... внесли по 5 рублей на постройку самолета «Красный Партизан Алтая»» [8. 27 сентября].

Активность советских войск и пограничников на границе с Китаем разгромом нескольких опорных китайских пунктов, не заставила китайские власти пойти на уступку в борьбе за КВЖД. На Дальнем Востоке была сформирована Особая Дальне-Восточная Армия (ОДВА) во главе с В.К. Блюхером. Советское командование изменило тактику и провело три военных операции по разгрому китайских войск на главных направлениях наступления на Харбин – Сунгарийскую, Мишаньфускую и Маньчжуро-Чжалайнорскую. На место решающей операции, в район г. Маньчжурия, прибыл сам В.К. Блюхер, здесь же было сосредоточено более половины численности войск всей ОДВА, насчитывавшей в то время 40700 человек [1. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 313. Л. 27].

17-20 ноября в районе станций Маньчжурия и Чжалайнор советские войска разбили и пленили 15-ю пехотную бригаду китайских войск. При взятии города Маньчжурия, отличились бойцы и командиры 21-й Пермской стрелковой дивизии, награжденной боевым Красным знаменем. В материале «Славным бойцам Дальне-восточной, героям-фрунзевцам» говорилось «Барнаульский Исполнительный Комитет Советов... шлет пламенный привет бойцам. Командирам и политработникам славного полка им. М.В. Фрунзе. Исполнительный Комитет Советов с гордостью узнал, что подшефный ему полк доблестно отразил вылазки белогвардейцев и банд китайских генералов, нанеся им жестокий удар. Окрисполком счастлив был узнать, что в первом боевом столкновении бойцы фрунзенского полка проявили необычайное мужество и героизм» [9. 5 декабря]. Сохранившиеся в архивных фондах документы указывают, что служившие в большинстве воинских частей выходцы с Алтая дали не мало примеров мужества и героизма. Некоторое число призывников с Алтая принимали участие в боях в составе 61-го Осинского полка, в их числе были и отмеченные командованием, как особо отличившиеся.

Собранные алтайскими краеведами данные об участии их земляков в советско-китайском конфликте на КВЖД указывают особое место региона в этих событиях [3. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 813. Л. 24-25]. Знакомство с архивными документами указывает на то, что алтайские краеведы выявили не всех погибших в 1929 г. в боях с китайцами земляков. В списках погибших были красноармеец С.О. Оськин 108 Белорецкого стрелкового полка из Рубцовского округа [2. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1179. Л. 43]. Только за четыре дня боев в районе станции Маньчжурии погибло более полусотни красноармейцев и младших командиров, призванных из округов Алтая.

Таким образом, советско-китайский конфликт на КВЖД был важной страницей истории Алтайского края. Барнаульцы, бийцы, призывники из других округов Алтая, сыграли большую роль в событиях военного конфликта с Китаем в 1929 г.

Библиографический список

1. Российский государственный военный архив (РГВА).
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО).
3. Государственный архив Томской области (ГАТО).
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).
5. Военнослужащие с Алтая, погибшие и пропавшие без вести в боях на КВЖД. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – URL: <http://forum.patriotcenter.ru/index.php>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 22.04.2016).
6. Дацышен, В. Г. Боксерская война: военная компания русской армии и флота в Китае в 1900–

1901 гг. / В. Г. Дацышен. – Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2001. – 336 с.

7. Дацышен, В.Г. Китайцы в Сибири XVII–XX: проблемы миграции и адаптации / В. Г. Дацышен. – Красноярск : Изд-во СФУ, 2008. – 326 с.

8. Красноармейская Звезда : еженед. газ. – Новосибирск, 1929 г.

9. Красный Алтай : ежедн. газ. – Барнаул, 1929 г.

10. Советская Сибирь : ежедн. газ. – Новосибирск, 1929 г.

И.В. Дурново

Автографы Михаилу Ивановичу Чистякову

В публикации представлены автографы известных и малоизвестных поэтов Советского Союза поэту, члену Союза писателей Казахстана М.И.Чистякову.

Ключевые слова: автограф, поэты.

I.V. Durnovo

Authographs to Mikhail Ivanovich Chistyakov

In the publication introduced autographs of well-known and little-known poets of the Soviet Union, given to member of Union of writers of Kazakhstan

Keywords: autograph, poets

Весной 2013 года во время моей поездки в города Санкт-Петербург и Москву впервые реализовалась моя давняя мечта - я получила автограф известного театрального и киноактера Евгения Стеблова. Это событие произошло в Александровском саду у могилы Неизвестного солдата во время развода караула. Мы с сыном Петром активно снимали развод караула в режиме видео на фотоаппарат и телефон и натолкнулись на прогуливающегося актера. В моем блокноте было написано "Ирине" и подпись "Стеблов".

Радости моей не было предела, как юный подросток, потом в течении многих дней, разглядывала я этот бесценный автограф, как подарок судьбы, для меня.

Представленная на суд слушателей публикация, посвящена автографам, полученным поэтом, участником Великой Отечественной войны, Почетным гражданином города Усть-Каменогорска, Михаилом Ивановичем Чистяковым в разные периоды своей жизни от очень известных, известных и малоизвестных писателей и поэтов большого литературного пространства под названием Советский Союз.

Сборники стихов и журналы были любезно предоставлены Натальей Семеновной Матвеевой, поэтом, другом Михаила Ивановича из личной библиотеки поэта, после кончины последнего, хранившейся в семье Матвеевых.

В настоящее время с позволения Натальи Семеновны Матвеевой часть книг с автографами переданы на хранение в коллекцию документов: "Почетные граждане города Усть-Каменогорска", фонд №1466, опись №.1, д.91а, 91б., остальные в семье Матвеевых.

Автографы публикуются впервые. Все представленные в публикации поэты были известны и малоизвестны на просторах большой страны под названием Советский Союз, их объединяли общие цели в литературном творчестве, они по - разному смотрели на мир, отражавшийся в их стихах и мировоззрении. В настоящее время их сборники стихов уже являются библиографической редкостью, их биографии не очень востребованы в литературоведческой среде, а книги можно найти только в личных библиотеках любителей поэзии.

Прав был Станислав Евгеньевич Черных, считая собирание автографов делом кропотливым и трудным и в тоже время необходимым.

Михаил Иванович был публичным, очень мужественным, общительным человеком, большим интеллектуалом, имел множество друзей, тем ценнее автографы этих мало известных людей.

Не все события и факты нашей жизни находят отражение в документах. Многие интересные и яркие личности уходят бесследно в небытие в вечность. Встречи и дружба с людьми, оставившими автографы М.И.Чистякову и его семье помогают жить, делают жизнь мудрее, обогащают ее новыми эмоциями. К большому сожалению, Михаил Иванович не оставил именного списка дарителей автографов, поэтому сейчас трудно установить в каких личных или общественных отношениях находились они с М.И.Чистяковым.

Мой коллега, архивист Владимир Тимофеевич Шуваев, безвременно ушедший от нас, очень точно определил, что "автографы необходимы... потому что наше "сегодня" уже завтра будет прошлым, а "послезавтра" - историей". Трудно сказать, трудно с этим не согласиться.

По тону изложения и энергетике текстов автографы, полученные Михаилом Ивановичем Чистяковым - дружеские.

10 марта 1958 года в г. Одессе М.И. Чистяков познакомился с поэтом Александром Уваровым автором поэтического сборника "Реют буревестники". Тогда же на форзаце книги были написаны такие строки: *"Дорогому Михаилу Ивановичу Чистякову поэту на память об Одессе с пожеланиями больших успехов в творчестве"*. А. Уваров 10 марта 1958 г. Одесса [5, ГАВКО, ф.1466, оп.1, д.91а].

Григорий Игнатьевич Пятков - поэт, участник Великой Отечественной войны 1941-1945гг., добровольцем ушел на фронт, был тяжело ранен, после демобилизации находился на комсомольской работе в Сибири и на Кубани. Автор множества поэтических сборников, повестей. С Михаилом Ивановичем его (автора сборника прим. автора) тесно связывала война, тяжелые ранения, общее прошлое. В библиотеке Михаила Ивановича было два сборника с автографами Г. Пяткова.

В том же 1958 году в Крыму на отдыхе произошла встреча Михаила Ивановича Чистякова с крымским поэтом Григорием Пятковым, автором поэтического сборника "Солнечный берег", который был подарен Михаилу Ивановичу. Благодаря этому знакомству появился следующий автограф: *Мих. Чистякову милому человеку и прекрасному поэту с самыми наилучшими пожеланиями* "Гр. Пятков (так в документе) 6 августа 1958 г. [5, ГАВКО, ф.1466, оп.1, д.91а].

В 1984 г. в издательстве художественной литературы "Дніпро" вышел сборник стихотворений и поэм Г.Пяткова "Вдали и рядом", в который вошли лучшие произведения автора из предыдущих сборников. Лирический герой - это наш современник с высокими жизненными идеалами, искренней душевностью.

А 5 мая 1987 г. этот сборник был подарен чете Чистяковых и появилась очень добрая надпись: *"Милым, добрым и незабвенным друзьям Михаилу и Софии Чистяковым - с добрыми пожеланиями на всех жизненных дорогах"*. Гр. Пятков [5, ГАВКО, ф.1466, оп.1, д.91б].

В 1961 году в Казахском издательстве художественной литературы г. Алма-Ата вышел первый сборник стихов казахстанского журналиста и поэта Николая Душкина "Отчий край". Автор написал трогательные строки Михаилу Ивановичу Чистякову: *Мише Чистякову - собрату по литературным парусам. Автор Н. Душкин* [5, ГАВКО, ф.1466, оп.1, д.91а].

В 1966 году в издательстве "Жазушы", г. Алма-Ата, вышел сборник стихов "Серебрянка" молодого поэта, уроженца г. Зырянска Сергея Киселева. Эпиграфом к книге появился автограф: *Михаилу Ивановичу и Софии Ивановне, с уважением и признательностью. С. Киселев 8 августа 1966 год* [5, ГАВКО, ф.1466, оп.1, д.91а].

В 1968 году в казахстанском издательстве " Жазуши" вышел очередной сборник стихов и поэм нашего земляка, поэта Киселева Сергея Дмитриевича с названием "На струнах солнца". Это не только раздумья о времени и о себе, это и взгляд в прошлое и в будущее. В книгу вошли стихи о природе и людях родного Алтая, о чистой большой любви, о дружбе. Вероятно, поездка по есенинским местам отозвалась следующими строками:

" И жалею, и зову, и плачу,
И не сходит с белых яблонь дым.
Все сомненья ничего не значат
Перед взглядом дерзко голубым.
Я возьму ответы и вопросы
И на тихой станции сойду.
Лугом, где хозяйничает осень,
Я в село рязанское войду.
Будет знобкий ветер с гиком звонким
Листья отпылавшие кружить,
Будет тихой песнею девчонка
С князем песни русской говорить.
Этот луг, и этот свод небесный,
И чета взволнованных берез
Слушали его шальную песню,
Полную не выплаканных слез.
И как будто из прибрежной рощи,
Где в сплетенье веток бьется свет,
Выйдет и пойдет русоволосый
По земле ликующий поэт.
Оборвется тишина сквозная
И как птица упадет к ногам.
И шумит осина, доверяя
Солнечным, взъерошенным стихам.
И сомненья ничего не значат
Перед взором вечно голубым.
Я жалею. Я зову. Я плачу.
И не сходит с белых яблонь дым".

На лицевой стороне первой страницы этого сборника появилась такая надпись: "*Дорогим моим землякам Михаилу Ивановичу и Софии Ивановне с любовью. С. Киселев Зиюля 1968 г.*" [5, с.112].

Казахстанский поэт, переводчик Токтарбек Казыкбаев, уроженец Восточного Казахстана родился в 1940 году в городе Зайсане Восточно-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета им. С. Кирова. Многие годы работал в редакциях районных и областных газет, с 1975 года - в республиканской газете «Социалистік Қазақстан». Т. А. Казыкбаев -

автор поэтических сборников «Полевые цветы»(1966 г.), «Алтайские мотивы»(1969 г.), «У руля»(1972 г.), «Долг»(1975 г.), «Светлый мир» (1977 г.), «Запах земли»(1978 г.). Лауреат премии Союза журналистов Казахстана. Награжден орденом «Знак Почета» и юбилейной медалью «За доблестный труд». Умер 5 ноября 2005 года в г. Алматы [11].

Токтарбек дружил с Михаилом Ивановичем Чистяковым, поэтому когда в 1966 году в издательстве "Жазушы" Баспасы, была издана первая книга его стихов под названием "Қыр Гүлдері"(Полевые цветы) на казахском языке, то в 1967 года она появилась в личной библиотеке М.И.Чистякова со следующей надписью: *"Уважаемый Михаил Иванович! Дарю Вам мой скромный труд от чистого сердца, желаю творческого успеха. Да здравствуй, Михаил Иванович, Самый лучший поэт Алтай! Ваш Токтарбек 7 января 1967 г."* В пятом томе литературного наследия Чистякова есть переводы Михаила Ивановича стихов Токтарбека Казыкбаева на русский язык [6, с.7; 47].

В 1967 году в журнале "Роман-газета" вышла повесть "Первая любовь" нашего земляка Ефима Николаевича Пермитина. Михаил Иванович был дружен с Пермитиным Е.Н. В те годы было очень престижно печатать свои произведения на страницах журнала "Роман-газета". Он (журнал) был очень популярен у читающей публике. Так, во время одного из приездов Е.Н. Пермитина в г.Усть-Каменогорск и появился очередной автограф. На лицевой стороне обложки журнала Ефим Николаевич написал следующее: *"Дорогому земляку Михаилу Ивановичу Чистякову. Спасибо за письмо за память: земляки не часто радуют меня. Особо молодые писатели и журналисты. С уважением и благодарностью Е. Пермитин. 1 февраля 1967 Москва (так в документе)".* [5, ГАВКО,ф.1466,оп.1, д.91а].

Адилбек Абайдилданов - казахстанский поэт автор многих поэтических сборников в 1968год в издательстве "Жазушы" издал сборник стихов и поэм "Сокол" в переводе С. Киселева. Это первая книга, вышедшая на русском языке. В ней увидели свет лирические стихотворения и небольшая поэма "Орел", воспевающая любовь к Родине. 25 марта 1972 года этот сборник попал в личную библиотеку семьи Чистяковых со следующим автографом: *" Многоуважаемой Софии Ивановне и Старшему брату, другу по перу Мише! В знак дружбы и уважения Адилбек."*

В стихотворении "Монолог" есть такие строки:

"Человеку жизнь дана одна,

И не возвращается она.

Даже у железа есть свой срок.

Вечен только времени поток.

Трудности встречаем мы порой.

Честь-порукой нам на все года..." [5, ГАВКО,ф.1466,оп.1, д.91а].

В нашем непростом мире, где много горя, лжи и печали, слова поэта из далеких 1970-х годов как нельзя актуальны и сейчас, поскольку честь, достоинство дается человеку с воспитанием. И это истина в первой инстанции.

О Волгоградском поэте Корнееве Артуре Александровиче (26.03.1936, с. Чесноково Михайловского р-на Приморского кр. — 04.03.2006, Волгоград), члене Союза писателей России уже упоминалась в предыдущих публикациях. Человек из рабочей среды он вместе с семьей переехал в Сталинград. С 16 лет работал слесарем на заводе «Баррикады». Окончив в 1959 г. Литературный институт им. Горького, вернулся из Москвы в родной город. Работал в «Волгоградской правде», Нижнее - Волжском книжном издательстве. Первая книга «Я вырос в рабочем поселке» вышла в 1960 г. В 1975 г. переехал в Москву,

работал заместителем гл. редактора Главной редакции художественной и детской литературы Госкомиздата РСФСР. В 2001 г. вернулся в Волгоград. Основные книги: «Постоянство», «Характер», «Разговор с матерью», «Честь понеделнику», «Русло», «Деревья Сталинграда», «Музыка», «Избранное» и др. Лауреат Всероссийской литературной премии «Сталинград» [12].

В предисловии к небольшому сборнику стихов "Я вырос в рабочем поселке" Сталинградского поэта Артура Корнеева, вышедшего в 1960 году в Сталинградском книжном издательстве, поэт Лев Ошанин написал, что это первая цельная книга стихов молодого поэта, первая ступенька в его творчестве. Много позже появился замечательный автограф: " *С искреннем уважением Михаилу Чистякову от актера, читающего стихи поэта А.Корнеева Зас. арт КАЗ ССР В.Тарасов* (к сожалению подпись не совсем разборчива) так в документе [5, ГАВКО, ф.1466, оп.1, д.91а].

В библиотеке М.И.Чистякова уже был первый сборник стихов А.Корнеева "Я вырос в рабочем поселке" с автографом автора, поэтому когда в 1968 году вышел сборник лирических стихов "Разговор с матерью" этого автора, то вполне естественно он мог появиться и в библиотеке М.И. Чистякова. Это была четвертая его книга. Эта книга - история характера автора возмужавшего в преодолении жизненных трудностей. Детство в рабочем поселке первых послевоенных лет, ранняя заводская юность, неудавшаяся любовь, участие в современной жизни - все эти темы органично вплетены данный сборник.

Этот сборник стихов появился в библиотеке М.И. и С.И. Чистяковых в 1975 году. Примечателен и автограф к ней: "*Уважаемому Михаилу Чистякову в память о Волгограде. Артур Корнеев 19 марта 1975 г.*"

В стихотворении "Праздник" есть такие строчки:

"Плачет мать....

И, что гроше всего,

Плачет - так , ни с того ни с сего.

Ни с того ни с сего и некстати.

Я стою в терпеливой досаде.

Я стою перед нею дюжий.

Накрахмаленный, наутюженный,

При солидном и модном портфеле,

В нем цветы и коробочка трюфелей,

И вино, что наклейкой дразнит.

Тороплюсь я на мартовский праздник

К той, что ждет лишь меня одного....

А, затем автор говорит о причине материнских вдовьих слез, когда скидывались по полтиннику, пели протяжные песни бедово, дурачились в карты в праздник 8 Марта, повздыхали на ветку мимозы, разошлись по квартирам и в слезы, плачет мать ни с того, ни с сего, это горше и хуже всего. И далее: " Я ль не чту твои руки рабочие.

Что полжизни железо ворочали,

Или я вспоминаю не с болью

Про отцовскую страшную долю,

Про судьбу твою тяжкую, вдовью?
Память жизнь твою не изувечила....
Я стою перед нею дюжий,
Накрахмаленный, наутюженный,
Мрачно думаю как бы в ответ:
Ну, какой же я к черту поэт...."[8.с51,52,79].

Наталья Павловна Бурова (25 ноября 1918 г.-5 апреля 1979 г.) родилась на юге Казахстана, в городе, который сейчас называется Тараз, а тогда - Аулие-ата. В детстве жила в разных местах: и в селе Мерке и в Ташкенте, и в совхозах Казахстана. Как вспоминала сама поэтесса: "училась я бессистемно и мало", окончила только пять классов средней школы. Недостаток знаний восполняла чтением, живыми наблюдениями. Работала в областях далеких от литературы: топографом в Памирских горах, статистиком, инспектором по кадрам, чертежницей. По делам службы много ездила по Средней Азии, хорошо ее знала и чувствовала своей, но главным в ее жизни были стихи.

Говорят, что во время войны показывала свои стихи Ахматовой, и та сочувственно отзывалась о них, назвав "Поэтом Божий милости", но письменных подтверждений тому нет. После войны училась в литературном институте у Луговского, но не закончила, вернулась в Ташкент.

В 1965 году вышла первая книга стихов под название "Семиречье".

Читателей привлек сильный голос поэта - лирика, влюбленного в родную землю, яркая образность и музыкальность (Соловей.). Благодаря сохранившейся дружбе с вошедшими в силу однокашниками, ценившими ее лирический дар и негромкий, но самостоятельный поэтический голос, ее книжки стали выходить в Москве. Для русского литератора в Ташкенте это была, как бы сказать, дополнительная степень защиты.

Выпустила 8 поэтических сборников. Жила в Ташкенте замкнуто, много переводила с узбекского, писала новые стихи, в любви, насколько известно, не была счастлива. В Ташкенте считалась примером достоинства. Умерла 5 апреля 1979 года при трагических обстоятельствах нестарой совсем.

В библиотеке М.И. Чистякова было две книги стихов Натальи Павловны Буровой. Первая - называется "Теплые камни", вышла она в 1968 году в Издательстве ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия". Примечателен автограф: *"Михаилу Чистякову с пожеланием многих радостей и побед. Наталья Бурова 25 сентября 1974 г."*

"Я знаю: есть доброе в мире и злое.
А древняя грань между ними узка.
Сливается в древнюю чашу былое
Настойчивой, тонкою струйкой песка.

Есть множество в жизни прекрасных творений,
Немыслимых судеб и дерзких затей.
В ней гул от широких шагов поколений,
Бубенчики смеха счастливых детей.

В ней пламя любви и незыблемой воли,

Извечная, яркая радость труда...
Но сколько ничем не оправданной боли
В бездонную чашу уносят года!"[9, с.53;95]

Второй сборник вышел в издательстве " Советский писатель " в 1975 году под названием "Синяя птица". Стихи поэтессы подкупают сердечной добротой, любовью к людям, уважением к их труду. Интересен автограф: *"Чистякову Михаилу Ивановичу и Софии Ивановне дружески, с пожеланием счастья Н. Бурова 14 мая 1976 г."*

В одном из стихотворений сборника "Синяя птица" мне поразила концовка: "Чтобы верно Азию любить,

Жить в ней надо" - говорила ты.

Мне и так до смерти не забыть

Азиатской дикой красоты.

Я и так во сне и наяву

Образы знакомые ловлю.

Хорошо ли, худо ли живу -

Все мое, что помню и люблю" [10].

Библиографический список

1. Верность // Ставропольское книжное изд-во. – Ставрополь, 1972. - 240 с.
2. Львов, М. Живу сегодня: книга стихов / М. Львов. – Москва, 1973. - 117 с.
3. Поделков, С. Журавлиная клинопись: стихи / С. Поделков. – Москва, 1975. - 176 с.
4. Пятков, Г. Вдали и рядом : стихотворения и поэмы / Г. Пятков. - Киев: Дніпро, 1984. - 223 с.
5. КГУ "Государственный архив Восточно-Казахстанской области "Управления культуры, архивов и документации Восточно - Казахстанской области. Ф.1466. Оп. 1. Д. 91а, 91б.
6. Тоқтарбек Қызықбаев. "Қыр гүлдері" / Тоқтарбек Қызықбаев. – Алматы, 1966. – 110 с.
7. Киселев, Сергей. На струнах солнца / С.Киселев. - Издательство "Жазуши", Алма-Ата, 1968. – 132 с.
8. Корнеев, Артур. Разговор с матерью / А.Корнеев. – Москва, 1969. – 157 с.
9. Бурова, Наталья. Теплые камни / Н.Бурова. - Издательство ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия", 1968. - 178 с.
10. Бурова, Наталья. Синяя птица / Н.Бурова. – Москва, 1975. – 210 с.

И.А. Ерёмин

Экономика Акмолинской и Семипалатинской областей в начале XX века

В статье рассматривается экономический потенциал Акмолинской и Семипалатинской областей в начале XX века. Главной отраслью экономики обеих областей было сельское хозяйство. Благодаря аграрной реформе, в этот период в регионе произошло большое хозяйственное освоение территорий. Это привело к заметному росту производства продовольствия в Акмолинской и Семипалатинской областях.

Ключевые слова: Западная Сибирь, переселенческая политика, сельское хозяйство.

I.A. Eremin

The economics of Akmolinsk and Semipalatinsk provinces in the beginning of XX century

The article considers economical potencial of Akmolinsk and Semipalatinsk provinces in the beginning of twentieth century. The agriculture was main branch of economy of both provinces. Thanks to agrarian reform the great economic development of territory happened in region in this time. The result of it was a great growth of production of food-stuff in Akmolinsk and Semipalatinsk provinces

Keywords: West Siberia, the policy of migration, agriculture.

До 1882 г. Акмолинская и Семипалатинская области в административном отношении входили вместе с Тобольской и Томской губерниями в состав Западносибирского генерал-губернаторства с центром в г. Омске. С 1882 г. эти области были выделены в самостоятельное Степное генерал-губернаторство, имевшее особое управление. Его административным центром оставался Омск. Территориально Акмолинскую и Семипалатинскую области до 1917 г. продолжали относить к Западной Сибири [9, с. 1]. В социально-экономическом развитии они были тесно связаны с остальными районами Западной Сибири. По многим отраслям народного хозяйства велось единое делопроизводство, принимались общие указы и циркуляры. Акмолинская и Семипалатинская области входили в состав Тобольско-Акмолинского и Томско-Семипалатинского акцизных управлений. Обе области входили в Западносибирскую (Томскую) горную область. В ее состав были включены южный Степной округ на территории Семипалатинской области, северный Степной округ – Акмолинской области. Многие общие статистические данные по Западной Сибири включали показатели и по этим областям. Вместе с Тобольской и Томской губерниями Акмолинская и Семипалатинская области входили в состав Омского военного округа (ОмВо), командующий войсками которого одновременно являлся Степным генерал-губернатором.

Западная Сибирь играла важнейшую роль в реализации правительственной стратегии освоения восточных районов государства. Особенно заметным в масштабах Сибири был вес региона в аграрных преобразованиях начала XX в. Из 3,05 млн. переселенцев, приехавших сюда к 1913 г. [7, с. 183], около 2 млн. чел. приходилось на Западную Сибирь [8, с. 10-12].

Переселение многих сотен тысяч крестьян в регион способствовало быстрому развитию главной отрасли экономики Западной Сибири – сельского хозяйства, в котором было занято более 90 % самодеятельного населения. В предвоенный период сельское хозяйство региона давало примерно 2/3 стоимости всей продукции [3, с. 127]. Динамичное хозяйственное освоение огромных территорий

привело к заметному росту производства продовольствия. К 1907 г. в Западной Сибири посевная площадь составляла более 4,7 млн. десятин. Из этого количества на долю Томской губернии приходилось свыше 3 млн. десятин, Тобольской – около 1,3 млн. десятин, Акмолинской области – чуть более 0,3 млн. десятин, Семипалатинской – порядка 0,1 млн. десятин [10, с. 1].

К 1913 г. особенно значительный прирост посевных площадей произошел в Акмолинской области, где увеличение достигало почти трехкратного уровня и в абсолютных цифрах составило почти миллион десятин [11, с. 89]. Бурное развитие земледелия в области привело к тому, что в Омске было возведено 16 складов земледельческих орудий и машин с оборотом более 4,5 млн. руб. [6, с. 251]. С конца 1907 г. при главной конторе сельскохозяйственных складов в Омске был учрежден особый продовольственный отдел, предназначенный для заведования 22 государственными зернохранилищами общей вместимостью около одного млн. пудов, построенных Переселенческим управлением. 18 из них располагалось в Акмолинской области и четыре по линии Сибирской железной дороги в пределах Томской и Тобольской губерний [1, с. 410].

Значительное развитие в регионе в начале XX в. получило и животноводство. Районами развитого скотоводства в Западной Сибири были юг Бийского и Омского уездов [4, с. 35]. В Семипалатинской области у численно доминировавшего здесь коренного киргизского (казахского) населения преобладало кочевое скотоводство. Кочевники обычно мало заготавливали сена для прокорма своих стад и табунов, которые паслись на подножном корму круглый год [12, с. 142]. В целом на Западную Сибирь в этот период приходилась примерно 1/10 часть общеимперского поголовья крупного рогатого скота, овец и коз.

Крупных металлообрабатывающих и машиностроительных заводов в довоенный период в Западной Сибири не было. Все более или менее значимые промышленные предприятия были связаны с переработкой сельскохозяйственной продукции. Важнейшими ее отраслями в крае являлись маслоделие и мукомолье. В ряду крупнейших центров производства и торговли маслом в регионе были Омский и Петропавловский районы. Такой же динамичностью развития отличалось в это время в обрабатывающей промышленности Западной Сибири и мукомолье. Регион производил в год не менее 30 млн. пудов муки. Крупными центрами мукомолья в масштабах не только Западной, но и вообще всей Сибири, были Омск и Семипалатинск. Производительность мельниц Обского района исчислялась в 1913 г. в 15,8 млн. пудов, а Иртышского – в 8,9 млн. пудов в год [1, с. 430-431].

В регионе значительную часть производства и торговли мукой монополизировало Акционерное общество Семипалатинских паровых мельниц. Общество основало мельницы, склады, хозяйственные строения, приобрело землю в Омске, Петропавловске, Усть-Каменогорске и других городах, владело на праве собственности и арендовало винокуренные заводы, каменноугольные копи, горнорудные разработки. Путем скупки акций и системы участия Общество объединило несколько сибирских мукомольных фирм и распространило операции по скупке и торговле муки на Урал и Восточную Сибирь [5, с. 155].

Накануне войны в Западной Сибири была заложена основа для развития современной горнодобывающей и металлургической промышленности. В Акмолинском уезде Акмолинской области действовал завод акционерного общества Спасских медных руд, принадлежавший английскому капиталу. На Успенском руднике акционерного общества, находившемся также в Акмолинском уезде, добывалось в год порядка миллиона пудов медной руды, из которой производилось более 100 тыс. пудов «чистой меди». Для выплавки меди использовался уголь из Карагандинской копи, для чего была построена железная дорога, соединявшая шахту со Спасским заводом. Довоенные экономические аналитики считали горнопромышленное предприятие акционерного общества Спасских руд «ядром

всей той горнопромышленности, которая проявлялась в степных областях Западной Сибири» в начале века [12, с. 250-251].

В начале XX в. в Западной Сибири успешно развивалась добыча соли. Лидером по добыче этого продукта в регионе была Семипалатинская область, где в 1908 г. было добыто более 1,5 млн. пудов соли [12, с. 147].

Гораздо скромнее обстояло дело с развитием металлообрабатывающей промышленности. До Первой мировой войны в Западной Сибири было всего 4 крупных металлообрабатывающих предприятия. Одним из них был завод в Омске, принадлежавший датскому предпринимателю С.Х. Рандрупу. Завод имел 30 сверлильно-токарных станков и ежегодно поставлял более 17 тыс. плугов [2, с. 186-187].

Таким образом, в довоенный период в Западной Сибири Акмолинская область, за исключением г. Омска и уезда, представляла из себя в экономическом отношении аграрный район с быстро развивающимся земледелием. Самой отстающей в экономическом развитии оставалась Семипалатинская область, где в сельском хозяйстве сохранялось кочевое скотоводство. Дореволюционные исследователи объясняли очень слабое развитие фабрично-заводской промышленности в области недостатком здесь солидных капиталов, отсутствием технических знаний, а также слабой заселенностью региона, которая для крупных предприятий «не могла бы дать надлежащего рынка» [12, с. 147].

В целом за предвоенное десятилетие, во многом благодаря строительству Транссибирской магистрали, Западная Сибирь сумела сделать рывок в сельскохозяйственном производстве и переработке продуктов земледелия и животноводства, заняв свою экономическую нишу на российском и мировом рынке.

Библиографический список

1. Азиатская Россия : в 3 т. – Санкт-Петербург, 1914. – Т. 2 : Земля и хозяйство / ред. И. И. Тхоржевский. – 638 с. : ил.
2. Бочанова, Г. А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири : конец XIX – начало XX в. / Г. А. Бочанова. – Новосибирск : Наука, 1978. – 255 с.
3. Горюшкин, Л. М. Аграрные отношения в Сибири в период империализма (1900–1917 гг.) / Л. М. Горюшкин. – Новосибирск, 1976. – 343 с.
4. Иванцова, Н. Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 г. / Н. Ф. Иванцова. – Москва, 1993. – 452 с.
5. Китанина, Т. М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. : очерки продовольственной политики : монография / Т. М. Китанина. – Ленинград, 1978. – 287 с.
6. Колесников, А. Д. Рост, сословный состав и занятость населения дореволюционного Омска / А. Д. Колесников // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). – Новосибирск, 1977. – С. 231–252.
7. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / М. Н. Горюшкин [и др.]. – Новосибирск, 1983. – 399 с.
8. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. – Петроград : Тип. М. П. Фроловой, 1918. – Вып. 6 : Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 г. – 182 с.

9. Обзор Акмолинской области за 1915 год. – Омск : Тип. Акмолинского областного правления, 1917. – 82 с.
10. Омский военный округ : военно-географическое и статистическое описание : отд. 9 : Средства округа / сост. М. Ц. Грудзинский. – Омск, 1910. – 172 с.
11. Сельское хозяйство России в XX в. : статистический сборник. – Москва, 1923. – 340 с.
12. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 год. : отд. I. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Ф. Мекс, 1911. – 352 с.

В.М. Климачков

Ю.Н. Москвитин

К вопросу об организации деятельности полиции городов Томской губернии во второй половине XIX в. – начале XX в.

В статье рассматриваются изменения в организации и деятельности полиции городов Томской губернии во второй половине XIX в. – начале XX в., произошедшие в результате экономического роста региона.

Ключевые слова: губерния, городская полиция, охрана порядка, околоточные, надзиратели, стражники.

V.M. Klimachkov

Y.N. Moskvitin

The question of organizing the police activities of the Tomsk province cities in the second half of XIX – early XX centuries

The article examines changes in the organization and policing of the Tomsk province cities in the second half of XIX – early XX centuries occurred as a result of economic growth in the region.

Keywords: province, city police, policing, police-officer, supervising officers, guards.

Законом от 25 декабря 1862 г. о временных правилах об устройстве полиции в городах и уездах губернии по общему учреждению управляемых городская полиция была объединена с земской под единым руководством уездного (окружного) исправника. Отдельное городское управление сохранилось в столичных и губернских городах и в так называемых заштатных городах, которые имели статус города, но при этом не являлись уездным центром.

В рассматриваемый период на территории Томской губернии находились губернский город Томск; уездные – Барнаул, Бийск, Кузнецк, Каинск, Мариинск; безуездный город Кольвань и заштатный Нарым. В начале XX в. в связи с ростом экономического и политического значения региона образуются шесть новых городов: Новониколаевск, Тайга, Боготол, Татарск, Камень и Славгород. Эти города, не будучи уездными центрами, так и не получили отдельного штата городской полиции, за исключением Новониколаевска, который по численности населения, военно-политической и экономической значимости мог сравниться с уездным центром.

Во второй половине XIX в. в результате проведения реформ изменилась структура полицейского управления в Томской губернии. По Указу от 12 июня 1867 г. старые полицейские формирования в округах и окружном городе были объединены в полицейские управления. Отдельное городское управление полиции сохранилось лишь в губернском Томске и безуездном Кольвани. В Нарыме числился отдельный полицейский пристав и его помощник, к которым в начале века был добавлен полицейский стражник за надзором за ссыльными. Ведомственная горная полиция в Алтайском горном округе юридически прекратила свое существование и уступила место гражданской полиции, которая появилась в горно-заводских селениях округа по Указу от 28 февраля 1867 г. в составе отдельных полицейских чиновников. Однако процесс становления полиции оказался растянутым на несколько лет, ведомственная бюрократия не стремилась отдать в руки гражданского ведомства полицейскую власть в округе [1].

В Барнауле с 1868 г. было образовано заменившее горную полицию окружное полицейское управление, но вплоть до 1883 г. на заводском управлении оставалось содержание пожарной части и будочников [2].

Полиция тех городов, где ее организация регламентировалась Сибирским учреждением 1822 г., была более всего адаптированной к нововведениям. В дореформенный период полицией в городе руководил городничий (в Томске – полицмейстер), который выступал в качестве представителя правительства, и его вниманию подлежали все вопросы жизни города. Более того, финансирование органов охраны правопорядка осуществлялось в Западной Сибири за счет городских доходов. Жалование из государственного казначейства получал только руководитель полиции и чиновники его канцелярии.

Взаимозависимость городской полиции и органов местного самоуправления сохранилась и после введения Городового положения 1870 г. Вопросы финансирования, штатной численности, снабжения обмундированием, вооружением, жильем и ряд отдельных вопросов службы полицейских находились в компетенции городской власти [3, с. 420-421].

Таким образом, городская полиция была присоединена к окружной с сохранением прежних форм и методов в своей деятельности. Преемственность в организации финансирования городской полиции очевидна. Экономически полиция находилась в зависимости от городских властей и, несмотря на строгие требования губернатора соблюдать законодательство в отношении организации службы полиции в городе, гласные городских дум не выражали полного законопослушания при решении таких вопросов. Отказ исполнить закон выражался ссылкой на отсутствие денег в казне, затягиванием принятия решения путем создания комитетов и комиссий для принятия решения и т.д. [5]. Отчасти этим можно объяснить недостаток кадров полиции, слабое вооружение, скудость жалованья. Ситуация не изменилась и после введения нового Городового положения 1892 г.

В политико-правовом положении городской полиции существенных изменений также не произошло. Исправник стал своего рода наместником губернатора в округе. Согласно Указу от 25 декабря 1862 г. начальником городской полиции являлся помощник окружного исправника [6]. Зачастую исправник не задумывался о деятельности подчиненной ему городской полиции, отдавая эту достаточно объемную часть работы в управление своему помощнику, а себе оставляя вопросы общего руководства.

В начале XX в. в связи с экономическим ростом городского хозяйства и увеличением численности населения во многих городах губернии штаты полиции возросли, но структура полиции оставалась неизменной. Особенностью периода стала организация полиции в новых городах, в которых городское положение было введено в упрощенной форме. Такие города, не обладая необходимыми финансовыми средствами, не имели отдельного штата полиции. До момента образования города из населенного пункта полиция в них состояла из отдельного полицейского пристава, нескольких стражников и ночных сторожей. С момента образования органов самоуправления по упрощенной форме в таких городах учреждались должности заведующего полицейской частью, приставов и его помощников, околоточных надзирателей, стражников и ночных сторожей. Количественный состав полиции в каждом городе был различным и зависел от численности населения и в большей степени от полноты городской казны [4, с. 69-70; 7]. В 1909 г. Новониколаевск, единственный из новых городов губернии, удостоился права на введение полного городского положения, был переведен в разряд безуездного, и с июля того же года Высочайшей властью в нем был учрежден отдельный штат городской полиции во главе с полицмейстером.

В 1917 г. после провозглашения в Томской губернии власти Временного правительства городская полиция, переименованная в милицию, была объявлена исполнительным органом государственной

власти на местах и переподчинена местным учреждениям общественного управления. Этот процесс, кроме кадровых изменений в составе милиции, не затрагивал складывавшуюся на протяжении прошлого века структуру милиции.

Таким образом, полиция городов Томской губернии, согласно законодательству, входила в состав окружного (уездного) полицейского управления. Однако в политико-правовом аспекте официальное руководство ею осуществлял отдельный чиновник, утвержденный для этой роли высшей государственной властью. В экономическом плане городская полиция в соответствии с законом находилась в зависимости от городских органов самоуправления. Наконец, с первых дней власти Временного правительства городская полиция была законодательно подчинена местным органам власти как исполнительная структура на местах.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). – Ф. 2. – Оп. 1. – Т. 2. – Д. 2936. – Л. 10–14, 18, 27–29, 31, 51–55.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 378. – Л. 3.
3. Городовое положение 11 июня 1892 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / сост. М. И. Мыш. – Санкт-Петербург, 1908. – 1106 с.
4. Москвитин, Ю. Н. Полиция Томской губернии в 1867–1917 гг. (устройство, численность и материальное обеспечение служащих) : монография / Ю. Н. Москвитин. – Барнаул : Изд-во БЮИ, 2006. – 194 с.
5. Жизнь Алтая. – 1916. – 25 февраля (№ 43)
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. – Санкт-Петербург, 1867. – Т. 42. – С. 879–880.
7. Сибирская жизнь : ежедн. газ. – Томск, 1908 г., 12 июля (№ 146) ; 1914 г., 6 марта (№ 48).

А.П. Коновалов

Т. С. Мизимбаев

Массовые жертвы террора противодействующих сторон в годы Гражданской войны на территории Семипалатинской области Казахстана (1918-1920 гг.)

Данная статья посвящена слабо изученному в исторической науке вопросу жертв террора среди гражданского населения Семипалатинской области Казахстана в годы Гражданской войны. Авторы статьи на основе архивных материалов показывают, что террор явился следствием деятельности обеих враждующих сторон белых и красных.

Ключевые слова: террор, белогвардейцы, красногвардейцы, Гражданская война, Семипалатинская область Казахстана, массовое истребление людей.

A.P. Konovalov

T. S. Mizimbayev

Mass victims of the terror of opposing sides in the Civil War on the territory of the Semipalatinsk region of Kazakhstan (1918-1920)

This article focuses on poorly studied in historical science issue of victims of terror among the civilian population of the Semipalatinsk region of Kazakhstan during the years of the Civil War. The authors, based on archival materials indicate that terror was the result of the activities of the two warring sides of white and red.

Keywords: terror, the White Guards, the Red Guards, the Civil War, Semipalatinsk region of Kazakhstan, mass extermination of people.

Катастрофическими для населения Казахстана оказались последствия Гражданской войны 1918-1920 годов. Гибель в ходе сражений и террористических актов, а также смерть в результате голода и массовых болезней вызвали резкое снижение численности населения. Если в 1914 г. на территории края проживало 4 811 662 чел., то в 1922 году – 3 795 963 чел. [1, с. 4-5].

В настоящей статье авторы предлагают анализ гибели людей именно по причине неоправданных проявлений насилия и жестокости на территории Семипалатинской области со стороны противоборствующих сторон в годы Гражданской войны 1918-1920 годов.

Как известно, насилие и жестокость, сопровождающиеся гибелью людей, идентифицируются в науке как «террор». Более того именно после Гражданской войны «террор» ставится предметом активных и широкомасштабных исследований [2; 3; 4]. Поэтому на сегодняшний день в понимании категории «террор» имеются достаточно устоявшиеся суждения. Если еще учитывать, что и для начала XXI века эта категория весьма актуальна.

В словаре иностранных слов «террор» [лат. terror – страх, ужас] трактуется как политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами [5, с. 505].

В словаре русского языка С.И. Ожегова под «террором» понимается физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, убийства, по отношению к политическим противникам [6, с. 1041].

Лидер большевиков, выигравших сражения Гражданской войны, отмечал: «После революции 25

октября (7 ноября) 1917 года мы даже не закрыли буржуазных газет и о терроре не было и речи. Мы освободили не только бывших министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как эксплуататоры, то есть капиталисты, стали разворачивать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора» [7, с. 113-114].

Российская эмиграция пыталась анализировать террор после Гражданской войны. По мнению С.П. Мельгунова, красный террор имел официальное теоретическое обоснование, носил системный, правительственный характер, а белый террор был похож на «эксцессы на почве разнузданной власти и мести». Потому красный террор по своей масштабности и жестокости был хуже белого [3, с. 5-6].

Подобную точку зрения разделял и генерал А. И. Деникин, назвавший гражданскую войну «русским погостом», на котором, по его словам, и красные, и белые пустили реки крови. «Различны были способы мучений и истребления русских людей, но неизменной оставалась система террора, проповедуемая открыто с торжествующей наглостью... Сколько жертв унес большевистский террор, мы не узнаем никогда». (Хотя тут же сообщал, что, по данным комиссии, созданной им, эта цифра только в 1918–1919 гг. составляла 1 млн. 700 тыс. человек.) Деникин признавал, что «набегающая волна казачьих и добровольческих войск оставляла грязную муть в образе насилий, грабежей и еврейских погромов». Но уточнял: «Мы грозили, но были гуманнее. Они звали, но были жестоки» [4, с. 60].

Как известно, жертвой войны являются не только люди, но и правда о ней. Естественно, что осмысление происшедших событий и их освещение в исследованиях и трудах происходило односторонне с каждой из бывших сторон-участников конфликта. Можно сказать, что с окончанием гражданской войны началась борьба за выражение исторической оценки происшедших событий и идеализации собственных убеждений и действий террора, которые являлись «ответом» на действия противника.

Исследователи белого движения в значительной степени идеализировали его цели и программы, часто забывая о реалиях, которые свидетельствовали о декларативности многих заявлений его руководителей. Романтическое представление о белогвардейцах влияет и на изучение карательных акций этого движения и не позволяет более объективно раскрыть понятие белого террора. Изучение карательных органов советской власти в последние годы наполняется все более критическим отношением к происшедшему и попытками понять одну из главных систем режима, несколько десятилетий удерживающего власть в стране. Говорят, что смерть равняет всех, а память дифференцирует. Отказаться от личных симпатий и антипатий трудно, но в данном случае просто необходимо [8, с. 12-13].

Красные, белые, зеленые армии и карательные отряды, воевавшие в 1918-1922 гг. со своим собственным народом, были одинаково преступны и ответственны за свои злодеяния. Война - явление отвратительное, война против сограждан отвратительна вдвойне. Человеческое страдание - всегда страдание. Убийство - всегда убийство, лилась ли при этом „белая“ или „красная“ кровь.

Как свидетельствуют архивные данные, хранящиеся в центре документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО), власть в Семипалатинске была захвачена большевиками 18 февраля 1918 года. На следующий день (19 февраля) группа красногвардейцев захватила здание окружного суда, где под видом поиска оружия, разгромила многие комнаты, мебель, штыками переколола царские портреты, а из архива вынесла 20 000 уголовных и гражданских дел, которые сожгла во дворе суда [9].

С февраля по июнь 1918 г. в Семипалатинске большевиками проведены многочисленные аресты. Точное количество арестованных не известно. Дело в том, что большинство арестов проводилось без

регистрации, без санкции на арест. От имени Советской власти арестовать мог любой красногвардеец, любой рабочий. Арестованных сдавали в различные пункты при советских учреждениях – без документов. Проследить причины ареста, грозящее обвинение и место содержания практически было невозможно. Арестованных часто сразу же расстреливали, причем без контроля лиц, бывших в то время у власти [10].

11 июня 1918 Советская власть в Семипалатинске пала. Начались массовые репрессии в отношении советских и партийных работников, красногвардейцев, рабочих-активистов, не успевших покинуть город. Их расстреливали в Летнем саду у собора, на берегу Иртыша, в песчаных барханах за городом, садили в «вагоны смерти», стоявшие в пристанском железнодорожном тупике, а позднее уничтожали [11].

Исполняя указ Временного Сибирского правительства от 31 июля 1918 г., военный штаб г. Семипалатинска приступил к принудительной мобилизации трудоспособного населения, причем в армию призвались лица, родившиеся в 1898 по 1899 гг., срок службы которых должен был начаться только в 1919–1920 гг. [12].

Ответной реакцией на принудительный призыв в ряды белой армии стали массовые протесты, которые прошли по всему Восточному Казахстану. В декабре 1918 г. русские крестьяне Каркаралинского уезда Семипалатинской области отказались идти в белую армию. Началось партизанское движение в регионе. Наиболее широкое развитие оно получило весной 1919 г. По данному поводу начальник Семипалатинского областного управления признался, что «население (русское и казахское крестьянство) Зайсанского уезда открыто сочувствуют большевикам, оно стало порицать и правительство (имеется в виду диктатуру Колчака), угрожая расправой, как только будет призыв, ждут, откуда-то большевиков» [13].

Контрреволюция отправляла в протестующие волости карательные отряды. Аресты, порки участились. Каратели делали набеги и на казахские аулы. Непрерывная подводная повинность, мобилизация, налоги, поборы, взыскания недоимок за прошлые годы, террор военных, правоохранительных органов, атаманских банд только усиливали партизанскую войну.

В 1919 году репрессивные меры против недовольной, да и других частей населения Семипалатинской области стали реализовываться одним из самых кровавых карателей времен Гражданской войны Б.В. Анненковым.

Анненков Борис Владимирович (1889-1927) - генерал-майор. Из дворян. Окончил Одесский кадетский корпус (1906) и Московское военное училище (1908). Участник Первой Мировой войны: командир партизанского отряда (разведка) и партизанского полка Сибирской казачьей дивизии, есаул. Избран войсковым атаманом Сибирского казачества в станице Атаманской (под Омском). Командир карательных отрядов на территории Семипалатинской области. После поражения белой армии перешел на китайскую сторону с остатками Семиреченской армии. В 1927 вывезен в Семипалатинск, где по приговору выездной сессии Верховного суда (25.07 - 12.08.1927) «за зверства во время Гражданской войны» приговорен к смерти. Расстрелян в Семипалатинске [14].

Б.В. Анненков писал: «Если в Славгородском уезде в первые руки нам выпала ликвидация восстания, то в окрестности Семипалатинска мы вступили, когда этот край был уже занят войсками Омского Временного правительства» [15; 16].

Вот как сформулировал свою миссию Б.В. Анненков в приказе от 10 января 1919 года: "Вверенный мне отряд прибыл для борьбы с большевиками, для водворения правопорядка, тишины и спокойствия. В отношении населения мы будем держаться совершенно одинаково беспристрастно, будь-то казак, крестьянин или киргиз. На старое мною поставлен крест, так как многие из нас были, благодаря своей темноте, в заблуждении. Наказаны будут только те, кто сознательно вел вас к этой разрухе. Но в будущем, предупреждаю, будет жестоко наказан всякий, кто вновь будет замечен в преступлениях против существующего государственного порядка, в насилиях, грабежах и других преступлениях" [17].

Вот один эпизод, записанный со слов Б.В. Аненкова, о его прибытии в с.Урджар Семипалатинской области: «По прибытии с отрядом в станицу Уджарскую, я застал там весьма напряженную обстановку. Отношения между казаками и местным населением были страшно обострены. Этому во многом способствовали неправильные и вовсе непродуманные действия управляющего всем войскового атамана Ионова, решившего принудительно оказачить всю Семипалатинскую область. Он заставлял всех крестьян независимо от национальности перейти в казачье сословие, угрожая, что если они не подчинятся, то все будут насильственно выселены в Сибирь. Переходить же в казаки отказывались целые поселки. Из недовольных сформировалась достаточно крупная вооруженная организация «Горные орлы». Ими командовал некто Егор Алексеев, бывший вахмистром в партизанском отряде, которым я командовал в германскую войну в Белоруссии. Мне удалось с ним встретиться всего один раз, остальное общение велось путем переписки. Я спросил Алексеева, каким образом он перешел на сторону Советской власти. Алексеев объяснил, что его отряд не признает ни белых, ни красных, ни Временного Сибирского правительства. Когда я переспросил его, за какую же они борются власть, Алексеев заявил, что они стоят за власть крестьянства и борются против оказачивания.» [15].

Атаман Аненков беспощадно расправлялся с коммунистами, комиссарами и всеми, кто был заподозрен в сочувствии к Советской власти. Семипалатинская область и Алтайская губерния были почти сплошь перепороты отрядом Анненкова, многих расстреляли, целые деревни сжигали, грабили, женщин насиловали. На судебном процессе в Семипалатинске, в июле 1927 г., Б.В. Анненков признал, что предотвратить «эксцессы» в обстановке вооруженного столкновения «не было возможности» [19].

Многим импонировало в атамане то, что он презирал карты и иные азартные игры, не курил и не пил, не был замешан в скандальных любовных похождениях. Придерживаясь выработанных во время мировой войны правил, атаман стремился к своеобразной военной демократии в своих частях. Офицером можно было стать, только пройдя все ступени, начиная с рядового. Употребление обращений «брат» и «ты» независимо от звания не привлекало кадровых офицеров, многие из которых уезжали из анненковских частей, отказываясь служить под началом своих бывших подчиненных.

Старых кадровых офицеров Б.В. Аненков называл «хламом». Поэтому выдвигал молодежь, ссылаясь на печальный опыт мировой войны. Всё это не могло не вызвать недовольство Омского правительства. Поэтому один из его представителей, И.И.Серебренников, уже в эмиграции писал: «Вспоминаю, как однажды осенью 1918 г. в Омск полетели тревожные телеграммы из Семипалатинска с жалобами на произвол, который начал творить там атаман Анненков. Он наложил на семипалатинское купечество огромный налог, каковой и стал взыскивать под угрозой расстрела, и учинил ряд других незаконных поступков» [20, с. 223].

Глава Омского правительства П.В.Вологодский на заседании Совета министров требовал отстранения Аненкова от должности и настаивал на предании атамана суду. Исполняющий дела военного министра генерал Сукин заявил, однако, что отряд не выдаст своего атамана и его можно будет взять только с боем. К тому же он имеет значительные силы. В итоге Совет министров ограничился только решением «расследовать незаконные действия Анненкова» [20, с. 223].

В материалах допроса Б.В. Аненкова и его начальника штаба Н.А. Денисова имеются тысячи показаний разграбленных крестьян, родственников погибших от рук бандитов, действовавших под девизом: «Нам нет никаких запрещений! С нами бог и атаман Анненков, руби направо и налево!». К примеру, в городе Сергиополь расстреляно, изрублено и повешено 800 человек. Сожжено село Троицкое, где анненковцы забили насмерть 100 мужчин, 13 женщин и 7 грудных детей. В селе Никольское выпорото 300 человек, расстреляно 30 и пятеро повешено. В селе Знаменка, что в 45 верстах от Семипалатинска, вырезано почти все население, здесь у женщин отрезали груди. В селе Колпаковка изрублено, расстреляно и повешено 733 человека, в поселке Подгорном – более 200. Сожжены села Болгарское, Константиновка, Некрасовка. В селе Покатиловка изрублена половина жителей. В Карабулаке Учаральской волости уничтожены все мужчины. По словам свидетелей, трупы даже не зарывались и собаки, до такой степени откормились и привыкли к человеческому мясу, что, зверея, бросались на живых людей [21].

В Российском Государственном военном архиве хранятся документы, свидетельствующие о последних сражениях на территории Семипалатинской области, с 10 декабря 1919 г. по 13 января 1920 г. [22].

К примеру, после занятия Семипалатинска частями 5-й Красной армии под командованием Е.М. Мамантова, в области продолжалось вооруженное сопротивление. 10 декабря 1919 1-й Крестьянский полк и два повстанческих эскадрона два часа удерживали деревню Канонерская Семипалатинского уезда, которую атаковал, насчитывавший 600 сабель, 76-й полк 13-й кавалерийской дивизии. Еще дольше, около 10 часов, (12 июля) длился бой за село Большая Владимировка: между 1 и 12-м Крестьянскими полками, с одной стороны, и сводным отрядом Советских войск под командой комбрига К. И. Новика, насчитывавшем 503 штыка, 600 сабель и взвод артиллерии, с другой стороны. Причем нужно отметить, что пехоту отряда Новика составляли элитные Советские части: 3-й курс командного состава и партийные курсы Семипалатинского губвоенкомата. Потери сторон под Большой Владимировкой составили: 4 убитых и 31 раненый у красных, около 250 убитых, 300 плененных и много раненых у повстанцев [23].

Особенно упорный и ожесточенный характер носили бои 13 декабря за Волчиху и 16 декабря за Боровой Форпост, которые обороняли от совместно наступавших 226-го полка 26-й стрелковой дивизии и кавалерийского дивизиона 87-й бригады войск внутренней охраны 2-й Крестьянский, 5-й Волчихинский полки и отряд Плотникова, в первом случае, 3-й Крестьянский полк и 11-й сводный отряд особого назначения - во втором.

Тем не менее повстанцы понесли огромные потери и были вынуждены оставить оба села. В бою под Волчихой, по разным сведениям, погибло от 600 до 1600 мятежников, около 300 человек взято в плен и много ранено. У Борового Форпоста повстанцы потеряли около 200 человек убитыми и 25 пленными. Потери красных были минимальными: 4 убитых и 8 раненых у Волчихи, 7 раненых у Борового Форпоста [23].

«Красный», а затем «белый» террор на территории Семипалатинской области имел свою специфику. Захватив власть в городе в ходе восстания 1918 г., большевики начали истребление в первую очередь сибирских и семиреченских казаков, с которыми исключался всякий компромисс и, которые представляли реальную опору свергнутого режима. Репрессиям также подверглись состоятельные жители города, купцы, буржуазия и интеллигенция.

«Белый» террор, как уже говорилось выше, имел двойную направленность. С одной стороны, официальные власти Семипалатинска, в лице 2-го отдельного Сибирского корпуса, пытались всячески пресекать любого рода эксцессы, выпуская различные приказы и постановления, с другой стороны, произвол атамана Анненкова не знал предела: целые села и деревни вырубались до последнего

человека за подозрение к «сочувствию большевистской заразе».

После вторичного взятия города красными прокатилась другая волна террора, теперь против белых офицеров и всех лояльных белогвардейскому режиму. Все, не успевшие покинуть город, безжалостно истреблялись. В ответ на это вспыхнули восстания крестьян в Канонерке, Большой Владимировке, Волчихе, Боровом Форпосте и других селах, которые, как мы видели выше, подавлены с высокой жестокостью.

Таким образом, и со стороны красных, и белых все карательные акции и репрессии против мирного населения не имели под собой законной юридической основы и проводились в массовом порядке, в большинстве своем спонтанно. Расстрел заложников не приносил желаемого результата, местное население лишь озлоблялось и переходило на сторону партизан. Поголовные реквизиции и принуждения также отрицательно сказывались на отношениях жителей к властям. Все действия сторон в итоге только усиливали трагические последствия гражданского противостояния, в коих оказалась и Семипалатинская область Казахстана.

Библиографический список

1. Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожаях в КирССР с 1880 по 1922 гг. – Оренбург, 1925. – 196 с.
2. Быстрянский, В. А. Контрреволюция и ее методы. Белый террор прежде и теперь / В. А. Быстрянский. – Петроград : Гос. изд-во, 1920. – 312 с.
3. Мельгунов, С. П. Красный террор в России / С. П. Мельгунов. – Берлин, 1924. – 196 с.
4. Деникин, А. И. Очерки русской смуты / А. И. Деникин. – Берлин, 1926. – Т. 5. – 397 с.
5. Словарь иностранных слов. – Москва, 1989. – 624 с.
6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 53000 слов / С. И. Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – Москва, 2005. – 895 с.
7. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – Изд. 5-е. – Москва : Политиздат, 1970. – Т. 39. – 623 с.
8. Литвин, А. Л. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. / А. Л. Литвин. – Москва, 2004. – 448 с.
9. ЦДНИ ВКО. – Ф. Р-50. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 3.
10. ЦДНИ ВКО. – Ф. Р-50. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 31.
11. ЦДНИ ВКО. – Ф. 37. – Оп. 1. – Д. 101. – Л. 116.
12. ЦДНИ ВКО. – Ф. 37. – Оп. 1. – Д. 101. – Л. 198.
13. ЦДНИ ВКО. – Ф. Р-50. – Оп. 1. – Д. 37. – Л. 15.
14. ЦДНИ ВКО. – Ф. 48. – Оп. 1. – Д. 177. – Л. 64.
15. Центральный архив федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). – Д. 37751.
16. Военно-исторический журнал. – 1991. – № 3.

17. ЦДНИ ВКО. – Ф. 37. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 58.
18. ЦДНИ ВКО. – Ф. 48. – Оп. 2. – Д. 40. – Л. 15.
19. Воля народа 1918 г., 14 сентября : положение дел в Сибири // Военная мысль : издание РВС Восточного фронта. – 1919. – 1 февраля (№ 1). – С. 30.
20. Серебренников, И. И. Мои воспоминания / И. И. Серебренников. – Тяньцзинь, 1937. – Т. 1. – 311 с.
21. ЦДНИ ВКО. – Ф. 48. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 18.
22. РГВА. – Ф. 1318. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 20–22, 28 ; Д. 23. – Л. 390 ; Д. 161. – Л. 121, 135 ; Ф. 17590. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 338–3380.
23. РГВА. – Ф. 1317. – Оп. 1. – Д. 349. – Л. 199.

Н.Н. Лыдин

Создание и боевое применение колониальных войск Французской республики в начале XX века

В данной статье рассматриваются сюжеты, связанные с причинами и процессом создания Французской республикой колониальных частей, укомплектованных жителями колоний. В статье рассматриваются сюжеты призыва, оснащения, комплектования частей, тактика их боевого применения. Приводятся данные о численном составе различных контингентов: сенегальского, марокканского, африканского, индокитайского и их потерях в ходе Первой мировой войны. Рассмотрен актуальный вопрос о потерях колониальных частей на полях сражений, приводятся сравнительные данные потерь колониальных частей и войск метрополии. Приводятся данные об участии этих войск в боях Первой мировой войны и конфликтов 1920-х гг.

Ключевые слова: колониальные войска, Франция, стрелки (тиральеры), Турко, Первая мировая война.

N.N. Lydin

Creation and combat use of French Republic colonial troops at the beginning of the 20th century

This article deals with problems related to the causes and the process of creation of French colonial troops, staffed by colonial natives. Besides it deals with problems of recruitment system, equipment, manning, battlefield tactics. Contains the data on the size of various contingents: Senegalese, Moroccan, African, Indochinese and their losses during The Great War. The article deals with the actual problem of losses of colonial troops on the battlefields. Comparative data about losses of colonial and metropolitan troops was used. It is spoken about the participation of these troops in the battles of The Great War and conflicts of the 1920s. We concentrated on the use of African troops in the occupation of the Rhineland and its social and ideologically consequences.

Keywords: colonial troops, France, tirailleurs, Turco, The Great War (World War I).

Франция была страной наиболее широко использовавшей африканских и азиатских солдат на европейских театрах военных действий. Североафриканские солдаты уже служили в рядах французской армии во время Крымской войны (1854-1856 гг.), франко-итало-австрийской войне 1859 г. и во время Франко-прусской войны 1870-1871 гг. На рубеже XIX и XX веков численность колониальных войск значительно выросла. После первого кризиса Марокко в 1905-1906 гг. генерал армии Адольф Мессими (1869-1935) выступил с предложением об обязательной военной службе мусульманских алжирцев; как результат, с 1912 г. позволялась принудительная вербовка, если число волонтеров было не достаточно для удовлетворения требований комплектования частей. Тогда же было разрешено применять эти войска вне колоний.

В 1909 г. колониальный офицер Манжен (1866-1925) выступил за создание многочисленной "черной армии" (armée noire). Предполагалось набирать ее в Западной Африке, но обучать в первую очередь для использования в европейских войнах. Он утверждал, что демографическая ситуация создает все более возрастающий разрыв между Францией и Германией. Доступный Германии человеческий ресурс был явно многочисленнее французского и, как один из вариантов, компенсировать это было возможно путем набора войск в колониях. Интересно отметить, что по мнению Манжена колониальные войска особенно подходили на роль ударных отрядов, потому что их якобы менее развитая нервная система сделана народы колоний мало восприимчивыми к шуму боя [8, с. 387-388].

Между 1914 и 1918 во французскую армию было набрано более чем полмиллиона войск из Африки и Индокитая, в том числе: 170.000 из Западной Африки (так называемые Сенегальские стрелки либо

Сенегальские тиральеры *Tirailleurs Sénégalais*), 170.000 алжирцев (Туркос и Спаги *Turcos, Spahis*), 60.000 тунисцев, 37.000 марокканцы, 46.000 мальгашей и некоторое количество сомалийцев, большинство из которых были развернуты в Европе. Кроме того, из поселенцев европейского происхождения были набраны 110.000 солдат только в Северной Африке (известны как Африканские егеря (шассары) и зуавы *Chasseurs d'Afrique, Zouaves*) и еще около 5.700 человек креолов из сенегальских провинций [7, pp. 111-113]. Жорж Клемансо, видимо памятуя об успехах Эфиопии в войне против Италии, в 1918 году предлагал нанять до 200.000 эфиопов-наемников [5, с. 307].

Полки европейской колониальной пехоты, до 1914 носили униформу подобную войскам метрополии (основное отличие заключалось в желтом цвете погон и синих брюках вместо красных погон и знаменитых красных штанов). Во время Первой мировой войны и после нее общеупотребляемой формой колониальных войск стал мундир цвета хаки. Интересно отметить, что этот цвет был намного практичнее униформы серо-голубого (или небесно-голубого) цвета формы войск метрополии. Наиболее явными отличиями войск из разных регионов были традиционные головные уборы. Африканские тиральеры и марокканцы носили красные фески, индокитайские войска носили характерный конусообразный головной убор.

Колониальные войска в составе французских войск в основном сражались на Западном фронте и участвовал во всех крупных сражениях, особенно во второй половине войны. Кроме того, они участвовали в Дарданелльской десантной операции в 1915-1916 гг. и при открытии Салоникского фронта на Балканах. После тяжелых потерь в первых боях 1914 года была введена новая доктрина для развертывания колониальных частей. Практика отдельного использования колониальных частей показала себя как полностью провальная, поэтому они были полностью уравниены с "французскими" частями и отныне сражались вместе.

В состав каждого полка колониальных войск состоявшего из европейцев включали западноафриканский батальон. Североафриканских солдат часто объединяли в "смешанные полки" вместе с европейскими поселенцами из Северной Африки. Помимо тактической выгоды одной из причин таких изменений было предотвращение дезертирства солдат-мусульман, которые часто переходили к немцам. Германская империя активно использовала свой союз с Османской империей и свою еще довоенную позицию друзей и защитников ислама. В составе германской армии были не редки части набранные из мусульманских военнопленных [9, с. 267-298]. Начиная примерно с 1917 г. по мере увеличения числа колониальных войск на Западном фронте, некоторые из них были включены в состав подразделений "метрополии". Их чаще всего использовали в качестве ударных войск и ставили в первой волне атаки. Потери колониальных войск Франции были довольно существенными и эта тема стала довольно активно обсуждаться в период крушения французской колониальной империи.

Цифры потерь французских колониальных войск, развернутых в Европе можно найти в официальных послевоенных отчетах. Официальная декларация о потерях была сделана 26 декабря 1918 г., когда было объявлено, что число убитых, умерших и пропавших без вести солдат и офицеров французской армии составило 1 385 тыс. человек. В дальнейшем эта цифра неоднократно изменялась в результате выявления пропавших без вести и вследствие смерти тяжело раненых и больных уже после окончания войны. Согласно данным, приведенным в книге Хубера, потери колониальных частей в годы первой мировой войны составили: Северо-Африканские войска 28,2 тыс. убитых и 7,7 тыс. пропавших без вести, прочие колониальные части 28,7 тыс. убитых и 6,5 тыс. пропавших без вести, что в сумме составляет чуть более 70 тыс. человек [6, с. 414]. Данные цифры приводят ряд ученых к противоречивым выводам по вопросу о том, были ли колониальные войска для французских генералов "пушечным мясом". С одной стороны ряд французских изданий призывали ставить колониальные

части на самые опасные части фронта [2, с. 43]. Сам Клемансо в одной из речей указал на то, что жизни французов для него намного ценнее: "...мы несем цивилизацию черным. Они должны платить за это [...] Я бы предпочел, чтобы лучше погибло десять черных, чем один француз" [1, с. 80] С другой стороны, основную тяжесть боев на Западном фронте Первой мировой вынесли все же войска метрополии, их потери составили 1010,2 тыс. погибших и 235,3 тыс. человек пропавшими без вести [6, с. 414].

Конец Первой мировой войны не означал конец службы для французских колониальных войск и они широко использовались в качестве оккупационных сил в немецкой Рейнской области (с 1919 по 1930 гг.), в Юго-Восточной Венгрии (1919 по 1929 гг.); кроме того, колониальные части участвовали в интервенция в Советскую Россию (с 1918 по 1920 гг.). Наиболее известным сюжетом стало участие колониальных войск в оккупации Рейнланда. До 40000 солдат поддерживали там порядок на протяжении более чем десяти лет, одним из следствий оккупации стала проблема детей африканских солдат и местных женщин (так называемые "Бастарды Рейнланда"), численность которых по разным оценкам составляла до 18 тыс. человек. Этот сюжет был впоследствии использован в пропаганде нацистской партии, а сами "бастарды" были признаны неполноценными [3].

В межвоенный период наиболее известным конфликтом с участием колониальных сил стало восстание рифских племен в Марокко. Состоящие в значительной мере из сенегальских стрелков части были для марокканцев иностранцами, что практически исключало возможность перехода на сторону врага. В апреле 1925 года именно сенегальские части стали мишенью атак рифов. После расширения масштабов конфликта тиральеры продолжали играть важную роль в последующих операциях как на территории французского и испанского протекторатов так и в Южном Марокко, до самого завершения конфликта в 1934 году. Ряд тиральерских частей неоднократно получали награды за храбрость [4, с. 66-100].

Библиографический список

1. Ageron, Charles-Robert. Clemenceau et la question coloniale, in Clemenceau et la justice. Paris : Publications de la Sorbonne, 1983.
2. Boussenot, Georges La France d'outre-mer participe à la guerre / Georges Boussenot. – Paris, 1916. – 96 p.
3. Camp, T. M. Other Germans : Black Germans and the Politics of Race, Gender, and Memory in the Third Reich / T. M. Camp. – University of Michigan Press, 2004. – 283 p.
4. Echenberg, M. Colonial Conscripts: The Tirailleurs Sénégalais in French West Africa, 1857–1960 / M. Echenberg. – Heinemann, 1990. – 236 p.
5. Watson, D. R. Georges Clemenceau: A Political Biography / D. R. Watson. – Eyre Methuen, 1974. – 463 p.
6. Huber, M. La population de la France pendant la guerre / M. Huber. – Paris, 1931.
7. Koller, C. The Recruitment of Colonial Troops in Africa and Asia and their Deployment in Europe during the First World War / C. Koller // Immigrants & Minorities. – 2008. – Vol. 26, № 1–2. – P. 111–133.
8. Mangin, C. Troupes noires / C. Mangin // La Revue de Paris 16 (1909).
9. Müller, H. L. Islam, ġihad («Heiliger Krieg») und Deutsches Reich: ein Nachspiel zur wilhelminischen Weltpolitik im Maghreb, 1914–1918 / H. L. Müller. – Frankfurt am Main, 1991. – 453 p.
10. A Historical Companion to Postcolonial Literatures: Continental Europe and its Empires / ed. P. Poddar, S. P. Rajeev & L. Jensen. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2008. – 633 p.

Ю.А. Лысенко

М.Ф. Лысенко

Мусульманские народы Центральной Азии в «петиционной кампании» периода Первой русской революции*

В статье анализируется содержание петиционного движения мусульманского населения центрально-азиатских национальных окраин Российской империи, возникшего на волне революционных событий 1905-1907 г. Авторы статьи подчеркивают, что данное движение являлось составной частью общероссийской петиционной кампании мусульманских народов империи, однако по своему внутреннему содержанию и требованиям оно имело отличительные особенности. Последние определялись особенностями правового положения мусульман Центральной Азии в этно-социальной структуре российского общества.

Ключевые слова: Россия, революция, Степной край, Туркестан, ислам, петиция.

Y.A. Lysenko

M.F. Lysenko

The Muslim people of Central Asia in «petitions campaign» of the period of the First Russian revolution

In article the content of the petitions movement of the Muslim population of Central Asian national suburbs of the Russian Empire which has arisen on a wave of revolutionary events of 1905-1907 is analyzed. Authors of article emphasize that this movement was a component of the all-Russian petitions campaign of the Muslim people of the empire, however according to the internal contents and requirements it had distinctive features. The last were defined by features of a legal status of Muslims of Central Asia in ethnosocial structure of the Russian society.

Keywords: Russia, revolution, Steppes, Turkistan, Islam, petition.

На рубеже XIX-XX в. среди коренных народов Степного края и Туркестана наблюдался рост интереса к институтам и идеологии ислама. Данная тенденция проявилась в резком увеличении паломничества к Святым местам, численности мечетей и образовательных учреждений при них, формировании прослойки мусульманских служителей культа из местной этнической среды у кочевых народов региона, открытии мусульманских просветительских организаций. На общем фоне исламизации населения центрально-азиатских окраин, в период Первой русской революции 1905-1907 гг. произошло осознание ими своей языковой и конфессиональной общности (пантюркизм и панисламизм) с мусульманскими народами Российской империи.

Стремление народов Степного края и Туркестана к консолидации и интеграции в общероссийское мусульманское движение выражалось в разнообразных формах, в том числе в форме участия в общественно-религиозном движении, получившем название «петиционная кампания». В ходе данного движения в 1905-1907 г. от мусульманских регионов империи: Казанской, Вятской, Уфимской, Пермской, Самарской, Симбирской и Оренбургской губерний в центральные государственные органы власти поступали петиции, в которых содержались просьбы о скорейшем решении вопросов функционирования мусульманских общин. Только в первые месяцы 1905 г. в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД было передано 256 прошений. В социальном плане участниками

*Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центрально-азиатских национальных окраин)»

кампании выступили широкие социальные слои: представители мусульманского духовенства, мусульман-мещан, ясачных крестьян, казаков-казахов и башкир, приписанных к Оренбургскому и Семиреченскому казачьим войскам [1].

Следует подчеркнуть, что ходатайства от казахского населения Степного края с просьбами об открытии для них «особого муфтия и духовного собрания» поступали в государственные инстанции еще с конца 80-х гг. XIX в. Так, в 1888 г. прошение по этому вопросу поступило от аксакалов Уральской, Тургайской областей и казахов Оренбургского края. На запрос МВД военный губернатор Уральской области от 4 апреля 1888 г. уведомил Департамент духовных дел иностранных исповеданий, что «изложенное ходатайство есть не что иное, как одно из проявлений мусульманской пропаганды и что изъятие духовных дел киргизов и подчинение их общему порядку гражданского управления не только не вызывает неудобств, но и представляет гарантию как для охранения личных и имущественных прав киргизского населения, так и для смягчения нравов и обычаев и положения женщины вследствие участия администрации в делах киргизов» [2, с. 302]. В 1891 г. от казахов Уральской области вновь последовало прошение об их «причислении «по духовным делам к ведомству Оренбургского мусульманского духовного собрания», годом позже – от казахов г. Кустаная Тургайской области. Переданные в МВД ходатайства были оставлены без внимания.

В 1903 г. волостные управители Петропавловского уезда Акмолинской области на съезде крестьянских начальников составили очередное ходатайство в центральные органы государственной власти. В нем они настаивали на необходимости возвращения права волостным муллам вести метрические книги, разрешении им приводить к присяге в народном суде, «совершать бракосочетания, молитвы над родившимися и умершими, чтобы обществ им было предоставлено право устраивать мечети в каждом ауле по одной, и, наконец, чтобы оренбургский муфтий имел право назначать мулл в степи, как и в городах, и киргизские общества были преданы в ведение Оренбургского духовного собрания» [2, с. 304].

В годы Первой русской революции обращения-ходатайства населения Степного края и Туркестана приняли систематический характер. На протяжении 1905-1906 гг. прошения об открытии Особого правления духовными делами мусульман региона поступили от 26 волостей Акмолинского уезда, двух волостей Петропавловского уезда, одного уезда Кокчетавской волости Акмолинской области, от нескольких волостей Семипалатинского уезда Семипалатинской области, прошения от казахской и татарской общин г.г. Верного, Семипалатинска, Петропавловска и Лепсинска [3].

Петиции поступали в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, Совет министров и Правительственный сенат. Исследователи отмечают, что ни одна из них не содержала революционных идей, призывавших к свержению или реформированию существующей политической системы в государстве. Напротив, мусульмане всех регионов подчеркивали свою преданность российскому монарху, в верноподданнических тонах благодарили императора за дарованную указами 1903-1905 гг. веротерпимость и свободу вероисповедания [4]. Основной упор в петициях делался на описание накопившихся у мусульман проблем. Завершались петиции конкретными предложениями в деле реформирования и дальнейшей организации повседневной жизни мусульманских общин.

Анализ петиций позволяет утверждать, что у мусульманских общин отдельных этно-регионов России имелись общие проблемы, связанные с особенностями их правового положения в этно-конфессиональной структуре российского общества. Поэтому в обращениях от мусульман Поволжья, Сибири, Туркестана и Степного края затрагивались идентичные вопросы, например, о воинской повинности, политике русификации, высказывались идеи о необходимости связать семейное и наследственное право, действующее в Российской империи, с традиционным шариатским правом.

В то же время, в петициях мусульманских общин отдельных этно-регионов России четко прослеживаются региональные требования, связанные со своеобразием их правового статуса в общемусульманском законодательстве. Так, для мусульман Казанской, Уфимской, Оренбургской губерний главной была проблема полной свободы вероисповедания, свободы веры. Понималась данная проблема через необходимость изъятия из ведения Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД всех духовных дел мусульман империи (избрание муфтиев, строительство мечетей и молитвенных домов, вопросы мусульманского образования на всех уровнях и т. д.) с последующей их передачей в компетенцию Оренбургского духовного собрания. При этом мусульмане апеллировали к существующим в Российской империи принципам организации жизни православного населения, подчинявшегося исключительно Святейшему Синоду. Кроме этого тюркские народы Поволжья и Урала требовали предоставления им права проведения мусульманской пропаганды, которая по Духовному уставу империи была предоставлена только официальной государственной религии - православию. Ряд петиций содержал просьбы «не открывать при медресе русских классов», и «вести преподавание только на родном языке» [5]. Таким образом, вопрос свободы веры осознавался этой частью мусульман империи через уравнивание мусульманской уммы в правовом смысле с положением Русской православной церкви РПЦ и православной общины.

Мусульмане центрально-азиатских окраин Российской империи свободу вероисповедания рассматривали в иной плоскости. Это было обусловлено тем, что религиозная политика государства исключала возможность создания для них Особого духовного правления, по аналогии с Оренбургским, Таврическим и двумя Закавказским (для суннитов и шиитов) мусульманским духовными собраниями. В Степном крае и Туркестанском генерал-губернаторстве духовно-религиозные вопросы мусульман были переданы в ведение МВД России, текущие вопросы рассматривались в региональных органах власти – областных правлениях. Поэтому центральной проблемой петиций мусульман центрально-азиатских окраин являлось обоснование необходимости открытия Особого духовного правления или передачи всех дел, связанных с функционированием мусульманских общин края в ведомство Оренбургского духовного собрания [6]. Таким образом, вопрос свободы веры для них сводился к уравниванию в правах с остальными мусульманскими народами России.

В ходе «петиционных кампаний» 1905-1907 гг. обозначилась еще одна важная посылка. Авторы прошений наряду с актуальными вопросами повседневной, религиозной жизни начинали затрагивать и проблемы этнического характера, увязывая их с духовной жизнью. Этномоменты, имевшие место в петициях, часто выражались с помощью исторической памяти либо этноса в целом, либо отдельной его части. Иногда авторы петиций прибегали к кратким историческим экскурсам. Например, в обращении казахов Уральской и Тургайской области в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД подчеркивалось: «С давних пор, мы, киргизский народ, магометанской веры, в делах религиозных пользовались решением муфтиев и кадиев тех ханств, в соседстве с которыми жили. Так, киргизы, присоединившиеся к Хивинскому ханству, находились под влиянием в религиозном отношении от Хивинских кадиев, между тех как киргизы в пределах Туркестана, Ташкента и Самарканда подчинялись кадиям этих городов...» [7].

Ярким маркером роста этнического самосознания, нашедшим отражение в петициях, безусловно, следует считать элементы противопоставления этноса другим этно-конфессиональным региональным группам. Например, в прошении мещан-мусульман г. Лепсинска Семиреченской области отмечалось: «До настоящего времени мы - мусульмане и обряды нашей веры находятся в полном подчинении уездной полицейской и областной властей; остальные веры изъятые из полицейского надзора, то в силу дарованных милостей, желательно было бы и нам быть самостоятельными, имея свое высшее духовное лицо, на правах благочинного, определив его резиденцию в областном городе

Верном...» [8].

В этой же плоскости следует рассматривать и ходатайство мусульман Семиреченской области от апреля 1906 г., в котором они настаивали на открытии в Туркестанском крае «Мусульманского духовного собрания с правами мусульманских собраний, существующих в России». При этом была высказана идея о том, что в Туркестанском духовном собрании «от каждой мусульманской общины (нации) должна быть установлена квота по одному члену» [2, с. 306].

Со стремлением сохранить этничность нужно связывать и ходатайство казахов Степного края об учреждении особого Степного мусульманского духовного правления. В петиции выражена идея «видеть во главе этого управления европейски образованного человека: чтобы муфтий был избираем из киргизов с высшим или средним образованием и даже без высших познаний в мусульманском богословии» [2, с. 304-305]. Данный факт, безусловно, свидетельствовал о стремлении казахов противопоставить себя мусульманам другой этнической принадлежности. В постреволюционный период, на волне дальнейшего роста этнического сознания и консолидации казахов, казахская политическая элита учла данное религиозное требование. Оно было трансформировано в идею создания в рамках общероссийского тюркско-мусульманского возрожденческого движения национально-культурной автономии казахов-мусульман Степного края и Туркестана – автономии Алаш.

В завершении следует отметить, что не смотря на отсутствие политических лозунгов, размах «петиционной кампании» мусульман России в период Первой русской революции 1905-1907 гг. оказался настолько мощным, что правительство было вынуждено объявить о созыве Особого совещания. Последнее было призвано проанализировать все требования мусульман империи и выработать новые принципы и подходы государства к решению «мусульманского вопроса».

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 24.
2. Рыбаков, С. Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульмане России / С. Г. Рыбаков ; под ред. Д. Ю. Арапова // Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика. – Москва, 2001. – С. 302–306.
3. Российский государственный исторический архив. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 631. – Л. 132.
4. Сенюткина, О. Н. Первый съезд мусульман России (к 100-летию проведения) / О. Н. Сенюткина. – Нижний Новгород, 2005. – С. 37.
5. Российский государственный исторический архив. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 26.
6. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.) : документы и извлечения : [сборник] / Алтайский государственный университет, Исторический факультет, Кафедра востоковедения, Алтайский международный центр азиатских исследований ; [отв. ред. Ю. А. Лысенко]. – Барнаул : [Азбука], 2014. – 582 с.
7. Российский государственный исторический архив. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 602. – Л. 103–105 об.
8. Российский государственный исторический архив. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 631. – Л. 137–137 об.

С.Н. Мирошников

Евразийский экономический союз: история и перспективы

Статья посвящена формированию, первым шагам и трудностям, стоящим на пути формирования общего образовательного пространства в ЕАЭС и роли университетов в этом процессе. В статье дается характеристика тем процессам, которые произошли на евразийском пространстве в конце XX – начале XXI веков, выявляются те причины, которые способствовали расхождению образовательных систем на пространстве Евразийского союза. Значительное место уделяется обоснованию необходимости интеграционных процессов в образовательном пространстве на качественно новом уровне, путем вхождения евразийского образовательного пространства в общемировое. Роли университетов в данном процессе уделяется особое место как источникам генерирования нового технологического знания и опыта в области совместного образования. Данная роль университетов рассматривается автором как первый и важнейший шаг для создания новых практик и образовательных моделей способных придать импульс интеграционным процессам на евразийском континенте. Роль Томского государственного университета выделяется особо как вуза, который стал, наряду с Московским государственным университетом одним из инициаторов интеграционных процессов в области науки и образования на пространстве ЕАЭС.

Ключевые слова: университеты, образование, наука, интеграция, Евразийский Экономический Союз.

S.N. Miroshnikov

Eurasian Economic Union: History and Prospects

This article is devoted to the formation, first steps and difficulties that lay ahead of the formation of the common educational space within the EAEU and the role of universities in this process. The article characterizes the processes that occurred in the Eurasian space in the end of the 20th - the beginning of the 21st century, identifies the reasons for the divergence of the educational systems within the Eurasian Union. Significant attention is paid to the justification of the necessity of the integration processes in the educational space on the qualitatively different level by the means of joining the global educational space. Universities have a special role in this process as the sources for the generation of the new technological knowledge and experience in the sphere of joint education. This role of the universities is viewed by the author as the first and the most important step for the creation of the new practices and educational models capable of giving the necessary impulse to the integration processes in Eurasia. The role of Tomsk State University is seen as special as the university that along with Moscow State University became one of the initiators of the integration processes in the sphere of science and education within EAEU.

Keywords: Universities, Education, Science, Integration, Eurasian Economic Union

90 годы XX века ознаменовали собой качественно новый этап развития мировой системы:

- Распад СССР и крах «коммунистических режимов» в странах Восточной Европе означал конец биполярности в международных отношениях, что положило начало долгому процессу формированию новой системы международных отношений.
- Образование Европейского Союза в 1992 году и подписание «амстердамского договора» означали качественно новый этап в развитии интеграционных процессов в Европе, распространив экономическую интеграцию на военно-политическую сферу.
- Подписание в Канбере в 1989 году соглашения о создании Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, вступление в силу в 1994 году соглашения о создании Североамериканской зоны свободной торговли и появление на африканском континенте в 2002 году Африканского Союза означало, что интеграционные процессы захватили весь мир. Создание в 1995 году Всемирной торговой организации, задача которой формулировалась как развитие свободы торговли по всему миру,

только подтвердило данный факт.

- Технологический рывок 90-х годов создал не только совершенно новые возможности для взаимодействия и взаимовлияния на мировой арене государств и негосударственных факторов, но и привел к появлению совершенно новых вызовов и проблем, таких как кибер-преступность, расползание оружия массового поражения, усиление кризиса идентичности и т.д.
- Крах жесткой биполярной системы и новые технологические возможности привели к резкому усилению возможностей влияния на различные аспекты международных отношений как отдельных небольших государств, которые ранее не имели такой возможности, так и различных негосударственных факторов, что привело к усилению мировой конкуренции, дезинтеграции и увеличению конфликтности в международных отношениях, усилением их турбулентности и непредсказуемости.

Евразийский регион оказался в эпицентре всех проблем. В 1990-е гг. углубление экономической и военно-политической интеграции в рамках ЕС, его подготовка к резкому расширению на восток происходило параллельно с дезинтеграцией и фрагментацией постсоветского пространства. Резкий технологический рывок в 90-е годы XX века США и Европы поставил вопрос о технологическом доминировании этих стран в мировом пространстве, необходимости принимать создаваемые без участия большинства стран евразийского региона «правила игры». Слабость позиций России на международной арене, провоцировала как внутреннюю напряженность, связанную в первую очередь с взаимоотношениями между центром и регионами, отношением с возникшими «олигархическими группами» влияния, слабостью государства как института, так и слабость на международной арене, что привело к тому, что Россия постепенно стала вытесняться из большинства вопросов «повестки дня» мировой политики, даже несмотря на то, что формально Россия стала частью «большой восьмерки». Китай, несмотря на стремительный экономический рост, не мог оказывать в это время серьезного влияния на процессы, разворачивающиеся в мире.

Ситуация стала меняться с середины 2000-х годов, после того как России удалось стабилизировать внутрисистемную ситуацию и обеспечить значительный экономический рост, а Китай сумел превратиться фактически в «мировую фабрику», экономически привязав к себе весь мир. Близость интересов двух мощнейших стран региона привела к установлению тесных, практически союзнических отношений между Россией и Китаем и их солидарностью в большинстве вопросов мировой политики. Однако возросшая военная и экономическая мощь этих стран, их стремление играть более активную роль на международной арене, наталкивалась на серьезные барьеры, которые были возведены без их участия в предыдущие годы, что порождало новые конфликты. Поворотным моментом в развитии международных отношений на евразийском пространстве стал конфликт на Украине. Расширение ЕС на Восток, а затем стремление включить в зону экономического, технологического и политического влияния страны постсоветского пространства, без учета интересов России быстро привели сначала к нарастанию напряженности между ЕС и Россией, что вылилось в невозможность вовремя разработать и подписать новый договор о партнерстве, а затем и в открытый конфликт, после того как Россия воспротивилась соглашению об ассоциации между ЕС и Украиной, которое разрабатывалось без каких-либо консультаций и учета интересов России и наносило последний значительный ущерб.

Россия, как и Китай в таких условиях вынуждены были начать выстраивать новую систему взаимоотношений с другими странами, которая учитывала бы интересы этих двух стран и в которых именно они бы выступали генераторами «правил игры». Одним из таких проектов для России стал проект реинтеграции постсоветского пространства, который начал принимать реальные очертания с процессом создания Евразийского экономического сообщества (2001), Организации Договора о

коллективной безопасности (2002). Вторым важным проектом стала попытка объединить усилия крупных игроков на мировой арене для создания противовеса Западу. Первым шагом в этом направлении стало создание Шанхайской организации сотрудничества (2001). На мировой арене данный тренд стал набирать определенные очертания после создания «BRICS» в 2006 году, а экономический кризис начавшийся в 2008 году только способствовал развитию данной тенденции, дав толчок к перестройке всей системы международных отношений.

Для России развитие интеграционных процессов на евразийском пространстве, в которых Россия является ведущей силой, и умелое их сопряжение с интеграционными процессами в Европе и Азии, является в современное время важнейшим инструментом усиления своего влияния в современном мире, которое позволит России совместно с Китаем и другими участниками данных процессов сформировать если не альтернативное, так по крайней мере влиятельное поле притяжения, оказывающее сильное воздействие на мировые процессы. Умелое и корректное развитие Евразийского экономического союза, запущенного 1 января 2015 года, его сопряжение с запущенным Китаем проектом «Экономического пояса Шелкового пути» и взаимодействие этого интеграционного процесса с мировыми трендами становится, таким образом, практически главной задачей внешней политики России. В то же время для успешного развития ЕАЭС важно избежать чрезмерной «политизации» деятельности интеграционного объединения, сфокусировав усилия на конкретных, работающих на реальную экономику, несущих социальную и культурно-просветительскую функцию и близких к интересам и потребностям граждан стран ЕАЭС проектах.

Университеты как институты, сочетающие в себе экономические и социальные контексты, представляются важнейшими компонентами для создания объединительных трендов на евразийском континенте. Университеты могут выступить агрегатами новых социальных тенденций в евразийских обществах и создания новейших прорывных технологий, которые объективно приведут к формированию новых парадигм развития как стран, так и обществ, что объективно приведет к необходимости формирования новых правил игры. Собственно говоря, подобные процессы и привели современный Запад к доминированию на мировой арене в настоящее время. Мощнейший технологический рывок в 80-90 годы XX столетия был бы невозможен без в том числе колоссального привлечения средств в ведущие университеты и научные лаборатории и вывод изобретений на мировой рынок. Технологические изменения потянули за собой и перестройку самого общества, которое быстро в течении двух десятилетий превратилось в «постиндустриальное», потребовав от государства изменений «правил игры» не только в самой стране, но и во всем мире. Одним из таких решений государств навстречу таким требованиям явилось формирование «болонского процесса» в образовательной среде.

Отгородиться от современного мира нельзя. К нему нужно приспосабливаться, как кому-то этого не хотелось. В этом контексте повышение конкурентоспособности наших вузов на мировом рынке образовательных услуг представляется жизненно необходимым элементом нового развития внешней политики Российской Федерации.

Одним из элементов такого «приспособления» является создание Сетевого университета ЕАЭС. Создание подобной сети ведущих университетов государств-членов ЕАЭС, объединяющих ученых и преподавателей, поможет за счет мультипликативного эффекта значительно усилить не только позиции университетов в мировом пространстве, но и станет важным фундаментом постепенного формирования различных трендов в государствах-членах ЕАЭС, которые постепенно будут способствовать трансформации данных обществ. Важнейшей особенностью сетевого университета является возможность для российских вузов входить в образовательное и научное пространство при поддержке местных влиятельных вузов, не ломать сложившуюся систему, а кропотливо вместе с

вузами партнерами выстраивать алгоритмы взаимодействия в образовательном и научном пространстве, втягивая в этот интеграционный процесс все больше и больше участников. Такое совместное движение в едином направлении позволит постепенно, без нажима и диктата с чьей-либо стороны, что очень важно в современных межгосударственных отношениях, создавать новое интеграционное пространство в образовательной и научно-технологической сфере, и через мультипликационный эффект постепенно проецировать эти тренды на общества и государства.

Так сложилось, что взаимодействие в сфере образования не является объектом Договора о ЕАЭС и не входит в перечень секторов услуг, по которым будет осуществлено формирование единого рынка услуг в рамках ЕАЭС. Но понимание необходимости его развивать есть. Инициатором интенсификации интеграционного процесса выступила Евразийская ассоциация университетов и его бессменный председатель и вдохновитель ректор МГУ В.А. Садовничий. 12 апреля 2016 г. в г. Москве в МГУ в рамках расширенного заседания Евразийской ассоциации университетов ректорами ведущих вузов России Казахстана, Армении, Киргизстана и Беларуси был подписан «Меморандум о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета». В Меморандуме одна из задач сетевого университета определялась как: «разработка, апробация и внедрение механизмов сетевого партнерства в сфере образования, науки и инновационной деятельности, кадрового обеспечения евразийской экономической интеграции, содействующих повышению международной конкурентоспособности государств ЕАЭС». На следующий день 13 апреля в рамках Московского салона образования по инициативе российской стороны страны-государства ЕАЭС Армения, Белоруссия, Кыргызстан и Россия подписали Меморандум о сотрудничестве по вопросам образовательного и научно-технологического сотрудничества на евразийском пространстве. Казахстан не присоединился к данному меморандуму.

Меморандум предусматривает формирование консультативных советов в сферах высшего образования и научно-технологических исследований для обеспечения планирования и реализации мероприятий. Российской стороне доверено координировать формирование и работу консультативного совета в сфере высшего образования в 2016 г.

Отметим, что позиция казахской стороны не является принципиальным возражением против самого факта интеграции в сфере образования и научно-технического сотрудничества, о чем заявил и сам министр образования Казахстана на заседании Совета. Скорее позиция казахских коллег отражает тот факт, что казахская система образования достаточно далеко продвинулась на пути интеграции в мировую систему образования, а связи с российскими вузами в конце XX начале XXI веков постепенно ослабевали, причем зачастую и по вине российских вузов, которые рассматривали Казахстан только как источник хорошо подготовленных абитуриентов. Поэтому позиция Казахстана - это скорее реакция на сегодняшнее положение дел. В 90-е годы XX века и в нулевые годы XXI века в Казахстане на деньги зарубежных государств были построены несколько крупных университетов, которые благодаря американским и европейским грантам и политике по привлечению лучших студентов и преподавателей быстро стали одними из флагманов казахского образования. Примерами могут служить Казахстанско-Британский технический университет и АО «Университет» «КИМЭП». Оба вуза имеют достаточно высокие позиции, и пользуется популярностью среди абитуриентов. КБТУ был создан при поддержке Британского правительства. В вузе реализовывается британская модель образования в области подготовки кадров для нефтегазовой отрасли. Университет аффинирован с национальными нефтегазовыми и международными компаниями. Обучение ведется на английском языке, начиная с первого курса. Большая доля иностранных преподавателей. В вузе реализовываются программы двойного диплома с Лондонской школой экономики, Женевской бизнес школой, Французским институтом нефтегаза. КИМЭП реализует североамериканскую модель образования в области бизнеса,

управления и права. У университета также имеются широкие международные связи, образование ведется на английском языке с большой долей иностранных преподавателей. Оба вуза ориентируются на коммерческое обучение с самой высокой стоимостью в республике. И, наконец, появление в Казахстане по инициативе президента Н.А. Назарбаева Назарбаев Университет, который призван стать национальным брендом высшего образования Казахстана и получил особый статус в системе образования республики, что закреплено специальным законом «О статусе «Назарбаев Университет», совершенно четко указывает на то что в настоящее время казахские партнеры готовы рассматривать процесс интеграции образования и научно-технического сотрудничества в рамках ЕАЭС только как часть глобального процесса вхождения в мировое образовательное пространство. Основной особенностью данного университета является то, что образовательный процесс ведется исключительно на английском языке и большую часть преподавательского и административного персонала составляют иностранцы.

Развитие равноправного взаимовыгодного сотрудничества с казахскими коллегами и инкорпорация вузов стран ЕАЭС в мировую образовательную и научную систему, в том числе и за счет объединения усилий университетов стран партнеров постепенно убедит казахскую сторону в том, что никаких принципиальных разногласий с казахстанскими коллегами у России нет, но вместе это будет сделать легче.

Создание и запуск Сетевого университета ЕАЭС и начало работы координационных советов в сфере образования и науки - это первый шаг в данном направлении сотрудничества университетов стран ЕАЭС.

Томский государственный университет, понимая всю важность интеграции образовательного и научного пространства в формате ЕАЭС уже с 1 сентября 2016 года запустил магистерскую программу «Евразийская интеграция» по направлению «Международные отношения», которая направлена на подготовку высококвалифицированных специалистов в области евразийской интеграции. Данная магистерская программа является программой, осуществляемой совместно с четырьмя ведущими вузами Казахстана и Кыргызстана: Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Дипломатическая академия при МИД Кыргызстана. Между Томским государственным университетом и данными вузами заключены соглашения о двойном дипломе по подготовке специалистов в области евразийской интеграции. Причем необходимо отметить, что начало процесса переговоров между ТГУ и казахскими и киргизскими вузами подтолкнуло последних к решению вводить или расширять тематику евразийской интеграции в рамках подготовки магистров. Начало и ход реализации данной программы уже выявил множество трудностей в процессе взаимодействия, однако то, что вузам удалось их преодолеть говорит о том, что заинтересованность в подготовке данных специалистов есть не только в России, но и в Казахстане и Кыргызстане. Кроме того, введение магистратуры по подготовке специалистов в области евразийской интеграции, которые бы понимали динамику интеграционных процессов, их последовательность и сложность, разбирались бы в институциональных тонкостях интеграционного процесса отвечает и требованию самих стран ЕАЭС. Результаты опроса, проведенного министерством образования и науки России среди стран членов ЕАЭС по вопросу наиболее востребованных специальностей, которые необходимы данным странам специальность «Специалист в области евразийской интеграции» указан всеми странами [1].

Для реализации данной программы, конечно, необходима поддержка на первых порах государства в форме выделения федеральных грантов на обучение студентов в ТГУ из стран ЕАЭС, для «раскручивания» на евразийском пространстве таких программ. К сожалению, в 2016 году все места для стран СНГ и в том числе и для стран ЕАЭС были сокращены российской стороной.

Таким образом, интеграционный процесс в области образования и науки в ЕАЭС только в самом начале своего развития. Сделаны только первые шаги. Однако понимание того, что создание единого образовательного и научного пространства в ЕАЭС, которое будет не оторвано, а интегрировано в мировое образовательное и научное пространство, только усилит позиции национальных университетов и научных коллективов, будет способствовать созданию новых тенденций в развитии обществ и самих государств уже пробивается и закрепляется в конкретных делах.

Библиографический список

1. Письмо ЕЭК от 26 октября 2015 г. № ТВ-2410/03; Нота Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации от 22 октября 2015 г. № 02-23/3317; Письмо МИД России от 2 октября 2015 г. № 17193/Здснг; Нота Посольства Республики Казахстан в Российской Федерации от 12 октября 2015 г. № 30-02/3733.

Р.Ч. Мухамеджанова

Немеркнущие страницы истории

В статье на основе материалов фондовых коллекций ВК областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника и архивной документации отражается история становления и развития г. Усть-Каменогорска, начиная со строительства Усть-Каменогорской крепости, событиях, связанных с Петром Великим, первооткрывателем крепости И. Лихаревым и современным художникам и мастерам, посвятившим свои произведения любимому краю.

Ключевые слова: история, крепость, Восточный Казахстан, события, Рудный Алтай, Усть-Каменогорск, Сибирь, Петр Первый, Лихарев.

R.C. Mukhamedzhanov

Immortal pages of history

On the basis of materials of regional VC fund collections of architectural-ethnographic and natural-landscape museum-reserve and archive documentation reflects the history of formation and development of the city of Ust-Kamenogorsk, starting with the construction of the Ust-Kamenogorsk fortress events associated with Peter the Great, the discoverer of the fortress I. Liharev and contemporary artists and craftsmen who dedicated their works to the edge of the beloved.

Keywords: history, fortress, Eastern Kazakhstan, developments, Rudny Altai, Ust-Kamenogorsk, Siberia, Peter the Great, Liharev.

Трудно найти в Казахстане другой уголок земли, подобный юго-западному Алтаю, который природа так щедро наделила красотой и разнообразием ландшафтов, растительного и животного мира.

Рудный Алтай с древнейших времен был благоприятной для жизни человека территорией. Хорошие почвы и разнообразные пастбища, многочисленные месторождения полиметаллов (золото, серебро, медь, олово, свинец и др.), лесные богатства, изобилие промыслового зверя и рыбы издавна привлекали сюда человека.

По данным археолога С.С. Черникова, впервые человек здесь появился в послеледниковую эпоху в конце среднего палеолита. Рудный Алтай во все времена играл важную роль в историческом развитии племен и народов, так как связывал Южную Сибирь и Алтай с Семиречьем и Средней Азией [1, с. 3].

История основания и развития города Усть-Каменогорска в XVIII – первой половине XIX веков тесно связана с историей Сибири. Гораздо ранее самого города появилась Усть-Каменогорская крепость. Построение ее произошло в связи со следующими обстоятельствами: по указу Императора Петра Великого, написанному им собственноручно, приказано было построить крепость у озера Зайсан. В силу означенного указа в 1715 г. был отправлен из Тобольска отряд солдат около 3000 человек под командованием Бухгольца, который в том же году основал крепость Ямышевскую. Но будучи осажден джунгарами, с большим уроном отступил к устью реки Оми и в 1716 г. основал Омскую крепость. Сменивший Бухгольца полковник Ступин восстановил в 1717 году Ямышевскую крепость и для обеспечения сообщения между Омской и Ямышевской крепостями, а в том же году началось строительство Семипалатинской [2, с. 5].

Проведенные сибирской администрацией мероприятия по строительству иртышских крепостей были как бы подготовкой к новой экспедиции в верховья Иртыша.

В 1719 году снаряжается новый отряд, во главе его был поставлен гвардии майор Иван Михайлович Лихарев, человек для Петра I далеко не случайный. Участник ряда сражений, в том числе под

Полтавой, за которое награжден золотой медалью и портретом Петра I.

В мае 1720 года экспедиция направилась к озеру Зайсан. До озера дошли благополучно, но дальнейший путь по Черному Иртышу преградил большой джунгарский отряд. Отряд повернул в обратный путь. На обратном пути осенью 1720 года при впадении Ульбы в Иртыш была заложена крепость. Имя ей дали Усть-Каменогорская, потому что именно здесь Иртыш вырывался из гор и катил дальше свои воды по равнине [1, с. 7].

Таким образом, на карте появилась маленькая точка – крепость Усть-Каменогорская, крайняя южная оконечность образовавшейся Иртышской линии.

После смерти Петра Первого И.М. Лихарев в 1725 году был возведен Екатериной I в ранг генерал-майора и службу нес в лейб-гвардии Семеновском полку.

Такова судьба посланца Петра Великого, основателя города Усть-Каменогорска, Ивана Михайловича Лихарева и история похода его в Сибирь и на Алтай. [6, с. 24].

Так завершилась экспедиция в верховьях Иртыша под руководством Ивана Михайловича Лихарева. Она способствовала освоению и изучению верховьев Иртыша и озера Зайсан, составлению и уточнению географии Западной Сибири, Алтая и Казахстана, поискам полезных ископаемых в этом богатейшем крае.

Этому событию посвящали свои стихи, повести и рассказы наши поэты и писатели, воплощали в своих полотнах художники. Событиям тех времен посвятил свое произведение – гобелен ручной работы один из известных художников, член Союза художников СССР, член Союза художников Казахстана, участник Международных выставок в Италии, Болгарии и Германии Сергей Петрович Шупляк.

На большом гобелене, с левой стороны изображены предметы: глобус, подзорная труба, отражающие эпоху петровских преобразований. В верхней части виднеющиеся матчи, паруса, стяги символизируют строительство флота в России. Вверху у подножья гор – крепость, над которой в виде извивающейся ленты надпись: «Крепость Усть-Каменогорская» С левой стороны - свиток (с указанием Петра Первого), плавно переходящий в высокий гребень речной волны, по которым плывут лодки с солдатами. Справа – крупными цифрами выткана дата «1720», здесь же отображены языческие божества, высеченные из камня – олицетворение азиатской степи, где прибывала петровская экспедиция.

В 1990 году Раппопорт Валерий Соломонович - талантливый скульптор Казахстана создал скульптурную композицию, Памятник-фонтан основателю города Усть-Каменогорска Лихареву И.М. Памятник выполнен из мрамора темно-серого цвета. Изображает основателя Усть-Каменогорской крепости, находящегося на боевой вёсельной ладье с одним парусом, которая как бы входит вместо слияния рек Ульбы и Иртыша. Ладья установлена на олицетворяющий речную волну трехступенчатый гранитный постамент, располагающийся в центре восьмиугольного фонтана.

Знаменитые художники Казахстана Х. М. Кульчаев и Э.В. Чубук создали герб с изображением Усть-Каменогорской крепости. В основе герба - щит классической формы, на котором изображены горные вершины с водными пространствами между ними, что символизирует реки Ульбу и Иртыш в обрамлении зеленых берегов. В верхней части герба - название города, в нижней сторожевая башня, перевитая лентой, на которой значится год основания крепости.

Именем И.М. Лихарева названа одна из центральных улиц Усть-Каменогорска. Жители Восточного Казахстана помнят и чтут знаменитого основателя города.

Камнем или Бухтарминским краем называли в XVIII-XIX веках Горную часть нынешней Восточно-Казахстанской области. Издавна привлекал этот живописный край путешественников, ученых, писателей.

Восточный Казахстан знаменит и богат своими необычайно красивыми в полировке поделочными камнями, идущими на крупные поделки [3, с. 5].

В 1726 году уральский горнопромышленник Акинфий Демидов основал на Алтае первые рудники и заводы и назвал их Колывано-Воскресенскими. Здесь обрабатывались, привезенные из разных мест руда и камни [7, с. 41].

Тысячу пудов знаменитого золотистого серебра поставлял Алтай ежегодно в далекий Санкт-Петербург.

В 1786 году в горы Алтайского хребта, особенно к вершинам рек Иртыша, Убы, Ульбы и других, была отправлена поисковая партия во главе, которой был Филипп Риддер, окончивший Горное училище в г. Санкт-Петербурге и получивший специальность горный инженер. В обязанности поисковой группы входило отыскание месторождений руд и цветных камней. В результате поиска был открыт рудный прииск, с тридцатью девятью полезными ископаемыми. С этого времени полиметаллические месторождения названы его именем – риддерский рудник. Впоследствии его именем назван город Риддер, находящийся в одном из живописных мест Восточного Казахстана.

Камни, добытые на риддерском руднике стали вывозить на камнерезную фабрику Колывань. Здесь изготавливались колоссальные чаши и вазы из алтайских и уральских яшм, - таких изделий не видал мир, а перед ними бледнели чудесные создания эпохи возрождения [5, с. 35].

В XVIII веке на колыванских заводах были изготовлены ряд ваз из местного камня. С давних пор украшают Павловский дворец (г. Санкт-Петербург) вазы, выполненные из риддерской брекчии. Одна из ваз диаметром около 5 метров и весом свыше 19 тонн, изготовленная на колыванской шлифовальной фабрике из красивейшего зеленоватого тона ревневской яшмы, хранится в Эрмитаже.

С развитием горнозаводской промышленности в крае и, особенно с открытием в конце XVIII века Риддерского и Зырянского рудников, Усть-Каменогорская крепость начинает играть роль перевалочной базы, через которую провозились руды на алтайские заводы гужевым и водными путями [6, с. 25].

Уникальность руд Риддерского месторождения много раз отмечалась специалистами различных уровней и комиссий. Благодаря высокому содержанию в них золота, серебра, других многочисленных полиметаллов о них узнали далеко за рубежами России.

В 1850 году риддерские руды получили самую высокую оценку на Всемирной Лондонской выставке, а в 1879 году образцы их вошли в коллекцию музея Стокгольмского Королевского технического института, где и остались на вечное хранение. А на одном из собраний «Риддерского горнопромышленного акционерного общества» в 1914 году один из его владельцев, английский миллионер Лесли Уркварт вполне резонно отмечал: «Я сомневаюсь, что на свете существует другое горнопромышленное предприятие, которое так всеобъемлюще, как Риддер!» [4, с. 132].

За годы Советской власти Восточно-Казахстанская область, а вместе с ней и Усть-Каменогорск превратилась в крупный промышленный и культурный центр нашей страны. Ныне он производит титан и магний, свинец и цинк, горно-шахтное оборудование и современные приборы, конденсаторы и арматуру, много другой продукции, которая пользуется большим спросом не только в нашей стране, но и за рубежом.

...Бегут годы, проходят столетия, но не забываются подвиги первопроходцев и первостроителей.

Библиографический список

1. Алексеенко, Н. В. Усть-Каменогорск и усть-каменогорцы / Н. В. Алексеенко. – Усть-Каменогорск : ВГИ, 1995. – 77 с.
2. Алексеенко, Н. В. Усть-Каменогорск (о славной истории Усть-Каменогорска) / Н. В. Алексеенко. – Алма-Ата : Казахстан, 1970. – 103 с.
3. Мухамеджанова, Р. Ч. Каталог изделий из камня мастеров Восточного Казахстана / Р. Ч. Мухамеджанова. – Усть-Каменогорск, 2011.
4. Немцев, М. С. Филипп Риддер и его время / М. С. Немцев. – Риддер : Terra, 2006. – 166 с.
5. Родионов, А. М. Красная книга ремесел : [заметки о чистодеревщиках, кузнецах, гончарах, ткачах, вышивальщицах, колыванских камнерезах] / А. М. Родионов ; [ред. А. Поом]. – Барнаул : Алтайское книжное изд-во, 1990. – 319 с.
6. Черных, С. Е. Начало положила крепость... : сборник очерков, статей / С. Е. Черных. – Усть-Каменогорск, 2004. – 147 с.
7. Черных, С. Е. С берегов Иртыша / С. Е. Черных. – Алма-Ата : Казахстан, 1981. – 288 с.

Н.В Сюе-Скурихина

Административно-территориальное устройство Омской епархии¹

В статье предпринята попытка рассмотрения особенностей административно-территориального устройства Омской епархии. Заявленная проблема является актуальной, так как в 1895г. Образовалась новая самостоятельная Омская епархия. Географическое положение, переселенческое движение, духовно-нравственное состояние населения, все эти причины налагали свой отпечаток на устройство епархией. В данной статье особое внимание уделено основным принципам и механизмам формирования административно-территориальной системы Омской епархии. Автором подчеркивается, что данная система управления определялась общеимперским законодательством, была построена по принципу централизма и включала в себя три уровня: епархия, благочиние, приход. Основу законодательства составлял «Духовный регламент» с незначительными корректировками, который был составлен еще Петром I. В тоже время процесс формирования имел свои характерные черты, обусловленные особенностями формирования православного населения Степного края. Определенный научный интерес представляет проблема становления и развития епархии в аспекте административно-территориальной системы. Таким образом, процесс образования Омской епархии обладал своими особенностями, как в административном устройстве, так и в епархиальном управлении, что, с определенной долей условности, делало епархию уникальной.

Ключевые слова: Россия, Омск, епархия, Русская православная церковь, административно-территориальное устройство.

N. Suye-Skurikhina

Administrative and territorial structure of Omsk eparchy

The paper attempts to review the features of administrative-territorial structure of the Omsk diocese. The stated problem is urgent, as the new independent Omsk diocese was found in 1895. The geographical position, migration movement, the spiritual and moral state of the population, all these factors set a stamp upon the device diocese. This article focuses on the basic principles and mechanisms of the administrative-territorial system formation of the Omsk diocese. The author emphasizes that the control system determines the laws of empire-wide, was built on the principle of centralism and included three levels: diocese, diocese, parish. The basis of the legislation was "Spiritual regulations" with minor adjustments, which was composed by Peter the Great. At the same time the process of formation has its own characteristics, due to the peculiarities of the formation of the Orthodox population of the Steppe region. The specific scientific interest is the problem of formation and development of the diocese in the aspect of administrative-territorial system. Consequently, the formation of the Omsk diocese has its own characteristics, as in the administrative structure, and in diocesan administration, which, with a certain degree of conditionality, the diocese made unique.

Keywords: Russia, Omsk city, eparchy, The Russian Orthodox Church, Administrative and territorial structure.

Освоение русскими южных регионов Западной Сибири началось в XVIII в. после присоединения Центральной Азии к Российской империи эти территории из приграничных превратились во внутренние. Русская православная церковь была призвана укрепить власть империи на ее окраинах и распространить русскую традиционную культуру. Поэтому освоение Сибири и формирование институтов православной церкви – два взаимосвязанных процесса. Образование приходов и строительство церквей осуществлялось параллельно с началом массового переселенческого движения крестьян в Азиатскую Россию. Народная колонизация приносила в Сибирь православный уклад жизни.

С целью закрепления позиций Русской православной церкви в Сибирском крае, в 1620 г. была учреждена первая Тобольская епархия с кафедрой в городе Тобольске. Однако резкий рост численности православного населения региона выступил одной из причин образования новых церковных единиц. Так, в 1727 г. был инициирован процесс создания Иркутско-Нерчинской

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-01008 «Русская православная церковь в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи (XIX – начала XX в.)».

епархии, в состав которой вошли территории Восточной Сибири до Тихого океана на восток и до Северного Ледовитого на север [1, с. 56].

Однако пик епархиального строительства в Сибири приходится на XIX в. - период образования новых епархий. [2, с. 43]. В 1840 г. «вследствие отдаленности Российско-Американских и Камчатских церквей от центра епархиального управления в Иркутске», по решению Святейшего Синода была образована Камчатская епархия с кафедрой в Новоархангельске на острове Ситхе [3, с. 146]. В 1861 г. была учреждена новая епархия с кафедрой в губернском городе Красноярске, которая стала называться Енисейской и Красноярской. В 1869 г. была образована Якутская епархия, ставшая самой большой епархией по площади занимаемой территории во всей России в то время [4]. «В целях усиления миссионерской деятельности среди забайкальских бурят» по инициативе сибирских преосвященных 28 января 1894 г. была учреждена самостоятельная Забайкальская епархия с кафедрой в городе Чите.

В 1895 г. была открыта Омская епархия. Ее открытие, как и открытие Забайкальской епархии, предпринятое на Соборе сибирских архипастырей в 1885 г., было одной из мер «к возвышению религиозного состояния сибирских приходов, улучшению народной нравственности, ослаблению и совершенному искоренению раскола и развитию проповеди слова Божия среди иноверцев-язычников» [5, с. 15]. По решению Святейшего Синода в 1887 г. была сформирована особая комиссия, «которой было поручено представить Тобольской духовной консистории свои соображения относительно выделения Омской епархии из Тобольской» [5, с. 15]. Через год, комиссия завершив работу, предложила включить в состав Омской епархии 57 церквей Акмолинской и Семипалатинской областей и «те церкви Тюкалинского, Тарского и Ишимского округов, которые лежат ближе к г. Омску, чем к Тобольску, а именно: 42 церкви Тюкалинского округа, 31 церковь Тарского и 19 Ишимского, с общим числом православного населения около 350 тысяч душ обоего пола». К Омской епархии было отнесено и духовной училище в г. Ишиме. В начале 1891 г. мнение Консистории с изложением всего хода дела было представлено Святейшему Синоду, который в 1895 г. «поверг на Высочайшее Его Императорского Величества воззрение всеподданнейший доклад об учреждении Омской епархии... с назначением первым Омско-Семипалатинским архипастырем Преосвященного Григория, Епископа Туркестанского и Ташкентского. Доклад этот в 18 день февраля того же года был удостоен Монаршего утверждения и, таким образом, в Западной Сибири возникла новая Омско-Семипалатинская епархия» [5, с. 15].

Образование Омской епархии было связано с началом массового переселенческого движения крестьян в Азиатскую Россию. Деятельность Русской православной церкви была направлена на осуществление насущных практических задач империи и служила ее идеологической базой. Учрежденная в 1895 г. Омская епархия имела свои особенности, как в административном устройстве, так и в епархиальном управлении. Она возникла на колонизируемой территории. Ее основными задачами были укрепление православия в Степном крае среди переселенцев и распространение его среди коренного мусульманского населения. К моменту подписания указа Священного Синода о создании епархии, ее территория составляла «громадную площадь, расположенную приблизительно между 44 и 58 градусами северной широты и 34 и 57 градусами восточной долготы; площадь эта включает в себе более миллиона квадратных верст» [6, л. 4]. На таком громадном пространстве, располагалась только одна Транссибирская железная дорога и имелась судоходная река Иртыш. Населенные пункты (деревни и села, основанные переселенцами), селения, не редко располагались друг от друга на сотню километров и соединялись между собою лишь незначительной тропью. Иных способов передвижения на этой территории не было. «Совершенно очевидным становится, с какими трудностями сопрягался в данной епархии надзор за приходами, как со стороны архиерея, так и со стороны местных благочинных за состоянием церквей, которые разбросаны по необъятному пространству, занимаемому

епархией».

В качестве высшего органа церковного управления Омской епархией в 1895 г. была учреждена Омская духовная консистория. Во главе консистории стоял епархиальный архиерей. Структуру епархиального управления определял «Устав духовных консисторий», введенный обер-прокурором Н.А. Протасовым в начале 1840-х гг. Основу Устава составлял «Духовный регламент» с незначительными корректировками, который был составлен еще Петром I. Согласно Уставу «Духовная консистория есть присутственное место, через которое, под непосредственным начальством епархиального архиерея, производится управление и духовный суд в поместном пределе православной российской церкви, именуемой епархией» [7, с. 387]. Именно к этому времени консисторская система окончательно сложилась в своих главных чертах, просуществовав без кардинальных изменений до 1917 г.

Система управления епархией также определялась Уставом и была построена по принципу централизма и иерархии и включала в себя три уровня. Первый — епархиальное управление, оно было представлено архиереем и Духовной консисторией. Первым архиереем Омской епархии был епископ Григорий (Полетаев) с титулом епископа Омского и Семипалатинского, который был назначен 18 февраля 1895 г. Ведению епископа подлежали все дела епархии, а также надзор за поведением духовенства, за состояние духовного посвящения и нравственного состояния мирян.

В состав Консистории входили лица духовного звания в количестве 4-6 человек. Ее члены избирались епархиальным архиереем из числа священнослужителей и утверждались Синодом. Каждому члену Духовной консистории вверялись свои дела. В слушание или решении дел участвовали все члены Консистории. Согласно Уставу Консистория находилась в двойном подчинении – епархиальному архиерею и Синоду. Духовная консистория решала вопросы об учреждении приходов, открытии новых церквей, монастырей, часовен, их ремонте, перестройке, упразднении старых церквей и об отводе церковных земель. В функции Консистории входило разрешение конфликтов между духовными лицами и прихожанами, связанных с церковными земельными участками, а также награждение духовных лиц знаками отличия.

Второй уровень епархии составляла разветвленная сеть благочинных. Благочинные утверждались епископом и являлись его помощниками в управлении епархией. Благочинные состояли из 10 – 15 приходов. В обязанности благочинных входило наблюдение за деятельностью причта. Кроме того, он должен был два раза в год объезжать все причты, входившие в состав благочиния и составлять отчет архиерею, по собранным данным.

Третий уровень – приходы с причтами приходских церквей, избиравшие из своей среды депутатов епархиальных и окружных съездов, духовных следователей, членов благочинных советов. Причт состоял из священнослужителей (иереи, пресвитеры) и церковнослужителей (псаломщики, причетники, пономари) [8].

Согласно Духовному регламенту действовал определенный порядок взаимоотношений различных структур управления епархией. «Благочинные предоставляют отчет епархиальному преосвященству или Консистории. Священники, диаконы и псаломщики по делам и нуждам рапортууют благочинным, а те в свою очередь, если не смогли принять решение, представляют рапорты епархиальному начальству. Священники могут сами обращаться к епархиальному начальству только в случаях, когда благочинный не выполнил или не решил их просьбу. Благочинные, священнослужители и церковнослужители по делам личным имеют право самостоятельно обращаться к епархиальному руководству. Благочинные и церковные причты по делам служебным не могут входить в непосредственную переписку с высшими правительственными учреждениями» [8].

В структуру управления Консистории также входили Омское епархиальное попечительство «о бедных духовного звания», Епархиальный учительский совет, Епархиальный комитет Православного миссионерского общества. Епархиальное попечительство было создано в помощь семьям священнослужителей, потерявших кормильца, заштатным и престарелым священникам. В круг деятельности попечительств также входили поиски средств на содержание причтов, на содержание и ремонт церквей. Кроме того, они подыскивали работы безработным и бедным.

С целью более широкого привлечения различных слоев городского и деревенского населения к делам религии и церкви, создавались церковные организации. Среди них следует отметить деятельность церковных братств. В Братствах обычно принимало участие все духовенство епархии. Деятельность братств активно обсуждалась на епархиальных съездах. Деятельность Братств была направлена на расширение и утверждение православия в отдаленных частях империи, а также на ограждение православных от влияния сектантской и раскольничьей пропаганды. Следует также отметить, что большим влиянием в епархии пользовался Епархиальный комитет Православного миссионерского общества.

Таким образом, рассмотрение проблем становления и развития епархии в аспекте административно-территориальной системы представляет определенный научный интерес. Процесс образования Омской епархии обладал своими особенностями, как в административном устройстве, так и в епархиальном управлении, что, с определенной долей условности, делало епархию уникальной.

Библиографический список

1. Митрук, А. Н. Патерик Сибирских святых / А. Н. Митрук. – Загорск, 1989.
2. Мисюрев, А. А. Краткий историко-статистический очерк Томской епархии / А. А. Мисюрев. – Томск, 1897. – 78 с.
3. Попов, А. Перемещение Камчатской епархиальной кафедры на Амур и назначение епископа Якутского / А. Попов // Странник. – 1860. – Т. 2, № 5. – С. 143–146.
4. Полный православный богословский энциклопедический словарь : (бесплатное приложение к журналу Русский Паломник за 1912 годъ. – Санкт-Петербург : Изд-во П. П. Сойкина, 1912. – 578 с.
5. Скальский, К. Омская епархия : опыт географического и историко-статистического описания городов, сел, станиц и поселков, входящих в состав Омской епархии / К. Скальский. – Омск : Тип. А. К. Демидова, 1900. – 428 с.
6. Российский государственный исторический архив. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 1965. – Л. 4.
7. Русак, В. С. История Российской церкви от основания до наших дней / В. С. Русак. – Джорданвилль, 1993. – 580 с.
8. Берковская, З. Н. Становление и развитие Омской епархии в конце XIX – начале XX вв. / З. Н. Берковская // Омский научный вестник. – 2008. – №4 (69). – С. 25–27.
9. Омские епархиальные ведомости. – Омск. – 1898. – № 3.

Т.А. Шеметова

К вопросу о финансовой политике Советской России в китайской провинции Синьцзян в 1918-1922гг.

В статье рассматривается финансовое положение китайской провинции Синьцзян. Проанализировано влияние поставок российского серебра на развитие советско-синьцзянской торговли в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Советская Россия; Синьцзян; финансы; торговля.

T.A. Shemetova

On the issue of financial policy of Soviet Russia in the Chinese province of Xinjiang in 1918-1922gg.

The article deals with the financial situation of the Chinese province of Xinjiang. The influence of the supply of Russian silver on the development of Soviet-Xinjiang Trade in the period under review.

Keywords: Soviet Russia; Xinjiang; finance; trade.

Вопрос о роли российского серебра в стабилизации Синьцзянской валюты и расширение торговли с центральным Китаем до настоящего времени вызывает дискуссии среди современных исследователей. Однако следует отметить, что эта проблема возникла еще в начале XX века.

Дешевизна импортных товаров на рынках восточного Китая и высокая цена на них в Западном Китае при обесценивании сырья, стал тем фактором, который способствовал налаживанию более тесных экономических отношений центра с окраиной. Именно с этого времени на рынки Синьцзянской провинции стали поступать товары европейской и американской индустрии. А отсутствие политического и торгового договоров между РСФСР и Китаем, избавляло китайский рынок от конкуренции российских товаров, главным образом мануфактуры. Обильный приток российского серебра в Синьцзян остановил падение курса тецзы и давал возможность купцам, без сложных операций с сырьем, не теряя на фрахте, закупать на звонкую монету импортные товары Шанхая и Тяньцзина.

Новая экономическая ситуация, в сравнении с довоенным временем, была истолкована китайцами как возрождение национальной торговли. «Сбывая непрерывно свое сырье и скот в РСФСР, - писал Представитель НКВТ в Средней Азии В.В.Лавров, - в обмен на серебро китайская провинция не нуждается ни в каком договоре» [1]. С мнением Лаврова был полностью солидарен представитель НКВТ в Западном Китае Ефимов, который в своем докладе писал, что «ввозимое серебро и золото в Синьцзян, укрепляет финансы этой провинции и улучшает денежное положение Кульджинского рынка» [2]. Существовала и другая точка зрения о влиянии российского серебра на финансовое положение провинции. Например, Управляющий Кульджинским Отделением Джетысуйской конторы Госторга Н.В.Тверитин, признавая факт поставок серебра на Синьцзянский рынок, предлагал считать его не в качестве денежной единицы, а как «товар выбрасываемый на него периодически и то лишь Россией, который раскупается местными менялами и уходит вглубь страны, в Урумчи и на Восток» [3]. Конечно, отчасти можно согласиться и с позицией Н.В.Тверитина, но источники в большей степени свидетельствуют в пользу взгляда Лаврова и Ефимова.

Китайская денежная единица в рассматриваемый период времени действительно поддерживалась

именно русским серебром, так как изолированность от Центрального Китая привела к тому, что туда вместо сырья вывозилась исключительно серебряная и золотая валюта. Без русского серебра денежная единица Синьцзянской провинции тецза стояла бы на крайне низком уровне. Такой вывод можно сделать, проанализировав состояние ее финансовой системы в 1918-1922 годах.

Синьцзян подобно всем провинциям Китая, пользовался правом эмиссии денежных знаков, причем основным денежным знаком являлся урумчинский лян, равный, по номинальной стоимости одному таэлю, или 400 медным денежкам, называемым чохами [4].

В революционный период были случаи, когда курс кредитного лян стоял не только наравне с серебром, но даже ценился выше в виду портативности кредиток. После Синьхайской революции в Китае в Синьцзян перестали поступать субсидии из центра, что привело к недостатку денежных знаков. Если в довоенный период недостающее количество денежных знаков провинции пополнялось наличием российских кредитных знаков, а также золотой и серебряной валютой, то в период революции и гражданской войны в России, исчезло золото и серебро, а затем стал обесцениваться и исчезать русский рубль. Вышеперечисленные обстоятельства заставили власти провинции усилить эмиссию. В период с 1912-1922 год в Урумчи было выпущено:

1912-1913 г. - 4500000 лян;

1914-1917 г. - 5200000 лян;

1918-1922 г. - 11200000 лян;

Всего около 20900000 лян.

Кроме того, в Или были запущены тецзы, равные 1/3 урумчинской ляны, всего на сумму 2000000 лян.

Если считать, что за это время было изъято из обращения (путем уничтожения, внесения в казначейство старых бумажек и естественной утери) до 3000000 лян, то в рассматриваемый период в Синьцзяне находилось в обращении до 20000000 лян. Их курс лян снижался с каждой эмиссией и если в 1912 году курс в отношении ляны держался на уровне 1,03 лян за – 1,10 фунт, то в 1919 году 1,80 – 2,00. В последующие три года курс ляны еще более понизился и в 1921 году составлял 3,00 фунт., а в 1922 году даже 4,30 за одну серебряную ляну. Точно также в отношении чохов, кредитный лян падал до 160 и даже 80 чохов за кредитку.

В 1922 году увеличилось поступление серебра из России за импортированные товары, что позволило администрации Синьцзяна выпустить около 5000000 серебряных лян для поддержания курса. С появлением серебра кредитный лян повысился до 3,50 [5]. Справедливости ради нужно отметить, что запас звонкой монеты, обеспечивающий эмиссию, был не велик. За все время республики было начеканено не более 2.500.000 лян. Причем правящая верхушка Синьцзяна, превращало практически все свои сбережения в серебро и вывозило его в центральные области Китая. Согласно источникам, только за один год дучзюн провинции отправил в Тяньцзинь 35 телег серебра [6]. Из Кашгарии серебро уходило в Индию. Это, с одной стороны, позволяет сделать вывод о том, что кредитные билеты урумчинских лян были почти не обеспечены, с другой, что на определенном этапе времени серебро, поступавшее из Советской России, действительно способствовало укреплению местной валюты и активизировало торговые отношения Западного и Восточного Китая. Однако, получая серебро без всякого торгового договора и, следовательно, без каких-либо обязательств со своей стороны, китайские власти провинции не имели стимулов для налаживания с советами прочных политических отношений. Правильность точки зрения В.В.Лаврова подтверждал, возвратившись из Урумчи, Уполномоченный НКВД Казанский. В своем докладе он писал: «Программа китайцев ясна:

это недопущение наших закупочных органов вглубь рынка, стремление держать нас на границе и путем опеки монополистов и изоляции от остального коммерческого мира. Нашу потребность в сырье использовать на предмет извлечения валюты и валютного товара для поддержания торговли с Востоком» [7].

Таким образом, поступление серебра из Советской России сыграло позитивную роль в стабилизации финансового рынка китайской провинции Синьцзян, и расширило торговое сотрудничество с собственно Китаем.

Библиографический список

1. Российский государственный архив экономики. – Ф. 413. – Оп. 10. – Д. 282. – Л. 139.
2. Российский государственный архив экономики. – Ф. 413. – Оп. 10. – Д. 286. – Л. 45 об.
3. Российский государственный архив экономики. – Ф. 413. – Оп. 10. – Д. 286. – Л. 45.
4. Денежное обращение в Синьцзяне // Торговля СССР с Востоком. – Москва, 1930. – № 1–2. – С. 113–118.
5. Российский государственный архив экономики. – Ф. 635. – Оп. 3. – Д. 14. – Л. 158.
6. Российский государственный военный архив. – Ф. 110. – Оп. 7. – Д. 45. – Л. 62.
7. Афанасьев-Казанский, А. Экономическое положение Западного Китая / А. Афанасьев-Казанский // Новый Восток. – 1923. – № 3. – С. 3.

Этнография и общественное сознание народов азиатской России и зарубежной Азии

Алексеевко А.Н. Воспроизводство казахского населения в конце XIX - начале XX вв.

Бемм М.А. Плетение из ивового прута как одно из направлений народного прикладного творчества Восточного Казахстана

Жумагулов Б.С. Формирование этнической структуры населения Казахстана: исторический анализ

Керейбаева А.С. Общественная деятельность предпринимателей Степного края второй половины XIX- начала XX века в контексте российской государственной политики: историографический аспект

Кладова В.Р. Особенности социально-профессиональной структуры еврейской общины Алтая в первой половине XX века

Крейдун Ю.А. Иконы Афонского письма в истории Православия на Алтае

Мамаева Г.Е. История депортации чеченцев и ингушей в Южно –Казахстанскую область на материалах региональных архивов

Молдагазинова Ж.М. Восточно-Казахстанская область как экспериментальная площадка трехязычия: перспективы новой языковой политики

Останакулов И. Особенности развития культуры толерантности в современном Узбекистане

Садиков М. Воздействия клановой системы на социально-исторические трансформации центральноазиатских обществ

Сушко П.Н. Русские иконы с восточными мотивами в собрании музея-заповедника

Хасанов Р.И. Межрелигиозная толерантность: опыт Узбекистана

Цыряпкина Ю.Н. Особенности демографических процессов в среде русскоязычного населения в постсоветском Узбекистане

Юферова Н.С. Проблема землеустройства казахского населения на территории Иртышского десятиверстного пространства в начале XX в.

А.Н. Алексеенко

Воспроизводство казахского населения в конце XIX – начале XX вв.

Автор на основе архивных и статистических материалов исследований раскрывает слабоизученный вопрос воспроизводства казахского населения в конце XIX – начале XX в. Результаты исследований свидетельствуют, что высокий рост численности казахского населения больше связан с целым рядом обычаев, условий быта населения.

Ключевые слова: казахское население, демографический аспект, быт.

A.N. Alexeenko

Reproduction of the Kazakh population at the end of the 19th - early the 20th centuries

The author on the basis of archival materials and statistical studies reveals poorly studied issue of reproduction of the Kazakh population in the late XIX - early XX century. The research results indicate that the high growth of the Kazakh population is more concerned with a number of customs, living conditions of the population.

Keywords: Kazakh population, the demographic aspect of life.

В настоящее время в Казахстане преобладает традиционный вариант восприятия демографических проблем. Факт существования традиции многодетности декларируется как данность, всегда присущая казахскому народу. При этом императив «многодетная семья» экстраполируется в далекую перспективу.

Основанием для вывода о распространенной многодетности в прошлом, служат отдельные примеры существования таких семей, обобщающиеся до уровня явления, присущего всему народу. Но статистических подтверждений многодетности (среднестатистические показатели) у казахов нет. Отрывочные статистические данные появляются в середине XIX века, но какие-либо научно обоснованные выводы на этом основании сделать невозможно. Несколько лучше велась статистика естественного движения православного населения Российской империи, так как опиралась на метрические записи духовенства. В 1865 г. явление было распространено и на другие вероисповедания. Результаты ежегодно публиковались Центральным статистическим комитетом в специальном издании – «Движение населения в Европейской России». Однако материалы о движении населения Сибири, Казахстана, Средней Азии и других окраин не приводились.

В 70-х годах XIX века метрические книги для регистрации рождаемости, смертности и брачности казахского населения были введены во всех казахстанских областях, но велись они крайне плохо. Не произошло существенных изменений в статистике движения населения и в начале XX века. В отчете губернатора Сыр-Дарьинской области за 1909 г. говорится: «Данные о числе населения области и его движения имеют лишь приблизительную точность, так как у туземцев, составляющих 93,5% всего населения области, не ведется никаких метрических записей как относительно рождения, так и смертности» [1, с. 1].

По свидетельству российского демографа С.А.Новосельского: «Совершенно неудовлетворительно ведется регистрация естественного движения населения среди мусульманского и языческого населения Азиатской России, особенно среди кочующих народностей, таких как киргизы и калмыки, статистика естественного движения которых, можно сказать, совершенно отсутствует. Имеющиеся здесь цифры представляют случайные, отрывочные, крайне неполные сведения, лишенные какого бы

то ни было статистического значения» [2, с. 48].

Причины неудовлетворительного состояния демографической статистики кроются в слабой организации статистической службы, сложности статистического учета кочующего по огромной территории населения, недоверия казахов к российским чиновникам, религиозных установках: «В основном нормы ислама не одобряли ведение учета естественного движения населения, состава его по полу и возрасту, регистрации заключения и расторжения браков, рождения детей, их количества и т.д.» [3, с. 3].

О том, что рождаемость у казахов была высокой, можно, в определенной мере, судить по опосредованным данным. Поддержания определенного уровня рождаемости требовали социально-экономические условия: «Родовые распри, тяжба, борьба за пастбища, уголья, воду, скот, промысел, а также само юридическое и сословное положение семьи требовали определенное количество детей» [3, с. 6]. Отсутствовало и какое-либо планирование семьи, так как: «Моменты внутрисемейного регулирования деторождения казахами не соблюдались, да и вообще какое-либо регулирование рождаемости каралось по мусульманскому вероисповеданию, основных канонов которого казахская семья придерживалась» [3, с. 2].

С другой стороны, росту рождаемости не способствовали некоторые традиции казахского народа. Из-за невозможности уплатить калым часть мужского населения из бедняков не могла вступить в брак. На это обстоятельство неоднократно указывали передовые представители казахской интеллигенции, группировавшиеся вокруг журнала «Айкап». Выступая за равноправие казахской женщины, они подвергали критике калым и аменгерство. Е. Есенгельдин в статье «Почему не растет казахское население» писал: «Для того, чтобы жениться, самое малое нужно 15-20 голов скота и 150-200 руб. денег. Поэтому многие наши мужчины не женятся до 30-40 лет» [4, с. 6].

Да и сам факт заключения брака сложно назвать «счастливым союзом» молодых. Сложившуюся систему семейно-брачных отношений осуждал Ч.Валиханов, писавший о том, что у казахов существует «... грубый обычай... отдавать дочерей своих в замужество в слишком юных летах и большей частью без их согласия. Киргизы сговаривали детей своих иногда в колыбели. Нам кажется, что обычай этот мог быть изменен... следовало только предписать старшим султанам и управителям, под страхом ответственности, иметь строгое наблюдение, дабы киргизы не выдавали дочерей ранее таких-то лет, дабы отцы не принуждали своих сыновей и дочерей вступать в супружество без личного их согласия и проч. Полицейский надзор и дух времени сделали бы свое дело, но, конечно, не скоро» [5, с. 103].

Ранние браки приводили к негативным демографическим последствиям: «Очень раннее материнство, частые роды, бремя многодетности в сочетании с тяжелыми условиями кочевой жизни рано подрывали здоровье женщин» [3, с. 3]. Чрезвычайно высокой была материнская, детская смертность. Важной причиной этого, помимо фактического отсутствия врачебной помощи, Ч.Валиханов видит в следующем: «... в самом народе нашем таится много темных предрассудков и вредных обычаев. Вытравливание плода, выдавливание его в последний период беременности, убийство дитяти после рождения у нас в общественном мнении преступлениями не считаются. Оттого по статистическим источникам преступления эти между киргизами не значатся. Но мы бы мало согрешили против правды, если б сказали, что половина совершеннолетних киргизских девиц, способных к оплодотворению, не раз были преступны в детоубийстве... А что делают киргизы с роженицами? Вследствие ли ранних и излишних половых наслаждений, или по узости таза, что, вероятно, происходит от постоянной верховой езды, роды у киргизок бывают большею частью трудные. Киргизы же ненормальные роды приписывают наваждению злого духа и потому бьют, пугают рожениц, тянут им язык. Понятно, что при таких диких понятиях и, наконец, при совершенном отсутствии акушерок и

бабок, много беременных женщин умирает от родов или побоев» [6, с. 75].

Исходя из имеющихся статистических и опосредованных данных, можно сделать вывод о том, что рождаемость у казахов была на высоком уровне. Но не менее значимой была и смертность, нейтрализовавшая эффект высокой рождаемости. Основной причиной смертности в Казахстане были тяжелые экономические и социальные условия жизни. В первую очередь это относится к кочевому населению, особенно в период зимовок. Одной из важнейших причин высокой смертности были массовые эпидемии. Казах-кочевник практически не получал медицинской помощи. Ч.Валиханов отмечает: «Много гибнет народа от тифа, от простуд, от сифилиса и других болезней оттого только, что некому подать больным разумную медицинскую помощь. У нас полагается один доктор на округ и, кажется, для того только, чтобы писать медицинские свидетельства и рассекавать трупы. Доктора эти обязаны прививать киргизам оспу, но киргизы боятся их более, чем остяки священника. На доктора киргизы смотрят как на чиновника, и пользы от него не ждут. От оспопрививания убегают или откупаются» [6, с. 75].

В конце XIX в. ситуация не изменилась. Так, например: «... в некоторых волостях Южного Казахстана в среднем из каждой 1000 человек населения умирало от малярии 33,6 человек» [3, с. 4]. По данным материалов переписи населения 1897 г. в Средней Азии и Казахстане на одного гражданского врача приходилось 113,9 тыс. человек. При этом в городах на одного врача приходилось 22,8 тыс. человек, а в сельской местности – 272,5 тыс. человек [7, с. 263].

Исходя из вышесказанного (высокие показатели рождаемости и смертности), несмотря на все недостатки статистического учета в конце XIX – начале XX вв., можно, с известной долей условности, определить среднегодовой прирост казахского населения по отдельным областям. С учетом того, что границы областей в указанный период не менялись, а сколько-нибудь заметного прилива или отлива казахского населения не было, среднегодовой прирост можно отнести к естественному. По Акмолинской области он составлял 0,8%, Семипалатинской – 0,8%, Тургайской – 1,0%, Уральской – 0,7%, Семиреченской – 1,0%, Сыр-Дарьинской – 0,9% [8, с. 138].

У оседлого населения показатели естественного прироста были несколько выше, но также не свидетельствовали о том, что многодетность была массовым явлением среди русско-славянского населения. По данным Н.Е.Бекмахановой, в начале XX в. он составлял 1,7 – 1,9% в год [9, с. 17].

Итак, каких-либо серьезных оснований, подтверждающих повсеместное распространение у казахов многодетной семьи в XIX - начале XX вв., нет. Суть процесса воспроизводства в это время определяла смертность. При фактическом отсутствии медицины лишь высокая рождаемость, компенсирующая смертность, могла поддерживать процесс воспроизводства на более или менее приемлемом уровне. Социально-культурные нормы были приспособлены именно к такому типу воспроизводства, в течение многих столетий характерного для населения всего мира.

Библиографический список

1. Обзор Сырдарьинской области за 1909 г. – Ташкент, 1909.
2. Новосельский, С. А. Смертность и продолжительность жизни в России / С. А. Новосельский. – Петроград : Тип. Министерства внутренних дел, 1916. – 208 с.
3. Байжомартов, У. С. Брачность, рождаемость и смертность в дореволюционном Казахстане / У. С. Байжомартов, З. А. Нуркатова // Демографические процессы на Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане XIX–XX вв. : тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. –

Целиноград, 1991. – С. 3–6.

4. Кабдиев, Д. К. Развитие экономической мысли в Казахстане (конец XIX – начало XX вв.) / Д. К. Кабдиев. – Алма-Ата : Казахстан, 1978. – 192 с.

5. Валиханов, Ч. Ч. Записка о судебной реформе / Ч. Ч. Валиханов // Собрание сочинений : в 5 т. / Академия наук Казахской ССР, Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова ; Ч. Ч. Валиханов. – Алма-Ата, 1985. – Т. 4. – С. 77–104.

6. Валиханов Ч. Ч. О мусульманстве в степи / Ч. Ч. Валиханов // Собрание сочинений : в 5 т. / Академия наук Казахской ССР, Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова ; Ч. Ч. Валиханов. – Алма-Ата, 1985. – Т. 4. – С. 71–76.

7. Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года : в 2 т. – Санкт-Петербург : Паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1905. – Т. 2. – 417 с.

8. Горюшкин, Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / Л. М. Горюшкин ; Академия наук СССР, Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии ; отв. ред. И. Д. Ковальченко. – Новосибирск : Наука, 1976. – 343 с.

9. Бекмаханова, Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.) / Н. Е. Бекмаханова ; отв. ред. В. М. Кабузан ; Академия наук СССР, Институт истории СССР. – Москва : Наука, 1986. – 244 с.

М.А. Бемм

Плетение из ивового прута как одно из направлений народного прикладного творчества Восточного Казахстана¹

В статье раскрываются весьма интересная и слабоизученная проблема связанная с народным прикладным творчеством населения Восточного Казахстана плетения из ивового прута. На основе материалов Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника автор показывает основные формы этого творчества и его прикладного значения.

Ключевые слова: этнография, ремесло, творчество, мастер, плетение ивового прута, традиция.

М.А. Bemm

Wickerwork - one of types of applied creativity in East Kazakhstan region²

The article describes a very interesting and poorly studied problems associated with folk arts and crafts of the East Kazakhstan weaving of wicker. Based on material from the East Kazakhstan regional architectural-ethnographic and natural-landscape museum-reserve, the author shows the basic form of creativity and its practical importance.

Keywords: ethnography, craft, creativity, master, weaving wicker tradition.

Плетение из природных материалов является одним из древнейших видов ремесла, который появился на земле тысячи лет назад. Данный промысел был широко распространен еще тогда, когда у человека не было под руками ни топора, ни ножа, ни тем более шила. В отдельных местах плетеные предметы появились даже раньше древнейшей керамики. Люди плели различные необходимые в быту изделия из всего, что попадалось под руки: из коры деревьев, из гибких ветвей, из кожи животных и т. д. [1, с. 5]. Особенно широкое развитие искусство плетения получило у славянских народов: русских, украинцев, белорусов, которые широко использовали для этих целей ветви деревьев, преимущественно ивы. Все это обусловлено тем, что дерево было одним из главных богатств тех мест, которые они населяли. На Руси испокон веков занимались плетением корзин и других бытовых предметов. Пик своего развития данное ремесло на территории России получило в XIX столетии, когда в стране начали открываться мануфактуры, а затем и целые фабрики, выпускавшие плетеные изделия. Мастера, работавшие на них, создавали предметы на любой вкус. Они могли сплести как изящные, изысканные вещи для обеспеченных покупателей, так удовлетворить запросы бедных слоев населения [2. с. 4]. В это же время вместе с переселенцами из западных регионов Российской империи данный вид ремесла проникает на территорию Казахстана, в том числе и на Рудный Алтай, где также становится широко распространенным. Достоверно известно, что на рубеже XIX и XX столетия у крестьян-старообрядцев, живших по берегам реки Бухтармы (приток Иртыша) в быту были распространены разнообразные плетеные предметы, которые они изготавливали из ивовых прутьев и ветвей черемухи. Наряду с корзинами из этого материала они плели большие квадратные короба, в которых перевозили зерно, а в редких случаях и домашнюю утварь. Очень часто такого рода емкость, имеющая прямоугольную форму,

¹ По материалам фондовой коллекции Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника.

² Based on fund collections of the East Kazakhstan regional architectural-ethnographic and natural-landscape museum-reserve.

составляла основу саней, которые носили название «кошевки». Иногда в отдельных случаях с этой же целью их ставили и на телеги без кузова – дроги [3, с. 69]. Свое применение плетеные предметы также нашли в такой отрасли их хозяйства, как рыболовство. Для ловли рыбы жители края широко использовали корзины из ивовых или черемуховых прутьев (т.н. «морды»), которые ставили около специальных загоронок из камня, оборудованных на берегах рек.

Также на рубеже XIX и XX столетия в домах крестьян региона появляется стулья и другая мебель, выплетенные из ивового прута. Особую популярность в этих местах она приобрела в 1918-19 гг., когда здесь жили приезжие мастера из Камня под Барнаулом [3, с. 281]. Туда, как и во всю Томскую губернию, этот промысел проник в 70-е гг. XIX вв. благодаря одному ссыльному крестьянину из Вятской губернии, который со временем обзавелся большим количеством последователей, распространивших данное ремесло по всей Сибири [4, с. 92]. Непосредственно сами жители края, перенявшие у них приемы изготовления плетеной мебели, создавали из гнутой черемухи небольшие стульчики без спинки [3, с. 281].

Наряду с созданием бытовых предметов крестьяне юго-западного Алтая очень часто использовали ветви деревьев при сооружении хозяйственных построек. Подобная информация была получена в ходе научных экспедиций по населенным пунктам ВКО, которые были организованы заведующим отделом русской этнографии музея-заповедника А.А. Яковлевым. Согласно ей, в селе Уварово, расположенном недалеко от Усть-Каменогорска, в начале XX века жители плели из «чащи» (прутьев) зимние загоны для скота, стены которых сверху обмазывали глиной. Усадьбы в этом селении обычно огораживались таловым (ивовым) плетнем, который по возможности со временем заменялся тесовым ограждением [5, с. 70]. Интересные сведения по этому поводу также дает руководитель отдела казахской этнографии нашего музея Б.М. Еликпай. По его словам, в казахских селениях региона вплоть до середины XX века также можно было встретить сооружения аналогичного вида. Кроме того, в прежние времена в местах оседлого проживания казахи повсеместно возводили так называемые «шарбақ үй», по форме напоминавшие юрту. Их стены выплетались из ивовых прутьев, которые сверху накрывались крышей из деревянных жердей. В летнее время эти строения использовали в качестве помещения для приготовления пищи и хранилища для хозяйственной утвари.

В более позднее время интерес к плетеным изделиям повсеместно начал снижаться, однако, несмотря на развитие прогресса, они полностью не вышли из обихода. Более того сейчас, в начале XXI века, искусство их создания снова начало обретать былую популярность. И это легко объяснимо. Ведь плетеные предметы обладают неповторимой красотой и изяществом – результатом многовековых творческих поисков и скромного ремесленного труда. И хотя применение ряда из них уже устарело, они и в наши дни не утратили своей привлекательности, будь-то в предметах бытового обихода, будь-то в мебелировке современных домов и квартир или в садово-парковой архитектуре. Не случайно современное занятие плетением из лозы считается одной из разновидностей народного искусства и привлекает многих людей, немалое количество из которых проживает на территории Восточного Казахстана. В фондах Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического музея-заповедника собрана обширная коллекция работ данных мастеров, насчитывающая больше 100 единиц хранения. Среди этих людей особенно следует выделить имя Павла Андреевича Никулина, который овладел различными видами ремесла деревообработки еще в подростковом возрасте. По-настоящему же реализовать свой талант ему удалось уже после выхода на пенсию. Именно с этого времени он начинает активно заниматься народными промыслами, в том числе и лозоплетением. Усовершенствовать свои навыки ему помогала специальная литература, благодаря которой он расширил познания в области прикладного творчества и впоследствии даже смог выработать новые приемы работы с природным сырьем. Павел Андреевич обычно сам заготавливает поделочный

материал, а при создании изделий использует инструменты собственного производства. Для ускорения процесса расщепления лозы он даже придумал и смастерил станок оригинальной конструкции. С 1986 года он начал плодотворно сотрудничать с областным этнографическим музеем-заповедником, становится постоянным участником выставок декоративно-прикладного искусства, регулярно проводящихся в его стенах. Тогда же работы мастера экспонировались на выставке ВДНХ КазССР и на республиканском смотре мастеров-умельцев. В этот же период времени в фондах музея начала формироваться коллекция его работ, основная часть из которых изготовлены в технике плетения из лозы. При их создании Павел Андреевич использовал как светлые (непроверенные), так и более темные (проваренные) ивовые прутья, умело комбинируя их между собой. Благодаря этому приему каждое из изделий мастера имеет свой собственный необычный оттенок. Большая часть из них представляет собой самые разнообразные корзины, изготовленные как в этнографическом, так и в декоративном стиле. В первую очередь среди них следует выделить емкость цилиндрической формы с высокой дугообразной ручкой, тулово которой изготовлено мастером из светло-коричневых очищенных прутьев в технике простого плетения. Ободок сосуда выплетен косичкой из осветленных прутьев, а плоская ручка образована чередованием стеблей белого и темно-коричневого цветов.

Кроме того, в фондовой коллекции музея находится целый ряд корзин автора, изготовленных в так называемом белорусском стиле. Принципиальное отличие конструкции данных изделий состоит в том, что в их основе лежит каркас, состоящий из одного горизонтального и одного или нескольких вертикальных прутьев. При этом горизонтальный прут служит обручем, а вертикальные основанием и ручкой будущего изделия. При изготовлении данных корзин Павел Андреевич также комбинировал ветки ивы разных цветов, именно поэтому емкости отличаются красивым рисунком, образованным чередованием коричневых полос разного оттенка.

Наряду с вышеупомянутыми предметами мастер передал в фонды музея ряд декоративных панно из лозы. Данные творения напоминают по своей форме бутон распустившегося цветка и, несмотря на кажущуюся простоту исполнения, способны стать украшением любого интерьера.

Также в фондах музея представлены работы самодеятельного мастера Анатолия Николаевича Тарасенко, проживающего в городе Зырянске. Он, как и Павел Андреевич, самостоятельно обучился ремеслу лозоплетения и, несмотря на это смог достичь в нем большого мастерства. Он изготавливает самые разнообразные изделия – различные корзины, вазы, короба, стулья, кресла, столики. Для их создания мастер использует прутья ивы, которую самостоятельно выращивает на своем приусадебном участке. В коллекции музея имеется несколько корзин автора, выполненных в белорусском стиле. Оригинальность данных предметов состоит в том, что при их изготовлении мастер применил не только ошкуренные, но и неошкуренные (неочищенные от коры) ивовые прутья. Благодаря этому они отличаются своеобразным бело-коричневым узором в виде чередующихся полос разной ширины.

Наряду с изделиями вышеупомянутых мастеров несколько лет назад фондовую коллекцию музея пополнил ряд работ самодеятельного художника Павла Савельевича Кулешова, выпускника Московского заочного университета искусств им. Крупской. Они представляют собой покрытые лаком декоративные вазы, изготовленные в технике простого сплошного плетения (рис. 4). Важная особенность данных изделий состоит в том, что к их днищам Павел Савельевич приклеил вырезанные на токарном станке фанерные ножки, имеющие темный оттенок и сочетающиеся по цвету с верхним краем тулова сосудов, выполненным из неочищенного прута. Все это придает им декоративность и целостность формы.

Подводя итог статьи, следует отметить, что плетение из ивового прута является одним из самых распространенных видов декоративно-прикладного искусства на территории Восточного Казахстана,

который имеет давнюю историю и при этом продолжает активно развиваться благодаря энтузиазму и творческой энергии ремесленников края. Творения данных мастеров, изготовленные с соблюдением основных канонов древнего ремесла, являются своеобразным олицетворением этнографических традиций. Благодаря этому их творчество находит немалое количество своих ценителей, многие из которых также стремятся овладеть навыками создания плетеных изделий и открыть для себя неповторимый мир прекрасного.

Библиографический список

1. Троекурова, Т. А. Плетение из лозы / Т. А. Троекурова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – 160 с.
2. Работа с ивой, лозой, берестой. – Москва : Вече, 2002. – 176 с.
3. Бухтарминские старообрядцы. – Ленинград : Изд-во Академии Наук СССР, 1930. – 463 с.
4. Голубев, П. А. Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / П. А. Голубев. – Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1890. – 436 с.
5. Яковлев, А. А. Очерки истории и этнографии русского населения Юго-Западного Алтая / А. А. Яковлев. – Усть-Каменогорск : Шыгыс Полиграф, 2014. – Вып. 1. – 88 с.

Б.С. Жумагулов

Формирование этнической структуры населения Казахстана: исторический анализ

В данной статье ретроспективно рассматриваются социально-демографические процессы в Казахстане, и, прежде всего, политика властей позднеимперского и советского периода, репрессивная по ряду эпизодов и приведшая к этническим дисбалансам, но в то же время устанавливавшая режим толерантности и экономической целесообразности. Лишь в годы независимости увеличился естественный прирост населения, положительным стало миграционное сальдо, улучшилась этно-демографическая ситуация.

Ключевые слова: Казахстан, этносы, миграция, колонизация, депортация, социально-демографическая политика.

B.S. Zhumagulov

Formation of ethnic structure of the population of Kazakhstan: historical analysis

This article retrospectively examined socio-demographic processes in Kazakhstan, and, above all, the authorities' policy of late imperial and Soviet period, for a number of episodes of repression and led to ethnic imbalances, but at the same time is set tolerance regime and the economic feasibility. Only in the years of independence, increased natural population growth, migration balance became positive, improved ethno-demographic situation.

Keywords: Kazakhstan, ethnic groups, migration, colonization, deportation, social and policy demograficheskaya.

Население является основным источником производительных сил общества, и без использования достоверных сведений о численности населения, его половозрастном, национальном составе, образовательном уровне и занятости невозможно проводить эффективную социально-демографическую политику. Демографический фактор, наряду с социальным и национальным, доминирует и в развитии любых форм мировой цивилизации. Поэтому без его научного анализа на всех уровнях невозможно составить реальные прогнозы экономического и социального развития страны и его регионов. Важным объектом демографических исследований являются этносы.

Этно-демографические процессы в Казахстане отличались, прежде всего, тем, что в республике сложилась достаточно уникальная этноструктура, характеризующаяся преобладанием русскоязычного населения. Основными источниками формирования русскоязычного населения Казахстана были сначала казачья, потом крестьянская русско-украинская колонизация в дореволюционное время и крупные перемещения населения преимущественно из России – в советское время.

Демографическое развитие Казахского края дореволюционного периода проходило под влиянием сложнейших военно-политических условий: империалистическая война, восстание 1916 года, февральская буржуазно-демократическая революция и октябрьская революция 1917 года. За 46 лет (1871-1917 гг.) в крае осело свыше 1,6 млн. человек (без вернувшихся обратно), подавляющее большинство которых прибыло в 1907-1916 гг., особенно в годы столыпинской аграрной реформы. В результате всего этого в конце XIX - начале XX вв. произошло усиление процесса формирования многонационального состава населения Казахстана [1, с. 85.]. В крае уже проживали представители около 60 национальностей, среди которых, кроме тюркоязычного населения (узбеки, уйгуры, киргизы, каракалпаки, башкиры и т.д.), были немцы, поляки, мордва, дунгане, таджики, евреи и др. Резко вырос удельный вес восточных славян, который достиг в 1914 году 29,6 % против 12,8 % в 1897 году [2, с.

274–276.]

В конце 30-х годов XX столетия Казахстан пережил массовое переселение населения из других регионов бывшего Советского Союза. Сюда были переселены сотни тысяч крестьян, объявленных кулаками, а в 1937-1938 году на его территории были созданы концентрационные лагеря. В довоенный период имели место постоянные депортации поляков из западной Украины, Белоруссии и Литвы. Накануне депортации по переписи 1939 года в Казахстане проживало 54696 поляков, 3569 латышей, 808 литовцев и т.д.

Положение еще более изменилось, когда в годы войны (1941-1945 гг.) в Казахстан были насильственно переселены с Поволжья немцы. В августе 1941 г. в Казахстан переселено 349713 человек, а общая численность немцев в республике составила 441713 [3]. Перемещение оставшейся части немцев в Казахстан происходило в 1944-1945 годах.

В феврале 1944 года было произведено насильственное переселение с Кавказа чеченцев и ингушей, в марте - балкарцев, в ноябре - турков-месхетинцев.

В 50-60-х годах XX столетия в связи с освоением целины сюда переселилось более миллиона жителей России, Украины, Белоруссии. Бурное развитие промышленности в Казахстане создавало новые рабочие места, которые также занимали переселенцы.

До 1968 года для республики было характерно положительное сальдо миграции населения, т.е. число прибывших в страну намного превышало число выбывших из нее. В 50-е годы миграционный прирост составлял в среднем ежегодно 1,2 % к численности населения республики, а в 60-е -0,5%. За периоды 1950-1959 гг. и 1960-1967 гг. в среднем за год на 1000 населения миграционный прирост республики составил, соответственно, 12 и 5 человек. Однако с 1968 года по настоящее время в миграционном процессе республики сложилась обратная ситуация, т.е. во внешней миграции отмечается более высокая интенсивность выбытия населения, чем прибытия в страну. Например, за периоды 1970-1979 гг. и 1980-1989 гг. в среднем за год на 1000 населения миграционная убыль составила, соответственно -5 и -7 человек.

В результате миграции Казахстаном за 1970-е годы было потеряно 28% естественного прироста населения (естественный прирост за этот период составил 2396 тыс. человек), а за 80-е годы соответственно -38% (2656 тыс. человек).

До 70-х годов XX века миграция в Казахстан осуществлялась из других республик, например, из центральных и нечерноземных районов России, Украины, Белоруссии, Молдавии. Это так называемая внутригосударственная миграция. В годы Советской власти такой вид межреспубликанской миграции всесторонне поддерживался. В результате такой политики казахи с конца 30-х до конца 70-х годов XX в. составляли в Казахстане численное меньшинство. После Октябрьской революции и даже в 20-е годы казахи в республике составляли около 60% от всего ее населения. Но затем этот статистический показатель уменьшался из-за нерегулируемого притока мигрантов из России, в конце 50-х годов снизился до 30%. Русские же в 20-е годы в Казахстане составляли 20,6%, в 1939 году - 40,2%, к 1959 г. - 42,7%, т.е. их численность постоянно возрастала. Если в 1959 году по сравнению с 1939 годом численность казахов из-за естественного прироста увеличилась на 474 тыс. человек (20,5%), то в то же время численность русских из-за притока их извне возросла на 1523 тыс. человек (62%).

Сложившаяся в результате крупных миграционных подвижек этноструктура населения не являлась и не является неизменной. Так, в 1959 -1989 годы в республике медленно, но верно рос удельный вес казахов: с 30 до 39,7 %.

Казахское же население в силу традиционных видов занятий осталось в подавляющем большинстве своем в малоразвитых сельских местностях и местах экологических бедствий (Наурзумский район Кустанайской области, где, в «народно-хозяйственных» целях проводились атомные взрывы по программе «Регион», которые были произведены вдоль меридиана Костанай – Аркалык – Жезказган – Кызыл-Орда; Джангильдинский район Тургайской области, близко расположенный к Байконуру).

Под мощным прессингом имеющих более широкую сферу применения иных языка, культуры и образа жизни, казахское население оказалось в заведомо невыгодном положении и было вынуждено приспосабливаться к новым реалиям. По сведениям Госкомстата Казахской ССР «О национальном составе руководителей промышленных, сельскохозяйственных предприятий и организаций транспорта, связи и строительства на 1 января 1990 года», соотношение казахов и русских по республике в данной социальной группе было 39,5 и 34,8 %. Северный Казахстан вкуче с Восточно-Казахстанской и Карагандинской областями показал обратное соотношение [4, с. 17–28].

Российские исследователи отмечают, что еще в 1970-е гг. русские жаловались на несправедливость по отношению к ним при поступлении в вузы, а с наступлением независимости диспропорция стала еще более явной. В 1989 году 54 % всех студентов были казахи, 31 – русские. При этом не учитывается факт «старения» русского этноса и «сжатия» молодых возрастных групп, а так же отъезд молодых на историческую родину вследствие узости перечня специальностей вузовского образования Казахстана.

В силу широкого расселения русских по территории бывшего СССР, когда около 17 % численности этноса проживало за пределами Российской Федерации в инонациональных средах, межэтнические браки у русских были там широко распространены. Так, если в европейской части Российской Федерации, на территории основного расселения русских, доля национально-смешанных браков была у них очень невелика (7 %), то, скажем в Молдавии этот показатель достигал 59 % [5]. При этом следует заметить, что в этой республике в смешанные браки русские чаще вступают не с молдаванами, а с представителями иных национальностей, как правило, с украинцами и белорусами. Последнее имело место и в Казахстане: львиная доля межнациональных браков приходилась на браки между представителями славянских этносов и татар. Казахи в межнациональных браках были представлены более слабо. Так, по переписи 1959 года смешанные браки отдельных народов, проживающих в Казахстане, составляли: у казахов – 4,1 %, в 1969 г. – 8,4 %; у татар соответственно – 28,1 и 57,5 %; у украинцев – 49,8 и 71,5 и т.д. Самым важным сдвигом является то, что в 1959 году в республике не было казашек замужем за неказахами, а в 1969 г. каждая из 25 вступивших в брак выбрали спутника жизни неказаха. В 1970 году регион наряду с Украиной и Латвийской ССР по количеству смешанных браков вошел в первую тройку в стране.

Другим следствием социально-демографической политики советского государства является и то, что сегодня для оралманов (казахов, вернувшихся на историческую родину) владение родным казахским языком оказывается недостаточным для того, чтобы нормально адаптироваться в северных и восточных регионах Казахстана. Культурная экспансия на северо-восточных территориях Казахстана отразилась на национальной культуре в целом в виде глубокого и всеохватного кризиса, так как наложилась на жузовое расслоение казахов, относительно хорошо сохранившееся вследствие низкой мобильности казахского населения в плане миграции.

Наряду с указанными негативными процессами, следует отметить, что в условиях железного занавеса опыт общения представителей множества различных этнических культур в Казахстане был уникальным. Этот фактор не в последнюю очередь повлиял на формирование этнической и культурной толерантности и отсутствие ксенофобии у проживающих здесь народов.

Усилился процесс собирания казахского этноса в одноименном государстве. С 1989 года вновь

продолжился интенсивный процесс возвращения казахов из Узбекистана (особенно Каракалпакии), России, Туркмении. Однако, несмотря на мощный абсолютный отток русских из Центральной Азии (около 2 млн. человек в 1990-е гг.), относительное снижение в этом регионе самым низким было в Казахстане – 17 %, в то же время в Киргизии, Туркменистане и Узбекистане – 24 %, 25 % и 26 % соответственно. Наибольшее относительное сокращение русской диаспоры (на 48 %) было характерно для Закавказья: почти 2/3 русского населения – 62 % выехало из Армении, 48 % - из Азербайджана и 45 % - из Грузии [6].

По данным переписи 1959 года, в Казахстане жило 3974 тысяч русских (42,7% населения республики), 2795 тыс. казахов (30,0%), 762 тыс. украинцев (8,2%), 660 тыс. немцев (7,1%), 192 тыс. татар (2,1%), 137 тыс. узбеков (1,5%), 107 тыс. белорусов (1,1%), 74 тыс. корейцев (0,8%), 60 тыс. уйгуров (0,6%), 56 тыс. греков (0,6%), 53 тыс. поляков (0,6%), 38 тыс. азербайджанцев (0,4%), 28 тыс. евреев (0,3%), 25 тыс. мордвинцев (0,3%), 15 тыс. молдаван (0,2%), 11 тыс. чувашей (0,1%), 10 тыс. турок (0,1%), 10 тыс. дунган (0,1%), 9 тыс. башкир (0,1%), 8 тыс. таджиков (0,1%), 6 тыс. курдов (0,1%). В последующие десятилетия национальный состав Казахстана меняется: казахи возвращают себе демографическое господство, утраченное за годы индивидуальных и коллективных ссылок и "освоения целины", другие мусульманские народы (за исключением татар) также повышают свою абсолютную и относительную численность. [7].

Тенденции последних лет свидетельствуют о том, что Казахстан вышел из ситуации демографического кризиса, происходит стабильное увеличение численности населения страны, причем, как за счет естественного прироста, так и за счет положительного миграционного сальдо. В этническом разрезе отметим, что прирост числа казахов на 75,1% обеспечивался за счет естественного прироста (99.368 человек) и на 24,9% - за счет положительного миграционного сальдо (32.876). В общем приросте узбеков, азербайджанцев и уйгур естественный прирост составил более 90%. Увеличение численности корейцев на 57,8% было обеспечено за счет миграционного и на 42,2% - естественного прироста. Сокращение численности немцев происходило только за счет отрицательного миграционного сальдо (-8.166 человек), украинцев и белорусов - на 62,5% за счет естественной убыли (-4.573 и -937 человек соответственно) и на 37,5% - за счет отрицательного миграционного сальдо (-2.738 и -556 соответственно), русских - на 40,2% за счет естественной убыли (-13.259 человек) и на 59,8% - за счет отрицательного миграционного сальдо (-19.737), татар - как за счет естественной убыли (-553 человек), так и миграционного сальдо (-500). [7].

В целом, этно-демографическая ситуация будет продолжать улучшаться, при этом увеличение численности населения произойдет благодаря улучшению социально-экономического положения страны и уменьшению миграционных потоков.

Библиографический список

1. Алексеенко, Н. В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.) / Н. В. Алексеенко. – Алма-Ата : Наука КазССР, 1981. – 112 с.
2. Бекмаханов, Е. Б. Присоединение Казахстана к России / Е. Б. Бекмаханов. – Москва : Изд-во АН СССР, 1957. – 342 с.
3. Население и кризисы / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Экономический факультет ; под ред. М. Б. Денисенко. – Москва : Диалог МГУ, 1998. – Вып. 4. – 126 с.

4. О национальном составе руководителей промышленных, сельскохозяйственных предприятий и организаций транспорта, связи и строительства на 1 января 1990 года : статистический сборник Госкомстат. – Алматы, 1991. – С. 17–28.

5. Татимов, М. Социальная обусловленность демографических процессов / М. Б. Татимов ; Академия наук Казахской ССР, Институт философии и права. – Москва : Наука КазССР, 1989. – 125 с.

6. Алексеенко, А. Н. Стратегия демографического развития РК: региональный аспект / А. Н. Алексеенко // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях : материалы V Международной научно-практической конференции (г. Усть-Каменогорск, 20–21 октября 2003 года). – Усть-Каменогорск, 2004. – С. 34.

7. Шломо Громан. Казахстан выходит из демографического кризиса.

А. С. Керейбаева

Общественная деятельность предпринимателей Степного края второй половины XIX- начала XX века в контексте российской государственной политики: историографический аспект

В данной статье освещены результаты исследования истории общественной деятельности предпринимателей Степного края второй половины XIX и начала XX века. Общественная деятельность предпринимателей является конкретно-историческим социальным явлением данного периода. Общественная деятельность предпринимателей необходимо рассматривать как типичное явление общественной жизни региона, которое касалось многих ее сторон. Одной из важных сторон общественной деятельности купечества является участие в работе органов городского управления. Органы городского общественного управления представляли интересы предпринимательских слоев населения, так как большинство гласных в городском управлении составляли предприниматели, что привело к прямому выдвиганию насущных проблем городской и региональной буржуазии. Общественная деятельность купечества интересна тем что можно проследить веками выработавшиеся ценностные ориентации и представления данного сословия несмотря на разницу традиционных норм поведения, мышления, поликонфессиональную и полиэтничную принадлежность участников.

Ключевые слова: Степной край, купечество, городская дума, комитеты, гильдия, льгота, благотворительность.

A. Kereybaeva

Public activities of entrepreneurs Steppe Territory second half XIX- beginning of the XX century, in the context of Russia's state policy: historiographical aspect

Results of research of history of public work of businessmen of Steppes of the second half of XIX and the beginning of the XX th century are covered in this article. Public work of businessmen is the concrete historical social phenomenon of this period. Public work of businessmen it is necessary to consider as the typical phenomenon of public life of the region which concerned her many parties. One of the important parties of public work of merchants is participation in work of bodies of a municipal government. Bodies of municipal public government represented the interests of enterprise segments of the population as the majority of vowels in a municipal government was made by businessmen that has led to direct promotion of pressing problems of the city and regional bourgeoisie. Public work of merchants is interesting that it is possible to track for centuries the developed valuable orientations and representations of this estate despite a difference of traditional standards of behavior, thinking, polyconfessional and multiethnic accessory of participants.

Keywords: The steppe region, merchants, City Council, committees, guild, privilege, charity

Одной из актуальных проблем изучения истории предпринимательской деятельности купечества считается общественная деятельность купечества Степного края второй половины XIX и начала XX века, являвшегося важнейшим региональным рынком всероссийской экономики. Общественная деятельность купечества второй половины XIX и начала XX века в отечественной историографии долгое время рассматривалась весьма односторонне, часто негативно. Новейшие исследования показали, что представители купеческого сословия играли решающую роль, как в экономической, так и в общественной жизни Степного края и Сибири, оказывая значительное влияние на благосостояние и общественно-культурный облик городов Азиатской России.

В своей монографии «Сибирское купечество в XVIII-первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа» один из ведущих специалистов в этой сфере В.Н. Разгон, рассмотрел содержание и сущностные черты предпринимательской деятельности купечества, которые

определялись не только характерными для рассматриваемой эпохи экономическими и политическими условиями, но и системой материальных и духовных ценностей, интересов и потребностей купечества, определявших его социально-психологический облик, а также его мировоззрением и строем мышления, в формировании которых важную роль играли не только реалии конкретного исторического периода, но и сложившиеся в результате предшествующего развития обычаи и традиции [1, с. 611].

Одним из путей включения предпринимателей Степного края в активную общественную жизнь стали реформы по формированию городского самоуправления. Во второй половине XIX века, по мнению историков, мощный толчок развитию общественной деятельности купцов дала прежде всего реформа 1870 г. Одной из форм общественной деятельности купцов было участие в управлении городами Степного края. В соответствии с реформой 1870 г., в городах учреждались городские самоуправления. Возглавлял и думу, и управу городской голова. Круг избирателей определялся имущественным цензом и, естественно, не только в составе избирателей, но и тем более среди гласных преобладали состоятельные горожане. Доля купцов была особенно значительной в составах дум торговых центров. Городовое положение 1892 г., которое увеличивало имущественный ценз избирателей и одновременно сокращало их число, также определило в ряде городов купеческий состав органов городского самоуправления. Органы городского самоуправления фактически стали представительными органами местной буржуазии [2].

Вторая половина XIX века стала благоприятной для общественной деятельности купечества и Степного края. Хотя об общественной деятельности купечества имеются противоречивые мнения авторов. Так, О.А. Сутягина в своей диссертации «Деловой и социокультурный облик сибирского купечества в XIX веке» рассматривая общественную деятельность купцов, ссылается на мнение ряда исследователей, где городское самоуправление регулярно менялось, из-за нехватки местного чиновничества и почти полного отсутствия потомственного дворянства, неизменным оставалась ведущая роль купечества в органах местного самоуправления. Купцы исполняли многие общественные должности, они избирались в городскую думу, суды, комитеты общественного призрения и другие присутствия, находившиеся в ведении местных органов [3, с. 133]. Г.Т. Мусабалина в своей диссертации «Общественно-политическая жизнь Восточного Казахстана в 19 веке: исторический анализ» указывает на отсутствие грамотности некоторых купцов, где не все представители купечества могли заняться общественными делами «у многих купцов для этого не хватало кругозора и элементарной грамотности. Так, грамотность купцов и почетных граждан в доле грамотного населения Семипалатинской области, по данным переписи населения 1897 г., составила 46,7%» [4, с. 212].

Однако в статье ведущих историков В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова «Купечество Сибири второй половины XIX в.» имеются сведения, что неграмотность в купеческой среде в основном имела место в первой половине XIX в. И как отмечается далее авторами статьи отношение купцов к образованию менялось с течением времени. Где в конце XIX в. гильдейцы стараются дать своим детям образование, в том числе и высшее. Рост общей грамотности и специальной подготовки в деле коммерции позитивно влияли и на характер предпринимательства. Так, более грамотные купцы были, как правило, инициаторами переоборудования своих промышленных предприятий, применения новинок техники, более цивилизованно вели и торговые дела [2].

Автор диссертации «Меценатство в Казахстане (XIX - XX вв.): исторический анализ» Е.А. Ненашева, дает точные сведения о грамотности купцов, которые позволили сделать ей вывод, что : «в большинстве купцы были грамотными, читали книги и периодику, как правило, владели двумя-тремя языками, ибо успех торговой и предпринимательской деятельности в уезде, где подавляющая часть населения не знала русского языка, зависел от знания местного языка. Многие казаки-купцы, особенно

старожилы, не говоря уже о тюркоязычных татарах и узбеках, свободно разговаривали на казахском языке». (5, стр. 62) В работе автора можно найти характеристику крупного семипалатинского купца Плещеева, который, по мнению автора, благодаря своей амбициозности сыграл решающую роль в развитии общественной и благотворительной деятельности [5, с. 59].

Подтверждением этих выводов и оценок служат выявленные автором данной публикации архивные дела, которые содержат развернутые характеристики купцов. Одним из таких источников является отношение Министерства торговли и промышленности степному генерал-губернатору, где есть сведения про сыновей купца Матвея Кубрина - акмолинских купцов 1-гильдии Василия и Константина. Василий и Константин, в оценках чиновников, вели крупную торговлю в Акмолинске и Атбасаре и считались людьми состоятельными «...Купцы, обладают нравственными качествами, ни в чем предосудительном замешаны не были и в политическом отношении благонадежны» [6, с. 14-15].

Общественная активность предпринимателей была напрямую связана с политикой государства, которое было заинтересовано в дальнейшем экономическом освоении региона. Для развития городов, инфраструктуры края государство сформировало послабления в налоговой политике региональному отряду предпринимателей, рассматривая их одним из двигателей развития экономики края.

В частности региональные предприниматели сыграли большую роль в развитии городов и городского самоуправления в отдаленных уголках Степного края, приграничных территориях и т.д. Купцы переселялись в отдаленные территории Степного края, которые лежали на пути международной торговли с Китаем и Монголией. Они вели торговлю, внедряя рыночные отношения и содействовали развитию обустройства отдаленных территорий, расширяя строительство городов. Для переселения купцов в эти регионы 1 ноября 1858 г. было утверждено положение Сибирского комитета о льготах для купцов, мещан и цеховых городов Аягуза, Кокпектов и Копала; их освобождали от гильдейских пошлин и государственных повинностей в течение 10 лет. Причислившись в эти города, купцы и мещане, должны были завести оседлость, т.е. приобрести дом с надворными строениями и производить торговлю без платежа гильдейских пошлин в объеме, предоставленном купцам 1 гильдии в 2000 р., 2 гильдии в 1000 р. и 3 гильдии в 400 р. В положении рассматривалась возможность воспользоваться льготой тем купцам и мещанам, которые были причислены до утверждения положения, только если они вновь выстроят новые дома, для заселения этих городов другими лицами [7, с. 4-7].

Об общественной деятельности купцов городов Степного края свидетельствует анализ состава органов общественного самоуправления ведущих городов Степного края городов Семипалатинск, Павлодар, Усть-Каменогорск и Зайсан. Они всецело находились в руках купцов. Например, выборы в Павлодарскую городскую думу 9 июля 1875 г. привели в органы самоуправления 9 павлодарских купцов 2-й гильдии и 4 купца 2-й гильдии которые были временно в этом сословии. По подсчетам автора купцы составляли 47% [8, с. 50].

Личный состав Усть-Каменогорской Городской Думы Семипалатинской области за четырехлетие с 1908 г. состояла из 5 православных купцов и 1 мусульманин [9, с. 14-л. 17]. Имеются сведения о личном составе Зайсанского городского общественного управления в четырехлетие 1908-1912 гг. в городе в должности городского старосты был Казаринов Филипп Петрович, православный, купец 2 гильдии [9, с. 9-9 об].

Значительный материал об общественной деятельности купцов содержится в архивных делах региональных архивов. Так городская дума города Семипалатинска в четырехлетие 1898 по 1901 г. состояла из 18 гласных. Из них многие занимались общественной деятельностью и состояли во многих общественных и благотворительных организациях, членами и попечителями разных комитетов. К примеру, Григорий Иванович Ложкин состоял членом ярмарочного отделения государственного банка

в городе Ирбит. Если рассматривать по конфессиональному составу, то из 18 купцов 13 были православными и 5 купцов мусульманского вероисповедания [10, с. 5 об - 46].

Органы самоуправления городов, в которые преобладали купцы, вели учет жителей города, выдавали свидетельства на торговлю, проверяли торговые заведения и промыслы, отводили землю для постройки частных домов, промышленных и торговых заведений, и тем самым, контролировали предпринимательство края. Возглавлял работу организации местного самоуправления городской голова, который избирался, как правило, из наиболее авторитетных купцов и промышленников. Но благодаря участию в органах самоуправления, купечество, по-прежнему, сохраняло ряд привилегий; посредством участия в самоуправлении воздействовало на правительство через представительные организации. По мере расширения масштабов и усложнения форм хозяйственной деятельности, купеческая сословная группа начала объединять представителей всех форм и видов предпринимательской деятельности [11, с. 122].

По поводу работы купцов Степного края в органах городского самоуправления интересна мысль автора статьи Г.Т. Мусабалиной «Купцы и мещане в общественно-политической жизни Семипалатинской области во второй половине XIX века», где участие купечества в органах городского самоуправления рассматривалось только как инструмент распределения и сбора налогов. Сословие купцов не обладало политическими правами, а их участие в местном самоуправлении еще не свидетельствовало об обладании достаточными гражданскими правами [12, с. 36]. Но, несмотря на это экономическая сила, материальные возможности купечества в некоторой степени ставили местную бюрократию и городское мещанство в зависимость от него. Верхушка местного купечества пользовалась большим авторитетом и «влиянием на общество» [13, с. 135].

Таким образом, роль степного купечества в общественной, политической и культурной жизни региона разными авторами оценивалась по-разному. В силу этого можно найти ряд как позитивных, так негативных характеристик купечества - «темного царства», полезность которого постоянно возрастала. Собранный материал позволяет сделать вывод об особой, ведущей роли купечества, которое, независимо от этнической принадлежности или конфессиональных предпочтений, внесло значительный вклад в развитие городов Степного края.

Библиографический список

1. Разгон, В. Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. : региональный аспект предпринимательства традиционного типа / В. Н. Разгон. – Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 1999. – 657 с.
2. Скубневский, В. А. Купечество Сибири второй половины XIX в. [Электронный ресурс] / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров // Сибирская заимка. – Электрон. журн. – URL: <http://zaimka.ru/skubnevsky-merchants/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 14.04.2016).
3. Сутягина, О. А. Деловой и социокультурный облик сибирского купечества в XIX веке / О. А. Сутягина. – Томск, 2010.
4. Мусабалина, Г. Т. Общественно-политическая жизнь Восточного Казахстана в 19 веке: исторический анализ / Г. Т. Мусабалина. – Алматы, 2010.
5. Ненашева, Е. А. Меценатство в Казахстане (XIX–XX вв.) : исторический анализ / Е. А. Ненашева. – Алматы, 2007.

6. ЦГА РК. – Ф. 369. – Оп. 1. – Кн. 2. – Д. 3031.
7. ЦГА РК. – Ф. – 15. – Оп. 1. – Д. 30.
8. Дюсебаева, Г. К. История города Павлодара: социально-экономическое, культурное и политическое развитие (1720 – октябрь 1917 гг.) / Г. К. Дюсебаева. – Алматы, 2010.
9. ЦГА РК. – Ф. 15. – Оп. 3. – Д. 5.
10. ЦГА РК. – Ф. 15. – Оп. 3. – Д. 3.
11. Мамытова, С. Н. История развития предпринимательства в Прииртышье во второй половине 19 – начале 20 века / С. Н. Мамытова. – Павлодар, 2004.
12. Мусабалина, Г. Т. Купцы и мещане в общественно-политической жизни Семипалатинской области во второй половине XIX в. / Г. Т. Мусабалина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 2. – С. 34–38.
13. Жиров, А. А. Купечество Тары во второй половине XVIII – начале XX в. (к характеристике специфических черт провинциального купечества Сибири) / А. А. Жиров // Актуальные вопросы истории Сибири : вторые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина, 6–7 октября 1999 г. – Барнаул, 2000. – С. 130–135.

В.Р. Кладова

Евреи на Алтае: история формирования и основные черты общины в первой трети XX в.

История еврейской общины на Алтае — малоизученная тема, усилиями Ю.М. Гончарова изучены лишь ее отдельные социальные аспекты в ретроспективе XIX — начала XX вв. В данной статье на основе рассекреченных архивных материалов о репрессированных народах рассматриваются некоторые особенности жизни евреев в алтайской глубинке России/СССР в позднеимперский и раннесоветский период.

Ключевые слова: евреи, Алтай, сионисты, национальная политика.

V.R. Kladova

Jews in Altai: the formation and main features of community in the first third of XX

The history of Jewish community in Altai is ill-explored topic – by now only some social dimensions of this thematic within time-frame of XIX-early XX were studied due efforts of Yu.M. Goncharov. This paper is focused on some features of Jewish life in Altai provincial backwoods in late imperial and early Soviet times.

Keywords: Jews, Altai, Zionists, nationalities politics.

История формирования на Алтае еврейской общины — важная, но до сих пор малоизученная тема. Специальных исследований или даже статистических материалов о переселении евреев на Алтай не было до конца XIX в. - лишь в 1894 г. был опубликован сборник о населении 133 поселков Барнаульского, Бийского и Кузнецкого округов, в котором содержались и данные о евреях. Согласно этим данным, в 1895 г. в Барнауле проживало 19 евреев, в 1897 г. — 25, всего же в Барнаульском округе насчитывалось 213 евреев. Их численность не была стабильной: в 1904 г. в Барнауле — 56 евреев, в 1910 г. — только 38 [7. С. 2]. В 1910 г. в Барнауле уже имелось еврейское кладбище, а в 1913 г. - и синагога. Известно, что в 1917 г. барнаульским раввином был Магарик.

Современные исследования истории еврейских общин запада и востока Сибири хронологически редко выходят за пределы XIX в., и в них практически не уделяется внимание евреям Алтая [4, 5], хотя рассекреченные в 1990-е и 2000-е гг. материалы репрессивных кампаний и другие данные конца 1930-х гг. позволяют пролить свет на многие эпизоды и стороны жизни евреев российского приграничья, в том числе и его алтайскому сегменту.

В Российской империи на евреев налагались значительные ограничения, касающиеся их профессий в предпринимательской деятельности. По данным переписи 1897 г., профессиональный состав сибирских евреев выглядел следующим образом: занятых торговлей 3792 чел., в промышленности 2810, сельском хозяйстве — 825, извозе — 585, прислуги и поденщиков — 507, на государственной, общественной службе и свободных профессий — 322, неопределенных профессий — 713, в армии — 446. Вплоть до Октябрьского переворота 1917 г. профессиональный состав еврейского населения Сибири подвергался незначительным изменениям, но менялась его социальная структура - значительно увеличился процент служащих и наемных рабочих, главным образом, из бывших каторжан и ссыльно-поселенцев [6. С. 31].

На первых порах главной задачей еврейских переселенцев было выживание, добыча средств к существованию, включение в местную экономику. Но законодательные ограничения рода занятий оставляли им практически одну социально-производственную нишу «торгового меньшинства». Однако

в городах Алтая (Барнаул, Бийск, Колывань, Кузнецк) евреи были лишены даже такой возможности - до конца XIX в. на территории округа, который находился в собственности императорского Кабинета (то есть, по существу, царской семьи), было запрещено не только причислять евреев к городским обществам, но даже временно проживать в городской черте. Здесь могли проживать только еврей-врачи и отставные солдаты, но во всяком правиле были и исключения - так, среди колыванских купцов, получивших гильдейские свидетельства, значились Ш. Шмулевич и Л. Лейбович [4. С. 71].

Экономическая специализация сибирских евреев, их посредническая деятельность, постоянные контакты с нееврейским населением, удаленность от черты оседлости — все это способствовало их национальному обезличиванию. Но многие евреи считали гарантией сохранения своей культуры и национальной самобытности свою связь с иудаизмом и синагогой. Религиозные традиции поддерживались и в домашних условиях: евреи молились, использовали кошерную пищу, соблюдали посты и пр. В еврейской среде Сибири были редки смешанные браки и переход в другие конфессии, но карьерные соображения, в том числе желание получить высшее образование, толкали еврейскую молодежь в лоно других религий — христианство, а также лютеранство.

Основную массу евреев в Сибири и на Алтае в дореволюционный период составляли ссыльные или бывшие каторжане. Характерной чертой еврейской общины было стремление помочь своим соотечественникам через различные филантропические организации: богадельни, благотворительные общества, бесплатные начальные школы и пр. Среди евреев были популярны и идеи сионизма - организации такого толка возникли почти во всех сибирских городах. В их работе участвовали еврейские рабочие, служащие, а также учащаяся молодежь. Сионизм был популярен и на Алтае, в частности, в Бийске. В Барнауле создан сионистский кружок «Кадим», а позднее и его детское отделение «Молодой кадим».

С установлением Советской власти у евреев и в центре, и на периферии появились новые возможности, связанные с промышленным строительством, развитием инфраструктуры и пр. На экономическое развитие Алтайской губернии того времени повлияло окончание строительства Туркестано-Сибирской железной дороги - для переработки среднеазиатского хлопка был сооружен Барнаульский меланжевый комбинат, в Барнауле, Бийске, Камне-на-Оби построены элеваторы, в Бийске и Алейске – сахарные заводы, в Бийске, Рубцовске и Пospelихе – мясокомбинаты. Но экономические успехи достигались усиленной эксплуатацией населения, - кроме того, молодое советское государство развивалось в условиях враждебного международно-политического окружения. Эти и другие факторы, в том числе складывание в СССР тоталитарного режима, влияли на внутрисоциальную атмосферу в стране, которая к концу 1930-х гг. выразилась в репрессиях властей относительно «неблагонадежных» групп, в числе которых оказались и евреи. Так, в 1920-е - 1930-е гг. в Барнауле проживали евреи, высланные из центральной и западных областей СССР - всего 262. Тогда же начала формироваться еврейская община в Рубцовске, - одними из первых её представителей стали Моисей Израилевич Фугенфиров и Шая Оболович Новгород, причем Фугенфиров с осени 1922 г. был назначен на должность председателя Рубцовского исполкома. Ш.Новгород - по основной профессии часовых дел мастер, работал здесь же завхозом, но вскоре уехал на Урал [1. Оп.2. Д. 2914]. Евреи трудились в различных подразделениях рубцовской администрации – например, в финотделе с конца 1926 г. служил Григорий Ефимович Зильберштейн – уроженец Киева и профессионал типографского дела. Оказавшись в Рубцовске, он сначала работал в центральной ревизионной комиссии, откуда был уволен по сокращению штатов, но затем устроился на должность фининспектора. Марк Эфраимович Слонимчик, уроженец Борисова, преподавал физику в одной из рубцовских школ. Выходец из Смоленщины Ф. Лепржицкий после окончания 2-го Московского государственного университета был направлен на работу в Рубцовский отдел народного образования, и таких примеров профессионально-

карьерного профиля было немало.

В период с 1927 по 1930 гг. в окружном отделе здравоохранения и медицинских учреждениях города на различных должностях находились Иосиф Львович Фефер, до 1929 г. заведующий окрздравотделом, Абрам Лейбович Фельдбербаум, в 1930 г. заведовавший городской амбулаторией. Исай Юдович Плацман с 1927 по 1929 гг. последовательно продвигался от заведующего кожно-венерической амбулаторией до заместителя заведующего окрздравотдела и заведующего кожвендиспансером, врачами трудились Тольда Гинхисовна Ботвинник и Илья Исаевич Розенфельд [3. С. 187]. Исай Юдович Плацман родился в 1896 г. в городе Омске в семье мещанина. Получив первоначальное домашнее образование, в 1917 г. он окончил Омскую гимназию, а осенью 1917 стал студентом медицинского факультета Томского университета, однако через год был призван в армию Колчака фельдшером. Позднее служил и в Красной Армии, осенью 1920 г. демобилизовался и был откомандирован в Томск для продолжения учебы. Во время учебы И. Плацман активно занимался общественной работой: он являлся председателем венерической секции при санитарно-просветительском кружке, членом академического комитета профкома. В 1927 г. он с двумя сестрами переехал в Рубцовск, где благодаря его усилиям был открыт вендиспансер.

Евреи трудились и в артелях, входящих в Рубцовский промышленный союз. Должность старшего мастера шапочного цеха артели «8 марта» занимал Михаил Клинштейн, в этом цехе работали и его родственники. Так получилось, что между М. Клинштейном и членами правления союза возник конфликт, разгоревшийся из-за критической заметки, опубликованной в газете «Сменная коммуна» от 5 октября 1930 г. «Когда мы приехали в Рубцовку, то нам сказали: жида приехали... Мы любили работу, а потому мы и вредители» - жаловался Клинштейн [3. С. 188].

Евреи составляли также заметную группу среди рубцовских ссыльнопоселенцев и административных ссыльных. Эта категория возникла в результате внутрипартийной борьбы в большевистской партии в период раннего сталинизма. В этот период начинает складываться Рубцовская колония ссыльных, состоявшая из людей разных национальностей, среди них были Александр Юльевич Абрамский, Яков Моисеевич Антокольский, Гирш Давыдович Шильнер, Юда Мордохович, Иосиф Соломонович Брайнин [2. Оп. 7. Д. 5806. Л. 8].

В 1930-е гг. начинается наступление властей на культуру национальных меньшинств – так, у издательств, работавших на иврите, было конфисковано полиграфическое оборудование, прессы и шрифты. В это же время были закрыты тысячи синагог и молитвенных домов, еврейские религиозные школы и училища; полностью прекратилась публикация религиозной литературы, даже самой необходимой (например, календарей).

Но культурно-идеологические ограничения, а потом и репрессии, имевшие выраженную этническую окраску, не могли перечеркнуть тот вклад, который внесли в социально-хозяйственную жизнь российской азиатской глубинки евреи. Будучи явным меньшинством, они вопреки неблагоприятным политическим, природно-климатическим и прочим условиям, уже за два-три десятилетия жизни на Алтае сумели занять немногочисленные, но важные функциональные и профессиональные ниши, но репрессии конца 1930-х гг. заставили писать историю местной еврейской общины с чистого листа.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края. Ф. П-34
2. Центр специальной документации Государственного архива Алтайского края. Ф. Р-2.

3. Гладких А.И. Этно-социальная структура Рубцовска в 1920 -1930-е гг.: Азиатский компонент// Четвертые Востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Барнаул: БГПУ, 2002
4. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX –начало XX в.) / Ю.М. Гончаров. – Барнаул : АЗБУКА, 2013. – С.73.
5. Кальмина Л.В. Евреи Восточной Сибири: «духовная территория» (середина XIXв. – 1917 г.) / Л.М. Кальмина. - Красноярск, 2002. – С. 10.
6. Турецкий Г.Б. Евреи в Сибири / Г.Б. Турецкий //Культура и образование национальных меньшинств в Сибири. - 1997
7. Швецов С.П. Переселенцы на Алтае: Результаты статистического исследования мест водворения переселенцев в Алтайском округе в 1894г. / С.П. Швецов// Алтайский сборник. - 1899. -Т. 4.- Вып. 1. - С.2.

Ю.А. Крейдун

Иконы Афонского письма в истории православия на Алтае

Иконы – важная часть ритуально-обрядовой стороны православия. В данной статье рассматривается судьба чудотворных святынь – икон, выполненных в определенном (афонском) стиле и вывезенных на Алтай по запросам местных верующих, как коллективное решение прихожан православных храмов. История каждой такой иконы – это история христианства на Алтае.

Ключевые слова: православие, чудотворные иконы, иконы афонского письма, Алтай, Афон.

Y.A. Kreydun

Icons of Afon letters in the history of orthodoxy in Altai

Icons – an important part of the ritual and ceremonial side of orthodoxy. This article discusses the fate of the miraculous relics - icons executed in a certain (Athos) style and exported to the Altai at the request of local believers, as the Collective decision parishioners of Orthodox churches. History kaddzhoy such icons - is the story of Chris towards Chris

Keywords: orthodoxy, miracle-working icons, icons athos, Altai, Athos.

Начиная с XVII столетия, Сибирь стала одним из главных районов миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. Её огромная территория постепенно осваивалась переселенцами, шедшими вслед за казачьими отрядами, землепроходцами и мореходами. Одновременно с присоединением Сибири к Русскому государству началось и распространение здесь Православия. В отряде Ермака во время похода в сибирские земли (1580-1581 гг.) было трое священников и монах. В 1620 г. здесь была образована первая епархия – Тобольская - во главе с архиепископом Киприаном (Старорусенковым). В 1604 г. был построен Томский городок, в 1618 г. в верхнем течении реки Томи выросло новое укрепление – Кузнецкий острог (крепость, ныне город Новокузнецк Кемеровской области). Началось практическое освоение предгорных районов Алтая и Саян.

Организация приходских общин, строительство храмов формировало административную основу для деятельности Русской православной церкви в регионе. Постепенно росло число прихожан не только за счет новоприбывающих русских переселенцев, но и в связи с принятием крещения коренными жителями.

Традиции Православия охватывают разные стороны жизни верующих. Это не только вопросы духовной практики (молитва, богослужение, посты), но и обыденная жизнь человека: работа, досуг, преодоление природных катаклизмов. В этой связи представляет особый интерес описание явления чудотворных икон и иных святынь, к которым верующие стремились прибегать в моменты серьезных опасностей и затруднений. Причем, данное явление носило как индивидуальный, так и общественный характер, в зависимости от возникающих обстоятельств.

Большую часть особо почитаемых – чудотворных – икон в XIX – начале XX века представляли собой образы, написанные на греческом полуострове Афон по заказу верующих Алтая. Полуостров Афон, иногда именуемый как Святая гора представляет собой комплекс исключительно мужских православных монастырей, расположенных на небольшом полуострове в Эгейском море.

Первая афонская икона прибыла на Алтай в 1879 г. [3, С. 18] Это было связано с празднованием в 1880 г. пятидесятилетия Алтайской духовной миссии. Икона великомученика Пантелеимона с частицей мощей была передана в дар алтайским миссионерам [8, С. 16]. Встреча этой иконы сопровождалась

грандиозным многокилометровым шествием от Томска до Увалы (ныне г. Горно-Алтайск). С этого момента начинается практика ежегодного хождения с иконой Великомученика по городам и весям Алтая. Следующий крестный ход начался уже весной 1881 г. Она была вынесена из Увалы в начале мая, и, обойдя миссионерские селения Чемальского, Мыютинского, Урскульского, Катандинского и Черно-Ануйского отделений с близ лежащими к ним русскими деревнями, возвратилась обратно в Увалу только к концу июня. Таким образом, афонская святыня была пронесена через большинство отделений Алтайской духовной миссии. В отчете миссии особо отмечается вызванный этим событием духовный подъем среди новокрещеных алтайцев. «Все встречали св. образ с великой радостью и благоговением; некоторые выходили и выезжали на встречу за несколько десятков верст, и каждый при встрече с св. образом падал ниц на дорогу, дабы образ был пронесен чрез него; для этой цели ложились иногда по несколько десятков сразу, так что дорога на далекое расстояние покрывалась сплошной массой людей» [9, С. 306]. Во всех посещенных селениях было отслужено множество молебнов. Каждый считал своей обязанностью пригласить святыню в свой дом и «по своему усердию положить к иконе какой-нибудь приклад» [5, С. 9], который состоял, в основном из разных бытовых вещей: холста, платков, платьев, ниток, кусков бумажных и шерстяных материй и тому подобного. Все собранные таким образом материалы шли на нужды новокрещеных, например, из собранной холщовой материи делалось белье для «крещающихся» в отдаленных станах Миссии.

Следует особо подчеркнуть, что случаи особенного душевного и духовного подъема отмечались не только среди православных, но и в среде некрещеных алтайцев. Так, например, живший в том же Ильинском селении некрещеный Епрышев, долгие годы не принимавший крещение, после встречи иконы выразил желание креститься.

В начале 1880-х гг. в Увалское отделение Алтайской духовной миссии прибыла еще одна Афонская святыня – икона святителя Николая Чудотворца, ставшая главной иконой женского монастыря. Увалинский женский монастырь был первой монашеской обителью Алтая. В 1858 г. одиннадцать вдов и девиц пожелали жить иноческой жизнью. Уже через несколько лет, в 1863 г. вышел указ Его Императорского Величества об официальном открытии Увалинской женской общины новокрещеных на Алтае. Община постепенно разрасталась. В 1881 г. была преобразована в общежительный монастырь.

Икона святителя Николая, писанная на Афоне, ежегодно привлекала в Увалу множество богомольцев. Монастырь принимал паломников, приходящих помолиться у иконы. Паломники прибывали из разных, в том числе отдаленных мест: «Во всякое время года, даже зимой, можно встретить пред этими образами богомольцев из самых дальних мест» [1, С. 615]. На архиерейское богослужение в престольный праздник 9 мая в монастырь прибывало до 10 тысяч богомольцев.

Большое количество паломников свидетельствовало о почитании иконы, что подкреплялось случаями скорого исцеления больных. Так, по свидетельству игуменьи Серафимы (Поповой) и священника монастыря, 12 числа 1888 г. здесь получил исцеление от немоты крестьянин села Новиковского Бийского округа деревни Лебяжьей Василий Лазарев Коковин. Он внезапно онемел. Через 10 дней решил совершить паломничество в Иконе. «В ночь предшествовавшую дню исцеления, Коковин был в сонном видении вразумлен, за какие грехи наказан он немотой и предупрежден, что получит исцеление во время молебна. Последнее исполнилось к великой радости немотствовавшего» [7, С. 10].

Таким образом, первые иконы афонского письма, а именно, «дар отшельников Афона насельникам Алтая» – икона великомученика и целителя Пантелеимона с частицей мощей и икона святителя Николая Мирликийского, - сделали Алтай местом, куда стали приезжать богомольцы со многих регионов Сибири. Особое почитание этих икон, написанных на Афоне, привело к зарождению на

Алтае церковной традиции – заказа у афонских иконописцев новых икон для приходских храмов.

В 1887 г. по ходатайству начальника миссии Святогорская обитель великомученика Пантелеимона передала в дар Бийскому центральному пункту миссии новую икону с частицей мощей великомученика Пантелеимона [6, С. 21]. После прибытия иконы в город Бийск 27 сентября здесь состоялся торжественный крестный ход с перенесением иконы великомученика Пантелеимона, из Архиерейской домово́й церкви в Троицкий собор. Шествия со всенародно почитаемой святыней по свидетельству духовенства вызывали «небывалый подъем религиозного духа, который благотворным образом воздействовал» и на старообрядцев, проживавших в посещаемых приходах.

Весной 1888 г. в г. Барнаул со Святой горы Афон прибыла икона великомученика Пантелеимона, предназначенная для Павловской Введенской церкви. Приобретена она была стараниями местного благотворителя И.С. Удонова «в память чудесного спасения жизни наследника цесаревича Николая Александровича в Отсу» [4, С. 18].

В одной из статей Томских епархиальных ведомостей очень подробно и красочно описан крестный ход, сопровождавший икону из Барнаула в Павловск. Получив известие о прибытии иконы в Барнаул, Павловские жители выразили желание крестным ходом принести икону из Барнаула. 14-16 мая с участием многочисленных прихожан Барнаула, Павловского и других населенных пунктов были проведены всенощное бдение, литургия, молебны, пеший крестный ход. Особенно яркой была встреча иконы в Павловском. В час по полуночи при колокольном звоне, с крестным ходом икона великомученика Пантелеимона была торжественно внесена в Павловскую церковь, где оставалась до закрытия храма. Практически все жители села были на богослужении. Описанные события ярко свидетельствуют о значительном народном воодушевлении, вызванном Святыней с горы Афон.

Подобная картина наблюдалась при встрече икон афонского письма в других, более мелких населенных пунктах Алтая. Так в современном райцентре Курья в 1892 г., в память избавления от свирепствовавшей тогда во многих уездах Томской губернии эпидемии холеры – была приобретена афонская икона великомученика и целителя Пантелеимона [2, С. 26]. Ежегодно, в день памяти великомученика Пантелеимона – 27 июля/9 августа – в село Курьинское стекалось множество паломников, многие шли пешком из отдаленных мест, нередко можно было видеть женщин с больными детьми на руках, которые «стремились поклониться и облобызать св. икону в чаянии помощи в недугах своих от изображенного на ней св. угодника Божия». Не менее показательны события в с. Михайловском (ныне Усть-Калманского района) в 1901-1902 гг., связанные с заказом иконы мучеников Трифона, Евстафия и Иулиана. В данном случае речь шла о нашествии саранчи. В 1903 г. новописанную икону жителя Михайловского от Бийска пронесли на руках. К ним присоединились казаки станицы Слюденской, которые встречали икону Скоропослушницы, также заказанную на Афоне. Интересно, что упомянутая икона мучеников Трифона, Евстафия и Иулиана сохранилась и находится ныне в Знаменском женском монастыре.

Таким образом, архивные документы конца XIX – начала XX века подтверждают тенденцию особого почитания икон, писанных на Святой горе Афон. Заказ таких икон осуществлялся преимущественно на общих сходах и являлся коллективным решением прихожан православных храмов. Встреча афонских икон становилась значимым событием в жизни селений и городов и сопровождалась массовыми празднествами и многокилометровыми крестными ходами, в которых по собственному желанию стремились принять участие значительная часть прихожан. Присутствие чтимых икон в храмах сопровождалось глубоким молитвенным почитанием, выражавшемся в служении молебнов, паломничестве и регулярных крестных ходах, которые было особенно часты в периоды природных катаклизмов и других бедствий.

Библиографический список

1. Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России / сост. А. Вознесенский, Ф. Гусев. – Санкт-Петербург, 1899.
2. Известия и заметки. Икона святого великомученика и целителя Пантелеимона в храме села Курьинского, Змеиногорского уезда, Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. – 1902. – № 9. – С. 26–27. Неоф. отд.
3. Обзорение епархии Его Преосвященством, Преосвященнейшим Макарием, Епископом Томским и Барнаульским // Томские епархиальные ведомости. – 1900. – № 24. – С. 18. Неоф.отд.
4. Овсянников, М. С. Павловское Барнаульского округа / М. Овсянников // Томские епархиальные ведомости. – 1896. – № 3. – С. 18–23. Неоф. отд.
5. Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской Епархии за 1884 г. // Томские епархиальные ведомости. – 1885. – № 11. – С. 9. Неоф. отд.
6. Отчет Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 год // Томские епархиальные ведомости. – 1888. – № 7. – С. 21–22. Неоф. отд.
7. Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1888 год // Томские епархиальные ведомости. – 1889. – № 5. – С. 10. Неоф. отд.
8. Речь произнесенная 13-го марта 1880 г. Начальником Алтайской духовной миссии, архимандритом Владимиром, в Томском кафедральном соборе, при наречении его во Епископа Бийского, Викария Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. – 1880. – № 1. – С. 16. Неоф.отд.
9. Синьковский, Ф. Записки Алтайского миссионера за 1881 год / Ф. Синьковский // Томские епархиальные ведомости. – 1882. – № 11. – С. 306–307. Неоф. отд.

Г.Е. Мамаева

История депортации чеченцев и ингушей в Южно-Казахстанскую область на материалах региональных архивов

В статье на материалах Шымкентского регионального архива Республики Казахстан воспроизводятся эпизоды депортации чеченцев и ингушей с Кавказа в Южно-Казахстанскую область, а также трудная история их возвращения на историческую родину, в том числе оседания части репрессированных на казахстанской земле.

Ключевые слова: региональный архив источники, депортация, чеченцы, ингуши

G.Y. Mamyeva

The history of Chechens and Ingush's deportation to the South Kazakhstan area in regional archives materials

The article on the materials of the Shymkent regional archive of the Republic of Kazakhstan played episodes Operation Lentil from the Caucasus to the South Kazakhstan region, as well as the difficult history of their return to their historical homeland, including the settling of the repressed on the Kazakh land.

Keywords: regional archive sources, deportations, Chechens, Ingush.

23 февраля 1944 года практически все ингуши и чеченцы были насильственно депортированы из мест постоянного проживания. Этот день вошел в историю вайнахов как День всенародной скорби по жертвам репрессий [1]. Большинство из них было выселено в Казахстан.

Ценные источники по истории депортированных народов содержатся в региональных архивах. Так, например, в Шымкентском региональном государственном архиве имеются документы, в которых освещается история депортированных народов – чеченцев и ингушей.

В фондах архива представлены справки, докладные записки, сообщения о хозяйственно-бытовом устройстве спецпереселенцев по Южно-Казахстанской области за 1944-1945 годы; переписка обкома партии с вышестоящими советскими, партийными органами о партийно-организационной, хозяйственной работе за 1954 год; переписка обкома партии с горюками, райкомами партии; документы о бывших спецпереселенцах по Южно-Казахстанской области 1956-1957 годы; справки, информация, сведения о передовиках сельского хозяйства по Южно-Казахстанской области за 1957 год.

Кроме того имеются протоколы заседания бюро Южно-Казахстанского обкома Коммунистической партии Казахстана за 1945, 1956-1957 годы.

В фондах Южно - Казахстанского облисполкома имеются документы учета населения чечено-ингушской национальности за 1957 год; спецсообщения заместителя начальника Управления НКВД по Южно-Казахстанской области: «Итоги бригад по проверке хозяйственно-трудоустройства спецпереселенцев с Северного Кавказа и Грузии» Ерназарова за 1945; «О хозяйственно-трудоустройстве спецпереселенцев, расселенных в Южно-Казахстанской области по состоянию на 20 июля 1946 год.

Более 80 % спецпереселенцев было вывезено в районы с суровыми климатическими и тяжелейшими жилищно-бытовыми и санитарно-медицинскими условиями[2, с. 26]. Об этом свидетельствует архивный материал: «По состоянию на 15-ое июня 1944 года по Южно-Казахстанской области расселено спецпереселенцев с Северного Кавказа всего семей 12 398, человек 49 491.

Всего учтено трудоспособных спецпереселенцев 16 052 человек, которые трудоустроены:

В совхозах – 6 627 человек.

В колхозах – 6 100 человек.

На предприятиях – 2 123 человек.

В др. объектах и стройках – 1 202 человек.

Приусадебными участками в размере 0,25 га наделено 4 216 семей.

Из спецпереселенцев трудоустроено на предприятиях и совхозах огородами наделено 8661 человек.

В подавляющем большинстве спец. контингент, расселенный в районах области, обеспечен жилой площадью, приспособленной к зимним условиям. Но в ряде районов партийно-советские органы мало уделяют внимания трудовому устройству и созданию жилищно-бытовых условий спецпереселенцам». Так, например, в Бостандыкском районе сложилась следующая ситуация: «В «Аурахматстрое» 896 человек чеченцев живут в палатках, квартирами не обеспечены. Из фондов на июнь месяц с/г питание спецпереселенцев в 560 кг зерна и 126 0кг кукурузы по указанию Райкома и Райисполкома чеченцам не выдали, а израсходовали на общественное питание.

Управляющий – «Аурахматстрою» Пятницкий не принял надлежащих мер к нормальному расселению спецпереселенцев, разместив их в отдельных бараках при большой скученности с нарушением всяких санитарных правил. Вследствие чего вспыхнула эпидемия – тиф, заболело 98 человек, умерло 13 человек. Общественное питание не организовано и кроме того иждивенцев лишили пайка и продуктов питания.

Руководители Райторготдела наряд на госфонд 6 тонн муки распределили только 28 апреля с/года, а крупа 330 кг. Была передана для питания рабочих, занятых на работе шоссейной дороги Бараш – Актаси. Наряду на май месяц был доведен только 20 мая с/года. В силу чего спецпереселенцы питались травой. Зам. управляющего тов. Снегирев на бюро Райкома КП (б)К заявил, что «Аурахматстрой» не намерен изыскивать средства для снабжения рабочих спецпереселенцев, что их всецело должно снабжать государство» [3]. Аналогичная ситуация была и в других районах.

Тотально депортированным народам приписывалось исчезнуть с карты Советского Союза, им создавались условия физического и морального существования, которые неизбежно - и запланировано - должны были привести к исчезновению этих народов [4, с. 9.]. Наверно, так оно бы и случилось, если бы не демократизация советского общества после смерти Сталина. 16 июля 1956 г. вышел указ Президиума Верховного Совета о снятии ограничений с чеченцев и ингушей. Правда, депортированные народы не получили разрешения вернуться на свою родину.

Документы региональных архивов свидетельствуют о том, что власть стремилась «...усилить массово – политическую работу среди карачаев, ингушей и чеченов обеспечивающую закрепление их по месту жительства в колхозах, МТС, на предприятиях и учреждениях, разъясняя им, что снятие ограничений по спецпоселению не влечет за собой право возвращение их на прежнее место жительства до спецпоселения» [5]. Только 9 января 1957 была восстановлена Чечено-Ингушская АССР и дано право чеченцам и ингушам возвращения на свою Родину.

Людям не терпелось вернуться на свою историческую Родину, но и тут были сложности. Теперь уже вновь созданная республика не могла так сразу принять всех желающих[5].

В протоколе № 44 заседания бюро Южно-Казахстанского обкома Коммунистической партии Казахстана от 7 июня 1957 года имеются следующие сведения: «1. Обязать горкомы, райкомы

горрайисполкомы временно приостановить выезд чеченов и ингушей в ЧИАССР. Принять неотложные меры к организации широкой разъяснительной работы среди чечено-ингушского населения о временном прекращении выезда из Казахстана и немедленному возвращению их к местам прежнего места жительства и работы, независимо от того, имеют они или не имеют разрешения на выезд» [7].

Выезд чеченцев и ингушей продолжался до начала 1960-х годов. Но часть их навсегда осталась гражданами Казахстана, восприняв республику как свою Родину[6, с. 49–52.].

Таким образом, анализ документов по данной теме показал, что потенциал региональных архивов огромен в освещении истории депортированных народов и восстановлении картин прошлого.

Библиографический список

1. Чахкиев, Ш. Народ трагической судьбы / Ш. Чахкиев // Қазақстан сарбазы – воин Казахстана. – № 15. – С. 5.
2. Гунашев, А. Чеченцы в Казахстане / А. Гунашев. – Алматы : Дәуір, 2003. – 152 с.
3. ГУ Шымкентский региональный архив. – Ф.40. – Д.40. – Оп. 8. –Л. 1, 2.
4. Кульбаев, Т. С. Депортация / Т. С. Кульбаев, А. Ю. Хегай. – Алматы : Данекер, 2000. – 274 с.
5. ГУ Шымкентский региональный государственный архив. – Ф.1. – Д. 1158. – Оп.1. – Л. 4.
6. От депортации к интеграции : документы и материалы, посвященные 60-летию депортации чеченцев и ингушей в Казахстан / Международный фонд гуманитарной помощи «Нур» ; сост.: Е. М. Грибанова [и др.]. – Алматы : Дәір, 2004. – 256 с.
7. ГУ Шымкентский региональный государственный архив. – Ф. 40. –Д. 3749. – Оп. 9. – Л. 4.

Ж.М. Молдагазина

Восточно-Казахстанская область как экспериментальная площадка трехязычия: перспективы новой языковой политики

Статья посвящена вопросам развития трехязычия в образовательной сфере Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. На основе анализа основных законодательных актов (послание президента, дорожная карта развития трехязычия) и результатов полевых исследований в городе Семей Восточно-Казахстанской области выявлены дальнейшие перспективы введения трехязычия в регионе.

Ключевые слова: Восточно-Казахстанская область, трехязычие, образование, латинизация.

Z.M. Moldagazina

Eastern Kazakhstan prospects as trilingualism testing site: prospects of new language policy

Article is devoted to the questions of the trilingualism in the education of East- Kazakhstan region in the Republic of Kazakhstan. The further prospects of the trilingualism introduction in the region were discovered as the result of the analyses of basic law acts (the message of the president, the road map of the trilingualism development) and the results of the field research in the city of Semey (East Kazakhstan region).

Keywords: East Kazakhstan region, trilingualism, education, latinisation.

14 декабря 2012 года Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев обратился с Посланием к народу Казахстана, где обозначил четкое видение развития страны до 2050 года. Основной целью стратегии является вхождение в 30-ку самых развитых стран мира. В своем послании президент призывает граждан республики к тому, что большое внимание следует уделять уровню образованности: "Образование в течение всей жизни должно стать образом мышления наших граждан. Чтобы стать развитым конкурентоспособным государством, мы должны стать высокообразованной нацией" [1].

В 2007 г. в республике было заявлено о развитии трехязычия (русский, английский и казахский языки), эта программа начала реализовываться в высших учебных заведениях страны. Разработано множество образовательных программ. В настоящий момент Министерство образования и науки Казахстана (МОН РК) рассматривает возможность полного перехода всех классов школ на пятидневное обучение. Переход на пятидневное обучение не единственное нововведение в системе образования. Планируется повсеместное введение трехязычия в школах страны [2].

По ныне действующей конституции 1995 года государственным является казахский язык, русскому присвоен статус языка межнационального общения. Языком свободного общения в стране должен стать английский. Президент Республики Казахстан отмечает, что владение русским языком – это историческое преимущество нации, а знание английского языка сделает граждан страны конкурентоспособными на мировом рынке труда и выведет Казахстан на новый уровень в мировой политике [1].

Для введения трехязычного образования МОН РК разработана "Дорожная карта развития трехязычного образования на 2015-2020 годы". Цель программы - обеспечение поэтапного внедрения трехязычного обучения на всех уровнях образования в Республике Казахстан для повышения его

конкурентоспособности и развития человеческого капитала. Согласно этой программе ученики должны владеть казахским, русским и английским языками настолько свободно, чтобы писать доклады на английском и запросы на казахском. Планируется, что к концу 2022 года старшеклассники республики будут учить химию, физику, информатику и биологию на английском языке, историю Казахстана и географию - на казахском, а всемирную историю - на русском. Первые шаги к полиязычию по всей стране сделают в 2017 году: дети станут учить терминологию на английском языке, а затем несколько лет будут заниматься на факультативных уроках на языке «туманного Альбиона». Схожим образом организуют и изучение казахского и русского языков. Лишь после этого, в 2021 году, в школах введут уроки на трех языках. Чтобы все это работало успешно, в специально выбранных вузах станут готовить педагогов, которые будут преподавать естественно-математические науки на английском языке. Учить таких студентов намерены пять лет.

В такой последовательности будет развиваться полиязычное образование во всех областях Казахстана, кроме Восточно-Казахстанской области. Так как власти этой области загорелись идеей "разговорить" школьников едва только МОН РК озвучило грандиозные планы. Аким региона Данил Ахметов поручил проанализировать возможности местных педагогов и детей, чтобы ВКО выбрали единственной областью в Казахстане для апробирования нового проекта. И вот уже в феврале на информационном портале города Усть-Каменогорск появилась информация, что МОН РК утвердило Восточно-Казахстанскую область в статусе "пионера трехязычия".

С 1 сентября 2016 года в школах ВКО начнется внедрение трехязычного обучения. В регионе до 2019 года намерены внедрить единые учебно-методические комплексы по казахскому, русскому и английскому языкам. Зимой 2016 года была протестирована почти тысяча учителей языковедов. Результаты тестирования показали, что треть из них демонстрирует неудовлетворительные результаты. Примечательно, что профессионально казахским языком никто не владеет. Отсюда следует вывод, что необходимо повышать уровень знаний педагогов. Заместитель акима ВКО Жаксылык Омар, сообщает, что для решения этой проблемы все учителя казахского, русского, английского языков во время весенних и летних каникул, в течение 3-х месяцев пройдут переподготовку. Для повышения квалификации учителей английского языка пригласят зарубежных специалистов-носителей языка. Также он отметил, что для всех школ Восточного Казахстана будут приобретены единые учебники по казахскому и английскому языкам [3].

Переход на трехязычие - это не единственное изменение в языковой политике страны. В послании народу 2050 есть посыл о необходимости, начиная с 2025 года приступить к переходу алфавита на латиницу, на латинский алфавит. Когда-то в истории Казахстана такой шаг уже совершали. По конституции КазАССР 1924 г. статус государственных имели два языка - и русский, и казахский; соответственно, центральный и губернские аппараты Казахстана вели делопроизводство на двух языках. В Центральной Азии была проведена принудительная латинизация алфавита, а к концу 1930-х г. - принудительная кириллизация. После многочисленных изменений в 1940 г. шрифт казахского языка был окончательно переведен на кириллический алфавит [4].

На брифинге в службе центральных коммуникаций, министр культуры и спорта Казахстана Арыстанбек Мухамедиулы сказал, что в ускорении перехода казахского языка на латиницу нет необходимости. Вопрос о возможности перевода казахского алфавита на латинскую графику был задан профессору Уильяму Фиерману – известному исследователю-лингвисту со специализацией по Центральной Евразии, который много лет проработал в Университете штата Индианы, автору многих публикаций по языковой политике в Центральной Азии. У. Фиерман отмечает что, "переход на латиницу это очень тонкий вопрос потому, что в Казахстане проживает большая доля этнических русских и других "русскоязычных этносов" и так как русский язык даже сегодня очень широко употребляется. Любой

переход казахского алфавита еще дальше разделит бы два основных языка страны. Но Президент Нурсултан Назарбаев проводит очень осторожную политику в области межнациональных отношений. Н.А. Назарбаев четко осознает, что среди населения в регионах Казахстана, граничащих с Российской Федерацией, большая доля русских (не говоря уже о русскоязычных казахах и других национальностях). Ввиду событий в Украине, президент Казахстана, видимо, старается воздержаться от шагов, которые могли бы осложнить национальные отношения в своей стране"[5]. Проанализировав мнения специалистов и проведя интервью с жителями Восточно-Казахстанской области, можно сделать однозначный вывод по вопросу перехода на латинскую графику: данный переход очень затратное мероприятие, так как необходимо будет составлять новые словари, книги, учебные программы, компьютерные программы на латинской графике. Так же всем специалистам придется проходить специальные курсы для обучения латинской графике.

Восточно-Казахстанская область - это приграничный с Россией регион, где доля русскоязычного населения почти равна доли населения, владеющего казахским языком. Автором статьи были проведены интервью с жителями города Семей (Восточно-Казахстанская область). К примеру, преподаватель Государственного университета имени Шакарима города Семей высказал свое мнение о том, к чему приведет страну преподавание истории Казахстана и географии на казахском языке: "Ранее многие русские ученики, закончив 11 класс, ехали поступать в Российскую Федерацию, так как в Казахстане очень мало грантов и трудно сдать ЕНТ (Единое национальное тестирование). Если же введут в школах с русским языком обучения гуманитарные предметы на казахском, а естественнонаучные дисциплины на английском языках, то русское население страны начнет выезжать еще не закончив школу. А родители, соответственно, поедут за своими детьми. На мой взгляд, в скором будущем это приведет страну к тому, что останутся жить здесь только казахи. Снизится уровень знаний у тех учеников, которые не владеют казахским языком. Все это делается в рамках всеобщей «казахизации» населения страны". В статье Ю.Н. Цыряпкиной отмечается, что по материалам полевых исследований в 2014 г. русское население г. Семей уже было обеспокоено углублением реформ по переводу делопроизводства на казахский язык [6, с.185]. Ещё предстоит изучить, как отразится на миграционных настроениях русского населения инициативы правительства и акима Восточно-Казахстанской области по внедрению трехязычия в 2016 г.

К чему приведет латинизация алфавита и, как следствие, казахизация населения, сказать сложно. Естественно, что специалисты, которые работают сейчас в Казахстане - это выпускники еще советских вузов, для которых переход на латиницу в силу возраста затруднен или совсем невозможен, для которых проще найти работу в русскоговорящей стране, чем научиться жить в условиях трехязычия, и отток их из страны - как отток русского населения в 1990-х - неизбежен в условиях предложенной языковой политики. Ученики школ, испытывающие стресс от попытки освоения довольно сложной и без трехязычия школьной программы и страдающие от сдачи ЕНТ, вряд ли получат облегчение от сдачи этого экзамена на трёх языках. Вопрос о переходе экзаменов на три языка по-прежнему остаётся открытым и нерешённым. Кроме того, вряд ли финансовый потенциал страны в условиях назревающего кризиса сможет потянуть такое дорогостоящее мероприятие, как переход на латиницу и трехязычное образование. Но в то же время отменить программу, которая произвела фурор в обществе и вызвала множество споров, МОН РК уже не может. Следует помнить, что в Республике Казахстан казахско-русское и русско-казахское двуязычие в результате советской политики стало естественным явлением в обществе, в то время как трехязычие - это неожиданное и искусственное «привнесение» правительства в сложных общественно-политических и социально-экономических условиях общества.

Библиографический список

1. Казахстан 2050. Наша сила [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://strategy2050.kz/ru/contrast/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 11.04.2016).
2. Казахстан с 1 сентября переходит на пятидневную учебную неделю. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://yk-news.kz/news/>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 11.04.2016).
3. Внедрение трехязычного обучения в школах ВКО начнется с 1 сентября [Электронный ресурс] // ALTAYNEWS.KZ : [сайт]. – Электрон. дан. – [2011–2016]. – Режим доступа: <http://altaynews.kz/20802-implementation-trilingual-education-schools.html>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 11.04.2016).
4. Цыряпкина, Ю. Н. Центральная Азия в 1990–2010-е годы: основные тенденции внутренней и внешней политики : учебное пособие / Ю. Н. Цыряпкина ; под ред. Л. Г. Семихатовой. – Барнаул : АлтГПУ, 2015. – 267 с.
5. Большое интервью с профессором Фиерманом о языковой политике в Центральной Азии. Часть первая [Электронный ресурс] // СААН : [сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://saanetwork.org/archives/6742>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 11.04.2016).
6. Цыряпкина, Ю. Н. Проблемы адаптации русского населения приграничных регионов Казахстана (на примере полевых исследований в г. Семей в 2014 г.) / Ю. Н. Цыряпкина // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае : материалы X международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2015. – С. 181–185.

И. Останакулов

Особенности развития культуры толерантности в современном Узбекистане

В статье рассказывается об опыте межнациональной толерантности, накопленной в суверенном Узбекистане общественными организациями — интернациональными культурными центрами. В их задачу входит изучение истории, сохранение и развитие родного языка и литературы, устного народного творчества, различных искусств и ремесел. Они работают в тесной связи с профильными государственными министерствами и ведомствами, иностранными посольствами и диаспорами.

Ключевые слова: культура толерантности, национальные культурные центры, межнациональное сотрудничество, международное партнёрство, дружба народов.

I. Ostanakulov

The features of developing culture of tolerance in nowadays Uzbekistan

The article tells about the experience of inter-ethnic tolerance, accumulated in sovereign Uzbekistan, non-governmental organizations - the International Cultural Center. Their task is to study the history, preservation and development of native language and literature, oral narodnogo creativity, various arts and crafts. They work closely with the relevant svzi gosudarstvnyimi ministries and agencies, foreign embassies and diaspora.

Keywords: culture of tolerance, national cultural centers, friendship of nations, international partnership

В Узбекистане накоплен большой опыт в политике межнациональной толерантности. Национальные культурные центры Узбекистана - это общественные организации, выражающие интересы представителей той или иной нации, живущей в стране. Действуют они на основании Конституции Республики Узбекистан, законодательства об общественных организациях, а также своих уставов. Первые национальные культурные центры были созданы еще в 1989 году. Если в 1992 году действовало всего 10 национальных культурных центров, в 1995 году - 72, то в 2015 году их уже насчитывается 140. Это и республиканские, и областные, и городские, и районные национальные культурные центры [1].

Главные цели и задачи таких центров - изучение истории, сохранение и развитие родного языка, письменности, литературы, устного народного творчества, изобразительного и театрального искусства, национальных ремесел и обычаев, национальных видов спорта. Центры организуют семинары, конференции, «круглые столы», фестивали, встречи, развивают художественную самодетельность.

Доказательством признаний заслуг национальных культурных центров является то, что многие активисты награждены высокими правительственными наградами. Важнейшие вопросы деятельности национальных культурных центров и их координирующего органа - Республиканского интернационального центра (Интерцентра) - обсуждаются на заседаниях Общественного Совета, в состав которого входят председатели национальных культурных центров, представители министерств, ведомств и общественных организаций, ведущие ученые, деятели культуры. Задачами Интерцентра являются: «совершенствование межнациональных отношений, удовлетворение национально-духовных потребностей проживающих в стране представителей различных наций и народностей, оказание практической и методической помощи культурным центрам в сохранении и развитии присущих каждой нации обычаев и традиций, укрепление межнационального единства и согласия» [2]. Интерцентр

совместно с национальными культурными центрами активно участвует в общенародных праздниках, мероприятиях, посвященных важным датам в жизни узбекского и других народов.

В мае 1995 года в Узбекистане было создано общественное движение «Халк бирлиги» («Народное единство»), инициатором учреждения которого выступил Республиканский интернациональный культурный центр. С этого же времени «Халк бирлиги» совместно с Интерцентром начал издавать газету «Бирлик - Единство», освещающую жизнь национальных культурных центров.

Сегодня Республиканский интернациональный культурный центр, национальные культурные центры и Центральный Совет работают в тесном сотрудничестве с министерствами по делам культуры, высшего и среднего специального образования, народного образования, Академией государственного управления при Президенте Республики Узбекистан, Академией художеств, Федерацией профсоюзов республики, Центром «Духовность и просветительство», Республиканским фондом «Махалля», Комитетом женщин Узбекистана, Ассамблеей культуры народов Центральной Азии, Телерадиокомпанией Республики Узбекистан и другими общественными организациями, а также СМИ. Большое значение имеет тесное сотрудничество культурных центров с иностранными посольствами, которое дает возможность глубже узнать представителям национальных диаспор о своей исторической родине.

Особо важными событиями в жизни национальных культурных центров стали юбилейные мероприятия, посвященные 10-летию Республиканского интернационального центра, в январе 2002 года, а также фестиваль дружбы и культуры «Узбекистан - наш общий дом», проведенный в 2003 году совместно с Министерством по делам культуры Узбекистана и Фондом содействия развитию национальных культурных центров «Багри-кенглик» («Толерантность»). Фестиваль стал демонстрацией единства и сплоченности различных наций и народностей, живущих в Узбекистане, их богатого культурно-исторического наследия, он внес немалый вклад в дело воспитания подрастающего поколения в духе любви к Родине, интернационализма, национальной независимости. «Возрождение национальных обычаев, языка, культуры, интерес к национальным истокам рассматривается не как стремление к обособлению и самоизоляции и тем более национализм. Наоборот, только подлинное знание своей национальной культуры, обычаев может содействовать взаимопониманию между людьми различных национальностей, взаимообогащению культур. Ведь при всем разнообразии форм, традиций, ритуалов праздники народов имеют общие черты, общую направленность. Это и пожелания счастья друг другу, и воспитание в молодежи уважения к старшим, и воспевание труда, и стремление к миру, к гармонии в отношениях между людьми, между людьми и природой», - говорил участник мероприятий, посвященных Году здорового ребенка, редактор корейской газеты «Коре синмун» Брут Ким.

Истоки толерантности уходят корнями в древнюю историю нашего края. Здесь родилась одна из древнейших цивилизаций мира, здесь, на территории древнего Турана, Мавераннахра и Туркестана, оставивших яркий след в развитии мировой культуры, появились такие города, как Бухара, Самарканд Хива с их величественными архитектурными строениями и богатейшим прошлым.

IV век до н. э. - поход Александра Македонского в Среднюю Азию способствовал переброске и длительному проживанию здесь нескольких тысяч эллинов.

II-I веков до н. э. - этим временем датируются самые ранние археологические находки китайских предметов на территории Узбекистана.

VII веке н.э. - на одной из композиций монументальной живописи дворцового комплекса Афрасиаб в сцене посольского приема согдийского правителя Самарканда Вархумана изображены представители

Кореи (Когурё).

VII-VIII века - в древнем Термезе функционировал христианский храмовый комплекс, построенный по канонам армянской церковной архитектуры. Об этом свидетельствуют строения храма, обнаруженные узбекскими археологами в конце прошлого века.

X век - в документах упоминается населенный пункт в Ферганской долине Яхудлык, название которого можно перевести как «место, обильно населенное евреями».

XIV век - сложились прочные торговые связи между сибирскими татарами и жителями Мавераннахра.

XIV-XV вв. - согласно письменным источникам, строители-каменотесы из Азербайджана участвовали в строительстве и художественной отделке соборной мечети Биби-ханым в Самарканде и дворца Аксарай в Шахрисабзе. 1724 г. - немецкий композитор Георг Фридрих Гендель, живший почти 50 лет в Лондоне, написал оперу «Тамерлан» («Темур»). 1820-1821 гг. - в Бухарском эмирате побывала дипломатическая миссия А. Ф. Негри, отметившая присутствие в Бухаре более 500 русских. 1838 г. - поручик Миллер возглавил первый купеческий караван из Оренбурга в Ташкент и стал первым официальным представителем России в Туркестане.

Начало XIX века - болгары компактно проживают в Ташкенте в местности, получившей у горожан название «болгарские огороды», расположенной ныне за Северным вокзалом. 1880-1883 гг. - появление первых дунганских переселенцев в Андижане после поражения дунганских восстаний 1862-1878 г. на северо-западе Китая.

В конце XIX в. в Ташкенте открыты первая польская школа и первая библиотека, в 1897 г. создан первый польский общественный культурный центр. Тогда же в Ташкенте, Самарканде и городах Ферганской долины насчитывалось более 1000 литовцев.

В мае 1921 года по приглашению поэта Александра Ширяевца Сергей Есенин побывал в Ташкенте, где приобрел много поклонников и друзей. 1942-1992 гг. в Ташкенте жила его дочь - Татьяна Сергеевна Есенина (1918-1992 гг.). В 1989 году в целях всемерного укрепления межнационального согласия и единства, удовлетворения духовных потребностей в развитии родного языка и национальной культуры казахов, проживающих в Узбекистане, при Академии наук Узбекистана создан Казахский информационный центр, реорганизованный в 1992 году в Республиканский казахский культурный центр. В декабре 1989 года в Ташкенте создано Узбекское общество уйгур в целях развития национальной уйгурской культуры, возрождения национальных обычаев, традиций и содействия укреплению межнационального согласия в стране [3].

В процессе депортации 30 - 40-х годов XX века в Узбекистан были переселены тысячи корейцев, крымских татар, греков, турков-месхетинцев, курдов, балкар, чеченцев, ингушей, калмыков. В годы войны из прифронтовых районов Узбекистан принял более одного миллиона беженцев, проявив величайшее милосердие и доброту. В 1966 году приехавшие из разных концов бывшего советского государства для ликвидации Ташкентского землетрясения представители разных национальностей в основном тоже остались жить в нашей стране.

Сегодня представители всех наций и народностей, проживающих в стране, пользуясь равными правами и широкими возможностями, предоставленными им Конституцией и законами независимого Узбекистана, живут в мире и согласии. По данным на 2015 год население Республики Узбекистан составляет около 31,5 млн. человек.

Деятельность студии «Дубляж» при республиканской гостелерадиокомпании вносит весомый вклад в

развитие культуры толерантности населения. Вот уже в течение 25 лет телезрители Узбекистана смотрят разные национальные телесериалы мира, в том числе европейские, мексиканские, индийские, японские, корейские, китайские. Эти сериалы отражают духовный мир разных национальностей, а также знакомят зрителей с культурой, обычаями, традициями, национальной кухней, национальной одеждой этносов, природой разных стран. Содержание этих программ углубляет культуру толерантности зрителей и воспитывает их в духе уважения к общечеловеческим ценностям, формирует чувство уважения к представителям других национальностей.

Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов в 1998 г. на заключительном заседании 155-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО отметил: «История знает немало примеров, когда люди различных национальностей и вероисповедания на протяжении многих столетий жили как одна семья. Убедительным доказательством тому является Узбекистан, который на протяжении тысячелетий был центром взаимодействия и сосуществования самых различных религий, культур и укладов. Еще с древних времен здесь не только тесно соседствовали различные цивилизации - мусульманская, христианская, иудейская, буддийская и более древние, но и дополняли, обогащали друг друга. Именно на этой земле происходило глобальное взаимообогащение мировых культур на протяжении многих столетий» [4].

Священный долг узбеков, как титульной нации - не только возродить родной язык, свою национальную культуру и историю, но и быть ответственным за судьбу совместно проживающих других народов, за сохранение их культурно-духовной самобытности, предоставление разных условий и возможностей для саморазвития и самореализации.

Известные исследователи Центральной Азии В.П.Наливкин и М.Наливкина в своей книге «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» (издана ещё в 1886 году) представляли русскому читателю одну узбекскую поговорку, которая определяет духовную толерантность простого узбекского народа: «Хамма одам – бир одам» («Все люди – люди») [5]. Этот факт подтверждает наличие в культуре и традициях узбекского народа культуры толерантности и уважения к представителям всех конфессий, проживающих и в современном Узбекистане.

Библиографический список

1. Yagona oilada. В семье единой. – 2014. – № 1–2. – С. 12.
2. Ўзбекистон – умумий уйимиз. Узбекистон – наш общий дом : книга-альбом. – Ташкент : Шарқ, 2005. – С. 21.
3. Из истории проживания этносов в Узбекистане // Yagona oilada. В семье единой. – 2014. – № 1–2. – С. 48.
4. Народное слово. – 1998. – 7 ноября.
5. Наливкин, В. П. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы / В. П. Наливкин, М. Наливкина. – Казан : тип. Ун-та, 1886. – 245 с.

М. Садиков

Воздействия клановой системы на социально-исторические трансформации центральноазиатских обществ

Целью данной статьи является рассмотрение исторических последствий институциональной клановой системы на трансформацию центрально-азиатского общества, а также в частности на территорию Узбекистана до настоящего времени. Я занимаюсь рассмотрением именно клановой системы Узбекистана, потому что узбекская национальность является наиболее многочисленной национальностью Центральной Азии с богатой историей, но, кроме того, я буду сравнивать узбекскую клановую систему общества с системой другого ближайшего Центрально-азиатского клана государства.

Ключевые слова: Центральная Азия, Туркестан, Узбекистан.

M. Sadikov

The Impacts of the Political Clan-System on the Socio-Historical Transformations of the Central Asian Society

This paper aims to consider the historical effects of the institutional clan-system on the transformation of the Central Asian society, particularly Uzbekistan up to the present time.

Why I am considering Uzbekistan's clan system? because of the Uzbek ethnicity is the most numerous Central Asian nationality and with a rich history but, also, I will compare with the other Central Asian neighboring state's clan system.

Keywords: Central Asia, Turkistan, Uzbekistan, clan, tribe, Timurids, Altai-Turks, Dashti-Kipchak, Khans.

The Clan-tribal system is dominating in the Central Asian society. Belonging to a clan or tribe can count on getting a promotion of any goods, the improvement of the material conditions, and the solution of personal problems.

Uzbek ruling class is divided into seven major clan groups operating at the republic level and with a clear regional character:

- Bukhara-Samarkand (Samarkand, Bukhara, Jizzakh and Navoi regions);
- Tashkent (Tashkent city and Tashkent region);
- Fergana (eg FAN - Ferghana, Andijan and Namangan regions);
- Jizzakh, Syrdarya;
- Kashkadarya, Surkhandarya (so-called "Surkash");
- Khorezm (Khorezm region, the southern regions of Karakalpakstan, the natives of the Uzbek diaspora Tashauz region of Turkmenistan);
- Karakalpakstan.

Regional community - not the only one (albeit important) factor affecting how develops cooperation between individuals. Much is determined by access to financial resources, and the like are more flexible than strictly territorial clan. Leading representatives of clans, with the support of its regional group, are at the head of this or that sector of the economy, spreading the influence of the sending of the clan and the strengthening of its financial power. Personnel policy is determined by the struggle between clans in the entire country.

Uzbek clans differ from the clans of Kazakhstan and Turkmenistan. In Kazakhstan and Turkmenistan, the clans

formed based on tribal ties. But Tajikistan and Kyrgyzstan more close to Uzbek clan system.

Tajik ruling class is divided into three or four major clan groups:

- Khojand (Soghd region) , Pandjikent, Uratepa, Ferghana valiew, north part of Tajikistan;
- Kulyab region, Khatlon, southwestern part of modern-day Tajikistan;
- Karategin valley (also called Rasht Valley, located in the west-central Tajikistan);
- The Pamir Tajiks in Gorno-Badakhshan oblast (eastern half of the country);
- Dushanbe city , the capital of Tajikistan.

In Tajikistan, the clans, as well as in Uzbekistan, formed on the territorial principles. Representatives of other nationalities, as a rule, can be a member of the Uzbek, Tajik and Kyrgyz clan as well as in Kazakhstan and Turkmenistan tribes. However, Uzbek political and financial groups are more flexible than strictly territorial clan, there are other important factors: access to financial resources, family ties, friendships, etc. In practice, in Tashkent or Samarkand politico-financial groups may include representatives from different regions and ethnic groups, which increase the possibilities of each clan to influence the situation and defend their interests.

The phenomenon of the clan in Uzbekistan reflects the specifics of a long phase of the national identity of Uzbeks - Uzbek nation formation - a process that has accelerated since independence in 1991, but is still far from complete, actually that the tribal-clan way of life has deep roots in the history of Central Asia. Before the Temurieds dynasty (1370-1507 a.c.), here were some nomadic powers ruling Central Asia. The most powerful among them was the *Khwarizm* (Chorasmia) kingdoms (305 -700 a.c.), which was almost a seminomadic governments. During the Samanids reign (819 - 999 a.c.), an important process of social transformation, including the agrarian and muslim cultural revolution, noticeably took place. Afterwards, the Samanids Empire was crushed by the native turkish tribes leader *Gaznavids* dynasty (977–1186), Turkish oguz tribes leader *Saljuqs* (1037- 1194), karluk tribes *Kara-Khanids* dynasty 840–1212 and the Khwarazmi dynasty (1077–1231). The most important feature of this event was the rise of humanism and rationalism. As above mentioned that the early 11th century, the Saljuq dynasty seized the power and exercised dominance, with the Altai turkish ethnicity, and tribal base.

The conditions under such clan-system apparatus led to the transformation of rationalistic and intellectual achievements. The authoritarian exigencies of Altai-turks and their successors up to the end of the Tumirieds dynasty in 16th century got biased toward despotism with its required mechanisms, such as vast police-spying networks with political rationality open to conspiracy. Later on, through the 16th and 17th centuries, the another *Dashti-Kipchak* leaders *Shaibanids* dynasty rulers having emerged with the Chingizids dynasty background came to power. After the *Shaibanids*, another clan-based government as that of *Ashtarikhanids* dynasty seized the power and was succeeded by three other tribal despotic dynasties. Therefore, all the governments which ruled over Central Asia, from the rule of Saljuqs dynasty in the 11th century up to establishing of the Republic of Turkistan in the 1920s - except the *Afrigid-Khwarizm* dynasty in IV-VIIth centuries - were inherently tribal in origin. They seized and maintained power relying on political clan-system mechanism. From the Bolshevik Revolution in the early 20th century, and especially with modern Turkistan Republic, the tribal sociopolitical organization, serving as the basic element of the government structures, disintegrated. through the fundamental changes during the three Uzbek khanat's era: Bukhara, Khiva, Kokand from the 18th to 20th centruires domination of the cattle-herding economy was gradually replaced by feudal agrarian production, so that the clan-system project should be substituted by another alternative being relevant to the new conditions.

That the clan-system had become deeply institutionalized in the Central Asian society through that long period of one millenium is not denied, so that, after the political changes in the early 20th century, its traditional elements could not be readily changed.

Accordingly, some cultural outcomes stemming from the clan-system have persisted in Central Asia. It seems necessary to notice that the “tribe” is indeed an abstract concept, but clan, as a kinship grouping is an actual concrete term. Based on this principle, we use the clan-system phrase, in general, to cover the whole aspects of the residual tribal life in our society.

Clan-tribe system was and will be heavy obstacle for build development as a native mechanism for political economy of the Central Asian society.

It seems that long lasting tribadism rule over Central Asia exercised heavy and deep impacts on the Central Asian socio-economic and cultural relations. They were mainly – at least from the XIth to XXth centuries – different not native group

The authoritarian rulers relying on clan-system, caused a deep gap between the government and the subordinates. This situation combined by the profound social insecurity, led to a severe skepticism and pessimism against the government. Weakness in some aspects such as civil society, public responsibilities, and socio-political participation of the people in public affairs are said to be the immediate results of such conditions. It is said that, if a king or a minister (vazir) would build a road, an inn The Impacts of the Political Clan-System on the (karvan-sara), or any public construction, due to the general pessimism and reluctant public responsibility, the people were not only indifferent, they felt it as an act of cheating from the governments side and failed to provide a motive to care about it.

Bibliography

1. Abul-Ghazi Bahadur Khan. 1871–4. Shajarat al-Atrak. Chaghatay Turkish text and French tr. Baron J. J. P. Desmaisons, Histoire des Mogols et des Tatars. Paris. Repr. – Amsterdam, 1970.
2. Bartold, V.V. 1965. Khorezm (Chorasmia). Sochineniya, Vol. 3. Moscow.-,1971. K istorii persidskogo eposa. Sochineniya, Vol. 7. - Moscow.
3. Dughlat, Mirza Muhammad Haidar. 1895. A History of the Moghuls of Central Asia. The Tarikh-i-Rashidi. English tr. N. Elias and E. Denison Ross.
4. NarshakhI. 1954. Tarikh-i Bukhara. English tr. and commentary R. N. Frye, The History of Bukhara. - Cambridge, Mass.
5. Istorya Turkmenskoy SSR. 1957. Part 1, Book 1. Ashkhabad.
6. Kathleen Collins. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. - Cambridge University Press, 2006,
7. Khoury, P. and Kostiner, J. (1990). Tribes and State Formation in the Middle East, Los Angles: University of California Press.

П.Н. Сушко

Русские иконы с восточными мотивами в собрании музея-заповедника

Бытование икон представляет собой одну из интересных проблем истории русской культуры, которая, в свою очередь, неразрывно связана с Русской Православной Церковью. **Икона** и иконопись включаются в **художественно-эстетическое наследие** народа.

Ключевые слова: Русские иконы, восточные мотивы, облака и вода, инь-ян, бодхисатва, архангел Михаил, Святой Николай, Богородица.

P. Sushko

Russian icons with Oriental motifs in the collection of the Museum-reserve

Icon is one of the most interesting problems in the history of Russian culture, which, in turn, is inextricably linked with the Russian Orthodox Church. The icon and the icons included in the artistic and aesthetic heritage of the people.

Keywords: Russian icons, oriental motifs, clouds and water, yin-yang, the bodhisattva, the archangel Michael, St. Nicholas, Theotokos.

Когда русские православные миссионеры стали работать в регионе Сибири, Алтая и прилегающих территорий, то они обнаружили, что здесь широко бытуют ритуальные предметы и сооружения буддийского искусства, имеющие сложную и детально разработанную систему приемов изображения реальных предметов и образов потустороннего мира, разительно непохожую на эстетику и семантику образцов православного искусства.

Со временем эти сакральные и эстетические комплексы стали взаимно пересекаться. Так в произведениях сибирского православного искусства постепенно стали появляться реминисценции буддийского искусства. На что обращает внимание У.К. Брумфилд, считая, что «русские связи с азиатскими народами и культурами представляют тему, границы которой еще не исследованы» [9, с.111]. М.В. Головизнин, говоря об архитектуре тех же храмов, замечает: «Причудливый узор упомянутых выше церковных сооружений не находит аналогов в церковном строительстве России. Стены храмов покрыты экзотическим орнаментом в виде стреловидных многогранников и звездчатых картуш, объяснить которые с точки зрения христианской символики представляется затруднительным» [10].

Эта тенденция проявилась и в русской православной иконописи Сибири. Обратимся к распространенному в сибирских иконах приему широкого использования спиралевидной манеры в изображении облаков и вод, предположительно, заимствованной у создателей буддийских икон (тханок).

В канонических русских иконах облака изображаются, преимущественно, как кучевые. Такой тип письма облаков, например, можно видеть в иконах «Святой великомученик Димитрий Солунский, ок. 1700 года (Государственная Третьяковская галерея) и «Святой патриарх Модест», XVIII века (Государственный Русский музей) [1, ил.161, № по каталогу 968; 7, ил 57]. Реже, преимущественно в старообрядческих иконах, встречается архаичная манера изображения узкой полосы пилообразных облаков, ограниченных снизу закругленной линией. Такой тип письма облаков присутствует в иконах «Пресвятая Богородица Боголюбская», конца XVI- начала XVII в., «Святой Симеон-столпник»,

середины XVI века (Государственная Третьяковская галерея) [1, ил.109, номер по каталогу 785; ил.34, номер по каталогу 524;8, ил.223].

Исключение составляют новгородские, строгановские и палехские иконы, где спиралевидные элементы используются, преимущественно, в качестве завершенный гряд кучевых облаков или в изображении волн [3, с.133,135]. В свою очередь этот прием, возможно, заимствован из восточных культур, так как не характерен для русских икон до XVI века.

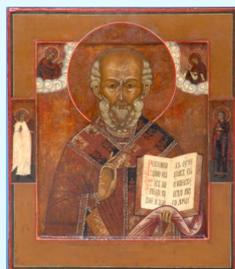
В тоже время, спиралевидный рисунок в изображении кучевых облаков более типичен для буддийских тханок, при этом графическая спираль, как правило, изображается в центре отдельных облаков. В качестве примера можно привести «Канон изображения Будды» и тханку «Перерожденец Жебзундамба» (Музей резиденции Богдо-хана, Уданбатор) [2, с.53, табл.86; 4, ил.91].

Святой Архистратиг
Архангел Михаил, конец
XIX в.

В собрании икон музея-заповедника автором статьи выявлены 18 русских сибирских икон, преимущественно старообрядческих, в которых прослеживаются такой тип облаков или валов вод и другие восточные мотивы. Наиболее выразительно этот графический прием проявился в иконе «Святой Архистратиг Архангел Михаил» конец XIX в. (ГИК-24-8682, ил.1).

Мы видим характерные облака, как будто сошедшие с поверхности буддийской тханки. Их спиралевидная графика напоминает нам об одном из восьми драгоценностей буддизма, Шанкхе [5, с. 227, 868]. Завитки валов фантастического моря, как атрибуты мира земного, по графике напоминают знаковый древнекитайский символ инь-ян [6, с. 263, 306].

Святитель Николай
Мирликийский, конец XIX
в.

На иконе Святитель Николай Мирликийский мы наблюдаем графически четкий спиралевидный рисунок завитков облаков и верхних частей бороды святого (ГИК-10-2346, ил.2).

Пресвятая Богородица
Семистрельная, конец
XIX- начало XX вв.

В завершении статьи обратимся к маргинальной по письму и образности иконе «Пресвятая Богородица Семистрельная» (КП-НВ.15-9748, ил.3), которая поступила в музей-заповедник в 2011 году как дар антиквара Харламова А.В. Икона написана темперой по левкасу, на цельной доске с использованием двух торцовых шпонок. В качестве замены позолоты использован тонированный под золото двойник. Ковчег отсутствует. Лик Богородицы выполнен с применением техники невысокого рельефа на левкасе. Письмо крестьянское, близкое - к примитивному.

Обращает на себя внимание необычность лика Богородицы, имеющей характерные восточные черты и больше напоминающей образ буддийской бодхисатвы, изваянной в бронзе.

На примере икон из собрания Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника мы убеждаемся, что артефакты искусства любого народа закономерно несут на себе печать влияния культуры соседних народов. Культуры взаимопроникаемы и это объективная историческая закономерность.

Библиографический список

1. Антоновна В.И., Мнева Н.Е., Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи XVI - начала XVIII вв., том II, М: Искусство, 1963, 571 с.+179 ил.
2. Дорже Д. Р. Древо собрания трехсот изображений, Санкт-Петербург, 1997, 136 с.
3. Икона, сост. Кравченко А.С., Уткин А.П. М: Стайл А ЛТД, 1993, 126 с.
4. Монгольская национальная живопись. Монгол зугар, альбом, Улан-Батор: Государственное издательство, 1986, 30 с.+192 ил.
5. Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Энциклопедия буддизма, СПб: Институт метафизики, 2007, 928 с.
6. Полная энциклопедия символов, сост. Рошаль В.М., М: АСТ; СПб: Сова, 2007, 515 с.
7. Смирнова Э.С. Живопись Древней Руси (находки и открытия), Л: Аврора, 1970, 30 с.+57 ил.
8. Шедевры русской живописи, М: АСТ; Минск: Харвест, 2007, 272 с.
9. Брумфилд У.К. Азиатские мотивы в церковной архитектуре Сибири в XVIII в.// журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования», вып. 2/17/2011/ <http://www.ojkum.ru/> <http://cultinfo.ru/brumfield/siberia/index.htm/> 26.02.2016 г.
10. Головизнин М.В. Православно-буддийский «диалог» в Южной Сибири в XVII – XVIII вв. и его культурно-исторические последствия// Седьмая международная востоковедческая конференция «Торчиновские чтения. Метаморфозы», 2013.07.29/ <http://www.torchinov.com/> 2013/07/29/26.02.2016 г.

Р.И. Хасанов

Межрелигиозная толерантность: опыт Узбекистана

Статья посвящена вопросам национальной и религиозной политики современного Узбекистана. Автор проводит анализ условий развития узбекской этноконфессиональной среды, выделяет векторы государственной политики в отношении данного феномена, определяет значение толерантности в отношении существующих конфессий для формирования конструктивного поля диалога.

Ключевые слова: толерантность, культура межнационального общения, культура межконфессионального диалога, мировые религии, модус сосуществования, свобода совести.

R. Khasanov

Religious tolerance: experience of Uzbekistan

The article is devoted to the issues of national and religious policies of modern Uzbekistan. The author analyzes the conditions of development of the Uzbek ethnic and religious environment, identifies public policy vectors in relation to this phenomenon determines the value of tolerance in respect of existing denominations for the formation of a constructive dialogue field.

Keywords: tolerance, international relations culture, interreligious dialogue, world religions, coexistence paradigms, freedom of conscience.

На земле Узбекистана издревле мирно сосуществовали различные религии и конфессии, в добром соседстве жили, отдавая дань уважения вере и убеждениям, обычаям и традициям зороастрийцы и буддисты, индуисты и иудеи, мусульмане и христиане. В течение тысячелетий в этом крае сформировалась высокая культура межнационального общения и межрелигиозного диалога, был выработан неписанный устав гуманности и толерантности.

Христианство проникло в Среднюю Азию в III – IV вв., то есть задолго до ислама. Письменные источники свидетельствуют о том, что уже в 334 г. в Мерве функционировала епархия [1], которая была бы возможной только при наличии множества крупных христианских общин. Есть сведения, что мервское духовенство имело большой вес в Восточной церкви и участвовало в Соборах - в частности, Никейском соборе 325 г.

Следующий этап распространения христианства в Средней Азии приходится на период правления сасанидского царя Яздигарда II (438–457) [2]. В VI-VII вв. господствующие позиции завоевало несторианство - были созданы, по свидетельству В.Бартольда и Э.Захау, митрополии в Герате, Самарканде, Кашгаре и т.д. [3]. Среди христиан, хотя большинство их было несторианами, встречались и монофизиты, и якубиты Западносирийской церкви, а также православные мелькиты.

В VIII веке в Мавераннахр («Земля за рекой» – так называли арабы этот край) пришел ислам и за относительно короткий срок завоевал умы и сердца народа. «Главная причина этого, в первую очередь, связана с правдивостью и чистотой священной религии, ее гуманностью и толерантностью, призывом человечества к добру и благородству, ролью и значением оправданных жизненными испытаниями ценностей и традиций, передающихся из поколения в поколение» [4].

Разумеется, следует учесть и то, что ислам нашел здесь благоприятную почву, пришел в унисон с вековыми традициями и обычаями, в силу чего народ не стал прозелитом в современном понимании, а сделал свой осознанный исторический выбор. Ввиду того, что уровень культуры и общественного сознания жителей края был довольно высоким, ислам был принят в Средней Азии рационалистическим путем. Узбекские ученые Имам Бухари, Иса Термизи, Матуриди, Махмуд

Замахшари, Каффал Шаши, Бурханиддин Маргинани и сотни других внесли огромный вклад в развитие исламской цивилизации, неопределима их заслуга в превращении этой религии в мировую.

Нетерпимость, ксенофобия, претензии на обладание истиной в последней инстанции, которые были присущи первому поколению мусульман, были вскоре заменены в этом крае межрелигиозным диалогом, философией консенсуса и идеологией толерантности. Абу Мансур Матуриди (870 – 944 гг.), комментируя 40-й аят суры «Аль-Хадж» писал: «Запрещено разрушать церкви и синагоги, поэтому в мусульманских странах они до сих пор в целостности и сохранности и нет разногласия в этом среди улемов». Абу Лайс Самарканди (умер в 1003 г.) в своих комментариях к Корану (аяты 8-9 суры «Аль-Мумтахана») еще раз подчеркивал, что «Аллах не запрещает мусульманам быть добрыми и справедливыми с теми, которые не сражались с ними из-за религии и не изгоняли из их жилищ». Великий исламский правовед, автор «Хидоя» Бурханиддин Маргинани (1123 – 1197) в этом вопросе идет дальше и пишет: «Если в мусульманских краях разрушены церкви и молельные дома, то дозволено восстановить их».

Со второй половины XIX в. с завоеванием Средней Азии царской Россией здесь наступила новая эра православия, началось бурное строительство православных церквей, первая из которых была воздвигнута в 1847 г. в крепости Раим Сырдарьинской области [5]. После этого были организованы православные общины и построены церкви в Ташкенте (1865), Аулия-ата (1866), Жулеке и Мерке (1866), Туркестане (1866), Джизаке (1866), Ура-тюбе (1867), Чиназе (1868), Чимкенте (1868), в которых богослужением руководили военные священнослужители. В Зерафшанском округе сформировались общины в Самарканде и Каттакургане [6].

Постановлением Священного Синода в 1865 г. был основан Ташкентский округ, объединявший 9 церквей, а в 1871 г. был издан царский указ о создании Ташкентской и Туркестанской епархий [7]. Епархия специально была расположена в г. Верный (ныне – Алматы) с целью рассредоточения светской и церковной властей и во избежание кривотолков и недоразумений со стороны местного населения. Имперская администрация пошла по пути невмешательства в религиозную жизнь коренного населения, но денежное вознаграждение, которое было обещано генерал-губернатором тем, кто переменит свою веру, так и осталось невыплаченным. Центр епархии в конце 1916 г. был переведен в Ташкент, где к тому времени было уже 16 церквей.

Изучение истории христианства в Узбекистане показывает, что православная церковь в лице Ташкентской и Среднеазиатской епархий смогла выработать дееспособный модус добрососедских отношений и мирного сосуществования с другими религиями, прежде всего с исламом.

Нельзя не отметить, что еще в XIX веке три сельских храма в Туркестане были полностью построены на средства мусульманских благотворителей. При этом мусульмане считали для себя почетным участие в строительстве православных храмов, где ими были созданы резные иконостасы и киоты для Иосифо-Георгиевского собора в Ташкенте, соборов в Коканде, Андижане, Намангане, Фергане, а также в Казахстане и других регионах тогдашней Средней (ныне чаще именуемой Центральной) Азии. Эти произведения искусства были уникальны - нигде в мире больше не было резьбы по алебастру в христианских храмах. Эти церкви отличались особой красотой лепных украшений, использованием в убранстве традиционной для местных народов резьбы по ганчу (алебастру) и карагачу (дереву), и таким путем храмовые здания и ограды украшались восточной мозаикой. Мусульмане и христиане вместе занимались благотворительностью, создавали приюты для детей-сирот, в которых воспитывались сироты разных национальностей. Причем закон Божий детям мусульман преподавал мулла, а русским – православный священник.

К началу XX в. в Туркестане проживало 6,003 млн. мусульман и 391 тыс. православных, на 5340

мечетей приходилось 306 церквей. Кроме этого, в крае проживало 10,1 тыс. старообрядцев, 8,2 тыс. лютеран, 7,8 тыс. католиков, 28 тыс. иудеев, 17,1 тыс. представителей других религий [8]. Первая лютеранская община была зарегистрирована в Ташкенте 12 января 1865 г., а 19 октября 1899 г. состоялась инаугурация кирхи. С переселением поляков в XIX в. началось строительство римско-католической церкви. В 1897 г. усилиями Бонавентуры Пранайтиса (курата Рима) было создано благотворительное общество римо-католиков. Строительство здания костела было завершено в 1917 г., но до 1991 г. оно использовалось не по назначению.

В советское время христиане и мусульмане Узбекистана пережили все ужасы репрессий, раскулачивания, воинствующей атеизации наряду с представителями других религий. Только в условиях независимости Узбекистана религиозная жизнь вошла в нормальное русло, деятельность религиозных организаций получила надежную конституционную гарантию и легитимную основу. В настоящее время прошли регистрацию согласно Закону Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях» и успешно функционируют: 1 епархия, 1 семинария, 3 монастыря и 33 церкви – всего 38 православных организаций. Кроме этого, функционируют 2 лютеранских, 4 новоапостольских, 5 римско-католических, 52 корейских протестантских церкви, с учетом 23 баптистских, 10 адвентистских, 21 церкви христиан полного евангелия – всего более 160 христианских религиозных организаций.

На состоявшейся в 1995 году в Ташкенте международной христианско-мусульманской конференции на тему: «**Совместно жить под одним небом**» главы мусульманского и православного духовенства Центральной Азии приняли обращение к живущим в регионе верующим обеих религий. В этом документе сказано: «Деятели Ислама и Православия, как добрые соседи и искренние сотрудники в укреплении наших государств, решительно настроены на борьбу со всяким искажением образа наших великих мировых религий. Мы будем стремиться к тому, чтобы наши верующие получали объективное, полное и почтительное к иной вере образование, которое открывает наши умы и сердца для уважения религиозных убеждений друг друга» [9]. Общечеловеческая религиозная солидарность возможна только на основе взаимоуважения, высокой толерантности, межкультурного обмена.

В 1996 г. широко отмечалось 125-летие Епархиального управления РПЦ с участием преподобного Алексия II – тогдашнего Патриарха Московского и всея Руси, в декабре того же года – 100-летний юбилей лютеранской церкви. В апреле 1999 г. был издан указ Президента Узбекистана о создании Ташкентского исламского университета, который в мае 2000 г. посетил тогдашний президент РФ В.В.Путин он был принят почетным студентом этого вуза.

С 20 февраля по 29 мая 2008 г. Духовное управление мусульман Узбекистана совместно с Ташкентской епархией РПЦ организовало серию встреч со студентами республиканских высших и средних специальных учебных заведений. В феврале 2011 г. был организован семинар «Всемирная неделя гармоничных межконфессиональных отношений» с участием представителей всех конфессий Узбекистана. Эта неполная хронология основных событий межконфессионального диалога еще раз подтверждает вывод о том, что в республике всячески стимулируются мирные начинания, направленные на укрепление межнационального согласия и позитивной толерантности.

Библиографический список

1. Богомолов Г. И., Буряков Ю. Ф. Христианство в Средней Азии. // Из истории древних культур в Средней Азии. под ред. А. И. Кременцова. Т.: Комрон, 1994. С. 10.
2. Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь. – Т.: 1999. С. 75.

3. Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь. С. 74.
4. Каримов И.А. Юксак маънавият – энгилмас куч (на узб.яз.). - Т.: 2008. С. 36.
5. Буряков Ю.Ф. Жукова Л.И. Проскурин Б.Н. К истории христианства в Средней Азии (XIX – XX вв.). – Т. 1998. С. 15.
6. Яковлев Б.А. Из церковной жизни Туркестана. – Верный, 1902. С. 6-9.
7. Владимир. Митрополит Ташкентской и Среднеазиатской епархии. Первые по времени // Восток свыше // духовное и литературно-историческое издание. – Т., 2003, вып. У. с. 10.
8. Ибрагимов Э. Ф. Деятельность христианских конфессий в Узбекистане и их роль в формировании религиозной толерантности (на узб.яз.) – Т. 2010. С. 58.
9. Материалы Конференции на тему «Жить под одним небом» - Т., 1996.

Ю.Н. Цыряпкина

Особенности демографических процессов в среде русскоязычного населения в постсоветском Узбекистане

В статье рассматривается динамика демографических процессов русских и русскоязычных этнических групп (татары, корейцы) в постсоветском Узбекистане с 1989 по начало 2015 г. Приводятся этнодемографические данные по городам и областям Республики Узбекистан.

Ключевые слова: русские, русскоязычные, миграция, урбанизация.

Y.N. Tsyryapkina

The main features of demographic processes of “Russians” in Post-Soviet Uzbekistan

The article deals with the dynamic of the demographic processes of Russians and Russian-speaking ethnic groups (Tatars, Koreans) in the Post-Soviet Uzbekistan from 1989 to early 2015. The article includes the ethno-demographic data on cities and regions of the Republic of Uzbekistan.

Keywords: Russians, Russophones, migration, urbanization.

Демографическое развитие русских в постсоветском Узбекистане рассматривалось в контексте демографического развития титульного населения республики в трудах, прежде всего, узбекских авторов. Этим процессам посвящены работы таких авторов как О.Б. Ата-Мирзаева, В.Л. Гентшке, Р.Х. Муртазаевой [2]. Более углубленно демографические процессы в среде русских и русскоязычных групп в Узбекистане в период независимости рассматривал научный сотрудник Института истории АН РУз Ш.М. Рахматуллаев [5]. Он обратил внимание на особенности демографических процессов среди русских и тех этнических групп, которые входят в состав русскоязычной части населения Узбекистана.

Необходимо отметить, что узбекское постсоветское общество чрезвычайно фрагментировано и неоднородно, оно делится на множество групп, прослоек, сообществ и одним из самых функциональных разделений стало деление по линии «европейской» и национальной идентичности. «Европейскую» идентичность в среднеазиатское общество в XIX в. привнесли русские переселенцы, в имперский и советский период её стали разделять представители коренного населения региона, депортированные народы и др.

Узбекский исследователь, философ и поэт, Е.В. Абдуллаев выделяет признаки «европеизма» русских в Узбекистане, к которым относятся урбанизированный стиль жизни, владение европейским языком (в случае Узбекистана – русским), ориентир на западные стандарты и ценности, проявляющиеся в большем индивидуализме и критицизме, к которому не склонно автохтонное население региона [1, с.19]. В советское время «европейскую» идентичность приобрели депортированные народы (немцы, корейцы), а также татары, которые в период СССР быстро стали русскоязычными и адаптировали европейский стиль жизни, городскую урбанизированную культуру и др. Часть коренного населения региона (узбеки, таджики), преимущественно городские жители, также адаптировали европейские ценности, одежду (*советская русификация* – Ю.Ц.) стали носителями «европейской» идентичности. Важно отметить, что «европейская» идентичность была привнесена в центрально-азиатское общество посредством русского языка. Соответственно, русский язык в Узбекистане в советский период стал «родным» для многих этнических групп, которые с этого момента относились к русскоязычным, - татары, корейцы, немцы, украинцы, евреи и др.

В рамках данной статьи автор рассматривает демографическое развитие таких этнических групп как русские, корейцы и татары. Целью статьи является выявление тенденций демографических процессов русских и русскоязычных в постсоветском Узбекистане во время национализации общественно-политической жизни республики. После распада СССР в Узбекистане начались процессы деидеологизации – смены идеологии с советской интернациональной на националистическую. Деидеологизация, как и в других центрально-азиатских республиках, сопровождалась процессами нациестроительства – обеспечения национальной консолидации в рамках национальной идентичности. Узбекская идентичность усиливается особым вниманием со стороны государства к следующим вопросам: развитию государственного языка, изучению древней и средневековой истории (до присоединения к Российской империи), переосмыслению наследия Российской империи и СССР на территории Узбекистана. Данные процессы и принятие закона 1989 г. «О государственном языке», как и в других центрально-азиатских республиках, изменили особый правовой статус русских и русскоязычных в республике, что вызвало кризис идентичности. Эти проблемы наслонились на социально-экономические сложности, остановку производственных мощностей республики и стали причиной миграционного оттока русских и русскоязычных из республики в 1990-е годы.

Считается, что за постсоветское 25-летие республику покинул каждый второй русский, если учитывать тот факт, что по данным переписи 1989 г., русских в республике проживало 1653478 человек (8,3%) (таблица 1). Хотя отъезд русских из Узбекистана начался еще со второй половины 1970-х годов, в дальнейшем эти миграционные процессы значительно усилились в конце 1980-х годов. В Узбекистане в постсоветский период не проводилась перепись населения, последние промежуточные срезы показали, что на 1 января 2015 г. русских в республике проживает 776923 человек (2,5%) (таблица 3), практически в 2 раза меньше, чем в 1989 г.

Доля татар также снизилась за постсоветское 25-летие практически в 2 раза в абсолютных цифрах с 468000 человек в 1989 г. до 202426 человек на 1 января 2015 г. Доля корейцев осталась прежней - в 1989 г. 183000 человек, к 2015 г. – 180594 человек, что обеспечивалось высоким уровнем рождаемости и адаптивности корейцев к условиям жизни в постсоветском Узбекистане.

Таблица 1

Доля русских/русскоязычных в некоторых городах Узбекистана по переписи 1989 г. [4, с.13, 98]

	Всего	Русские	Татары	Корейцы
Всего в республике	19810000 (100%)	1653000 (8,3%)	468000 (2,4%)	183000 (0,9%)
Ташкент	2060206 (100%)	701326 (34%)	129236 (6,2%)	43973 (2,1%)
Ангрен	137615 (100%)	43218 (31,4%)	11503 (8,3%)	3266 (2,3%)

В советское время русские и другие русскоязычные группы, кроме депортированных народов, переселялись в республику благодаря практике оргнаборов на строительство основных промышленных объектов и городов, тем самым советское руководство экономило время на подготовку квалифицированных кадров из коренного населения региона. Соответственно, урбанизация развивалась в основном за счет миграции русского/русскоязычного населения из РСФСР, Украинской

ССР и Белорусской ССР в старые города и вновь строящиеся [5, с.56].

Особенно высока доля русских была в Ташкенте – около 34% (таблица 2), практически во всех построенных в советское время городах Ташкентской области – Алмалык, Бекабад, Янгиюль, Чирчик, Ангрэн (31,4% русских), в Навои, а также доля русских была чрезвычайно высокой в г. Фергана, построенном в дореволюционный период как центр военно-бюрократической администрации. Корейцы после депортации в конце 1930-х годов в Среднюю Азию размещались преимущественно в сельской местности, к концу 1980-х годов их доля в городах заметно увеличилась (таблица 2).

Таблица 2

Доля русских/русскоязычных в некоторых областях Узбекистана по переписи 1989 г. [4, с.94-101]

Область	Всего	Русские	Татары	Корейцы
Ташкентская область	2143462 (100%)	313855 (14,6%)	106160 (4,9%)	76178 (3,5%)
Ферганская область	2141737 (100%)	123826 (5,7%)	32726 (1,5%)	-
Сырдарьинская область	1297949 (100%)	88415 (6,8%)	33947 (2,6%)	16730 (1,2%)
Самаркандская область	2281872 (100%)	113522 (4,9%)	35044 (1,5%)	8120 (0,35%)
Бухарская область	1622484 (100%)	133197 (8,2%)	36835 (2,2%)	3226 (0,1%)

Согласно данным переписи 1989 г., высокая доля русских и русскоязычных групп проживали в городах таких областей Узбекистана, как Ташкентская, Бухарская, Самаркандская, Ферганская. Как указывалось выше, в Ташкентской и Бухарской областях располагались крупные промышленные центры добывающей и перерабатывающей промышленности, в частности, такие города как Алмалык, Ангрэн, Навои. В абсолютных цифрах татары в равных пропорциях проживали в Ферганской, Сырдарьинской, Самаркандской, Бухарской областях. Гораздо большая локализация татар наблюдалась в Ташкентской области, куда они приезжали на всесоюзные стройки.

Таблица 3

Этнический состав городов постсоветского Узбекистана на 1 января 2015 г. [3]

Этнические группы	Всего в Республике Узбекистан	Ташкент	Фергана	Ангрэн	Алмалык	Чирчик	Навои	Ташкентская область
всего	31022525	2371269	268064	177714	122587	150482	133540	2758298
узбеки	83,3%	70,2%	91,1%	73,6%	44,6%	34,6%	80,4%	68,2%
русские	2,5%	15,2%	2,9%	2,1%	23,9%	28,7%	8,3%	5,3%

таджики	4,8%	1,2%	1,2%	16,9%	3,8%	10,7%	0,7%	5,4%
татары	0,6%	3,7%	0,1%	0,5%	1%	2,4%	2,3%	1,4%
корейцы	0,5%	2,6%	0,6%	4,6%	5,4%	2,7%	0,1%	2,6%

В постсоветское 25-летие произошли важные изменения, повлиявшие на демографические характеристики меньшинств. В период независимости в Узбекистане не была проведена перепись населения, что затрудняет анализ демографических характеристик. Можно зафиксировать общее снижение доли русских и русскоязычных групп, кроме корейцев, связанное с миграционной и естественной убылью. В настоящее время больше всего русских проживает в Ташкенте (15,2%), Алмалыке (23,9%), Чирчике (28,7%), Навои (8,3%) (таблица 4), то есть в городах, где сохраняются производственные мощности, соответственно, традиционная занятость в промышленности.

Скорее всего, доля русских и русскоязычных в Узбекистане будет постепенно сокращаться. Эти процессы являются неизбежными вследствие значительного «старения» русских, русскоязычных групп в республике, из-за устойчивых установок на переезд и неизбежной трансформации узбекского общества. Необходимо согласиться с мнением американского профессора У. Фиермана о том, что демографические данные в отдельности не обеспечивают объективной информацией о языковых процессах в центрально-азиатских республиках [6, p.1087]. Несмотря на снижение доли русских и других русскоязычных групп, русское информационно-коммуникативное пространство по-прежнему сохраняется в столице республики, во многих городах Ташкентской области, Фергане, Навои, Самарканде, Бухаре и др. Этот феномен нуждается в дополнительном осмыслении и анализе.

Библиографический список

1. Абдуллаев Е.В. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демодернизации // Русский мир в Центральной Азии. Сборник материалов и статей. / Под общей редакцией А.А. Князева. Выпуск 1. Бишкек, 2007. С. 8-33.
2. Ата-Мирзаев О.Б., Гентшке В.Л., Муртазаева Р.Х. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент, 1998.
3. Материалы предоставлены государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан №01/3-13-07/3-280 от 5 октября 2015 г.
4. Национальный состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989. Москва: Финансы и статистика, 1991.
5. Рахматуллаев Ш.М. Некоторые аспекты демографических характеристик русскоязычной диаспоры Узбекистана в постсоветский период // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 8-й международной научной конференции. Выпуск 8. Барнаул, 2011. С 54-59
6. *Fierman William* Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // EUROPE-ASIA STUDIES. Vol.64, No.6, August 2012. P.1077-1100.

Н.С. Юферова

Проблема землеустройства казахского населения на территории Иртышского десятиверстного пространства в начале XX в.

В статье анализируется проблема землеустройства казахского населения на территории Иртышского десятиверстного пространства в начале XX в., возникшей в результате законодательного закрепления данного региона за Сибирским казачьим войском. Автор представил анализ позиций центральных и местных органов власти по данной проблеме, а также механизмы ее реализации.

Ключевые слова: землеустройство, десятиверстная полоса, проблема, население.

N.S. Yuferova

Problem of land management of the Kazakh population in the territory of ten verst space in the first half of the 20th century

The problem of land management of the Kazakh population in the territory of Irtysh desyativerstny space at the beginning of the 20th century, resulted from legislative fixing of this region to the Siberian Cossack army is analyzed in the article. The author has submitted the analysis of positions of the central and local authorities on this problem, and also mechanisms of her realization.

Keywords: land management, desyativerstny strip, problem, population.

Во второй половине XVIII в. в результате выдвижения рубежей Российской империи в южно-сибирском направлении, на правобережье и левобережье р. Иртыш была установлена нейтральная полоса, получившая в последствии название десятиверстной полосы или десятиверстного пространства. Иртышское десятиверстное пространство стало выполнять функции пограничной территории между владениями России в данном регионе и кочевьями казахов Среднего жуза.

В начале XIX в. в результате казачьей колонизации прииртышских территорий вглубь казахских кочевий, четко обозначилась межэтнический конфликт по вопросам землепользования в этом регионе. Поэтому западно-сибирская администрация стала предпринимать меры, направленные на четкое обозначение границ Иртышского десятиверстного пространства. Первое межевание войсковых участков и обозначение границ полосы было проведено в 1839 г. по распоряжению генерал-губернатора П.Д. Горчакова, было проведено первое ее межевание, наметившее внешнюю границу путем постановки деревянных столбов [1, л. 8].

Разграничение казачьих земель и тех которые должны были войти в состав Семипалатинского внутреннего округа, совпало с работами межевой партии, образованной в 1850 г. для отвода земель войску на основании закона 5 декабря 1846 г. До этого времени казаки пользовались не только своими наделами, но и землями далеко вправо от р. Иртыш, по берегам которого, в особенности к северу от Семипалатинска, было очень мало удобных для хлебопашества мест. Работы казачьей межевой партии продвигались медленно, а между тем во многих местах, благодаря такому неопределенному земледелию, у казаков и казахов-кочевников стали возникать споры. Те и другие часто предъявляли права на одни и те же участки, причем казахов, ссылаясь на свою принадлежность к вновь открытому Семипалатинскому округу, отказывались платить ремонтную пошлину. Все это заставило генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда сделать предписание о проведение временной границы между округом и войсковыми землями, которая под названием «временной черты» и была проведена в 1858 г. Семипалатинским областным землемером М.С. Скоробогатовым от 5 до 26 верст от казачьих

селений и почтовой дороги. При проведении черты участвовали депутаты обеих сторон [2, с. 20].

В 1899 г. военный министр А.Н. Куропаткин предложил «земли десятиверстной полосы в тех размерах и границах, которые были предоставлены во временное пользование войска» передать ему в «вечное пользование». Помимо предложения А.Н. Куропаткина, идею о передаче десятиверстного пространства Сибирскому казачеству поддержал император Николай II. 31 мая 1904 г. был подписан указ императора, по которому земли Иртышской десятиверстной полосы были присоединены к составу войсковых земель на общих основаниях. Данное правительственное решение вновь актуализировало вопрос землеустройства казахов, где военный министр Куропаткин видел решение этого вопроса в возможности причисления их к казачьему сословию» [3, с. 109].

Вопрос об устройстве казахов обсуждался между МВД и Министерством земледелия и государственных имуществ, которые приходили к совершенно противоположным заключениям. Региональная администрация в лице Степного генерал – губернатора Г.А. Колпаковского, а затем сменившегося на этом посту М.А. Таубе представляла интересы Министерства земледелия и государственных имуществ. М.А. Таубе выступал за отмежевание части территории Иртышского десятиверстного пространства из пользования Сибирского казачьего войска с передачей Министерству земледелия и государственных имуществ. Предложения Военного министерства сводились к предоставлению казахам, имеющим стойбища в десятиверстной полосе, права зачисляться в казачье сословие и при этом условии получить землеустройство в пределах Иртышского десятиверстного пространства. Тех казахов, которые отказывались вступать в казачье сословие, предлагалось проводить на свободных землях Акмолинской и Семипалатинской областей Степного генерал-губернаторства [4, л. 10].

Проектирования по окончательному устройству быта казахов в пределах Иртышской десятиверстной полосы вызвали в Государственном Совете серьезные сомнения в отношении их правильности и целесообразности. На заседании Семипалатинского областного правления весной 1905 г. была выработана особая программа обследования быта казахов Иртышской десятиверстной полосы и поставлено возобновить внешнюю границу этой полосы. Все это было выполнено в том же 1905 г. На основании чего можно было приступить к выработке плана устройства казахов, однако до весны 1907 г. не было ни одного заседания областного правления Степного края.

На последнем заседании областного правления Степного края в 1907 г. выяснилось, что в десятиверстной полосе не хватает войсковых запасных земель для полного обеспечения казачьего населения и для удовлетворения общих войсковых надобностей. Таким образом делался вывод о невозможности землеустройства казахов без ущерба Сибирскому казачьему войску в пределах Иртышского десятиверстного пространства [5, л. 351].

15 марта 1908 г. Степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин предложил пересмотреть решение Семипалатинского областного правления и еще раз рассмотреть возможность землеустройства казахов, проживающих на землях Иртышского десятиверстного пространства. Для этого необходимо было собрать информацию об общем количестве земель Сибирского казачьего войска на территории Иртышского десятиверстного пространства, а также выяснить какое число казахов Иртышского десятиверстного пространства, нуждалось в землеустройстве. Генерал-майору Г.Е. Катанаеву было поручено в очередной раз обследовать хозяйство казахов в пределах Иртышского десятиверстного пространства. На основании полученных данных он пришел к заключению, что казахи Иртышской десятиверстной полосы, имеют в волостях Акмолинской и Семипалатинской областей, к которым они были приписаны достаточно земли для их скотоводческого хозяйства [6, л. 345].

Вопрос о землеустройстве казахов, имеющих зимовые стойбища в Иртышской десятиверстной полосе,

снова поступил Семипалатинское областное правление Степного края, на заседании которого в январе 1909 г. было признано, что казахи не могут быть устроены в пределах Иртышской десятиверстной полосы. Поэтому Семипалатинское областное правление приняло решение выдворять казахов или отправлять их в другие волости и уезды. Для того чтобы дать казахам время выбрать тот или иной вариант землеустройства, Семипалатинское областное правление ходатайствовало об отмене льгот, которые кочевникам были даны на основе закона 1904 г. Однако генерал-губернатор Степного края Е.О. Шмидт не согласился с мнением Семипалатинского областного правления и предложил разрешить пользоваться летовками или в случае невозможности отправляться на земли в которых они получали наделы [7, л. 431].

В итоге по решению генерал-губернатора Степного края Е.О. Шмидта было признано необходимым и возможным, опираясь на действующие правила частичного землеустройства казахов, произвести опыт устройства казахов Иртышской десятиверстной полосы на областных землях Степного края. Казахам, проживающим на территории Иртышского десятиверстного пространства, не ожидая законодательного решения, было предложено получить на областных землях Степного края наделы по 15 десятин на тех же основаниях, на каких получали переселенцы. В результате чего был командирован чиновник Войскового хозяйственного правления П.И. Ходаков для опроса казахов, проживающих в Иртышской десятиверстной полосе, однако только 22% казахов изъявили желание получить 15-ти десятинный надел на областных землях и перейти в оседлое состояние, а 50 % вовсе отказались получить земельный надел [8, л. 432].

Согласно заключению генерал губернатора Е.О. Шмидта от 29 января 1909 г. предполагалось установить следующий порядок землеустройства киргиз:

- Предоставить казахам, имеющих зимовые стойбища в десятиверстной полосе Сибирского казачьего войска право получить земельные наделы на областных землях Семипалатинского области, на одинаковых основаниях с переселенцами, одобренного Советом Министров 1908 г., с оставлением за ними до общего землеустройства казахского населения. Пользоваться летовками, или в случае невозможности выкочевывать за эти летовки с предоставлением права временно кочевать на летовках тех казахских волостей, на тех землях на которых они получают наделы.
- Казахам, пожелавшим оставить их внутреннее управление, образовать из них самостоятельные волости или присоединить в административном отношении к составу тех казахских волостей, в пределах которых они поселятся.
- Отвод наделенных участков возлагался на переселенческую организацию Семипалатинского района и межевых чинов Семипалатинского областного правления.

Казахам, отказавшимся получать постоянный надел, предоставить 3-х летний срок на перенос их зимовок на земли волостей, в которых они состоят на причисление, или туда, куда они самостоятельно причисляются. За истечением срока казахи лишаются этих льгот по пользованию казачьими землями десятиверстной полосы [9, л. 433].

В 1913 г. Войсковое хозяйственное правление в очередной раз поручило землемеру И.И. Шевелеву формально утвердить внешнюю границу всей десятиверстной полосы, однако в 1914 г. в связи с началом мировой войны наметившийся план так и не был выполнен. Это было связано в первую очередь с отсутствием законодательной базы, участки казаков часто выходили за рамки положенной нормы. И вплоть до 1917 г. предложенный проект не был утвержден.

Таким образом территориальный вопрос в районе Иртышского десятиверстного пространства долгое время был зависим от юридического оформления границ и решения ее статуса. В конце XIX в. эти

проблемы вышли за рамки двух межэтнических этносов и стали предметом активного обсуждения центральных и местных органов власти. Проблема была решена в начале XX в. в пользу Сибирского казачьего войска, несмотря на это казахи имели право пользоваться землями Иртышского десятиверстного пространства при сохранении арендной платы до окончательного их землеустройства. Проблема землеустройства казахов-кочевников осталась в таком же виде, в каком она была обозначена во 2-й половине XVIII в. Казахи не только не стали полноправными владельцами, но и лишились права претендовать на эти земли.

Библиографический список

1. Государственный архив Омской области (ГАОО). – Ф. 67. – Оп. 2. – Д. 2363.
2. Коншин, Н. Я. Киргизы на казачьих землях / Н. Я. Коншин // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. – Семипалатинск, 1901. – Вып. 5. – С. 121.
3. Анисимова, И. В. Межэтнические процессы на Алтае в XVIII – начале XX века (на примере русского и казахского этносов) / И. В. Анисимова, Ю. А. Лысенко. – Барнаул, 2013. – 176 с.
4. ГАОО. – Ф. 67. – Оп. 2. – Д. 2363.
5. ГАОО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 1247.
6. ГАОО. – Ф. 67. – Оп. 2. – Д. 2363.
7. ГАОО. – Ф. 67. – Оп. 2. – Д. 2363.
8. ГАОО. – Ф. 67. – Оп. 2. – Д. 2363.
9. ГАОО. – Ф. 67. – Оп. 2. – Д. 2363.

Наши авторы

Алексеев А.Н. – доктор исторических наук, профессор Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Анисимова И.В. – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия

Бармин В.А. – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия

Бемм М.А. - специалист отдела народного и декоративно-прикладного искусства Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Биточкина Е.А. – аспирант Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия

Бойко В.С. – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия

Бочкарева И.Б. – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия

Дацышен В.Г. – доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального государственного университета, г. Красноярск, Россия

Дурново И.В. - КГКП "Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник", г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Еремин И.А. – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия

Жумагулов Б.С. – кандидат исторических наук, профессор, директор института истории и права Казахского национального педагогического университета имени Абая, Республика Казахстан

Керейбаева А.С. – аспирант ГУ им. Шакарима, г. Семей, Казахстан

Коновалов А.П. Национально-языковые тенденции в современном Казахстане (системные исследования в г. Семей).

Кладова В.Р. – аспирант Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия

Климачков В.М. - аспирант Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия

Крейдун Ю.А. - доктор искусствоведения Барнаульской духовной семинарии, г. Барнаул, Россия

Лыдин Н.Н. – кандидат исторических наук, старший преподаватель, Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия

Лысенко Ю.А. – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия

Мамаева Г.Е. – аспирант ГУ им. Шакарима, г. Семей, Казахстана

Мизимбаев Т. – IV курс ГУ им. Шакарима, г. Семей, Казахстан

Мирошников С.Н. – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета, г. Томск, Россия

Молдагазинова Ж.М. – магистрант I курса исторического факультета, г. Барнаул, Россия

Москвитин Ю.Н. – кандидат исторических наук, старший преподаватель Барнаульского юридического института МВД России, г. Барнаул, Россия

Мухамеджанова Р.Ч. - старший научный сотрудник, координатор Ресурсного центра ремесленников Восточно-Казахстанской области, Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Останаккулов И. – доктор исторических наук, доцент Государственного педагогического университета имени Низами, г. Ташкент, Узбекистан

Садиков М. - старший преподаватель Ташкентского государственного института востоковедения, Республика Узбекистан

Сушко П.Н. - старший научный сотрудник отдела редких книг и иконописи Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Сюе-Скурихина Н.В. - магистрант Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия

Хасанов Р.И. - старший преподаватель Государственного педагогического университета имени Низами, г. Ташкент, Узбекистан

Цыряпкина Ю.Н. – кандидат исторических наук, доцент, Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия

Шеметова Т.А. - кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия

Юферова Н.С. - преподаватель кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия